

Н.Н. Александров

**ЗВЕЗДА
ДЕЯТЕЛЬНОСТИ**
*ВВЕДЕНИЕ В ОБЩУЮ ТЕОРИЮ
ДЕЯТЕЛЬНОСТИ*

МОСКВА, 2011

Н.Н. Александров

**ЗВЕЗДА
ДЕЯТЕЛЬНОСТИ**
*Введение в общую
теорию деятельности*

МОСКВА 2011 |

УДК 140.8
ББК 87.3
А 00

ISBN 5-7591-0244-3

Александров Н.Н. Звезда деятельности. (Введение в общую теорию деятельности).
Издание второе, стереотипное. — Москва, Из-во Академии Тринитаризма, 2011. - 167 с.

В книге анализируются вопросы общей теории деятельности (ОТД) и ее прикладные аспекты.

В области общей теории деятельности представлена оригинальная авторская концепция, основанная на методе экзистенциальной системогенетики.

Кроме того, в книге обобщаются разработки по теории деятельности Философского Клуба ГИСИ— НФК — Общероссийской Академии человековедения (г. Горький — г. Нижний Новгород) 1980—1995 гг. и им дается графико-аналитическая интерпретация.

Для широкого круга читателей гуманитарной ориентации.

Редакционная коллегия:

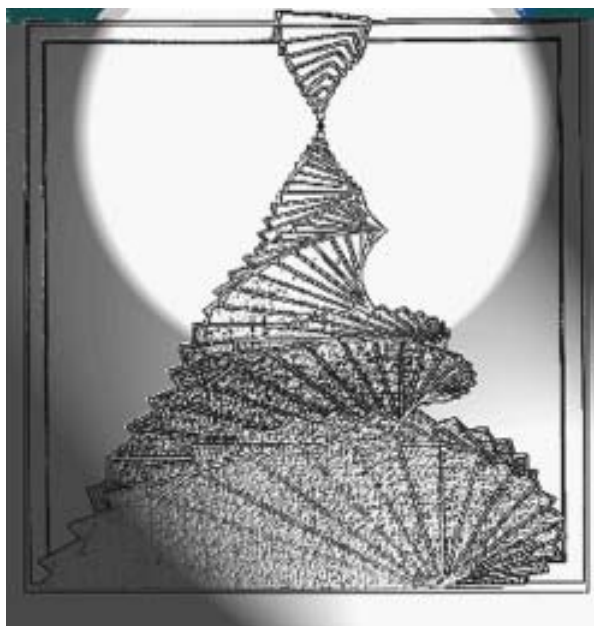
А.И. Субетто, доктор философских наук, доктор экономических наук, академик-секретарь отделения образования ПАНИ (науч. редактор);

Н.А. Селезнева, доктор технических наук;

Т.В. Зырянова, кандидат педагогических наук (отв. редактор).

СИСТЕМОГЕНЕТИКА

И УЧЕНИЕ О ЦИКЛИЧНОСТИ РАЗВИТИЯ

**БИБЛИОТЕКА
ЭКЗИСТЕНЦИАЛЬНОЙ СИСТЕМОГЕНЕТИКИ
И ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ГЕРМЕНЕВТИКИ**

СОДЕРЖАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	1
Глава I	
ВВЕДЕНИЕ В ОБЩУЮ ТЕОРИЮ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ	12
1.1. Предмет общей теории деятельности	12
Деятельность как противоречие и как порожденное третье	12
Звезда деятельности. Глава 1.	13
Деятельность в иерархии систем и циклов	13
Деятельность как совокупность модусов и их генезис	15
Связь таксономического и иерархического принципов	15
Деятельность как система	16
Номологический аспект общей теории деятельности	16
Совокупность определений предмета общей теории деятельности	17
1.2. Терминология общей теории деятельности	18
Понятия и категории науки как открыто-закрытая система	18
Стадии упорядочения категориального набора	18
Отнесение понятий	19
Состояния движения и покоя	19
Изменение и сохранение	19
Взаимодействие и активность	19
Свойство и признак	20
Присвоение и отчуждение	20
Актуальность и потенциальность свойств. Возможность	20
Действие и функция	20
Связь и ограниченность. Отношение	20
Качество и свойство. Признак	20
Количество, качество, мера	21
Взаимодействие и его разновидности	21
Детерминированность взаимодействия на трех уровнях	21
Детерминация взаимодействий в деятельности	23
1.3. Базис деятельности	24
Четверка типов, или среда деятельности	24
Последовательность овладения фондами деятельности	24
Иерархическая тройка систем в базисе деятельности	27
1.4. Системология общей теории деятельности	29
Технология проектирования системы деятельности	31
Эффективность деятельности	34
Глава II	
ТАКСОНОМИЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ	36
2.1. Таксоны первого уровня	36
Соотношение общественного и социального	38
Дуальность отражения и преобразования	39
Определение вложенных уровней	41
2.1.1. Социальные отношения	41
2.1.2. Социальные институты	41
2.1.3. Потребности человека	42
2.1.4. Способности человека	43
2.1.5. Полная интегративная статическая схема характерных срезов структуры, приводящей к деятельности	44
2.2. Таксоны деятельности второго уровня	48
Раздвоение материального преобразования природы	49
Раздвоение материального преобразования человека	50
Раздвоение идеального преобразования человека	51
Раздвоение отражения	52

Глава III	
ГРАФИЧЕСКАЯ МЕТОДОЛОГИЯ	57
Звезда деятельности как структурно-генетическая модель становления систем в человеке и обществе	57
Программирование деятельности	68
Проектирование и программирование	71
Первичное понятие о функциях управления	72
Стратегия, тактика, оперативность	73
3.2. Метод суперпозиционного экрана	74
Онтологическое суперпозиционирование	75
Четыре вида деятельности	77
Восемь родов деятельности	79
"Звезда деятельности" как восьмерка родов деятельности	83
Модель деятельностного универсума	86
Перекрестный перенос внутри суперпозиционной схемы	91
Генетический аспект, содержащийся в звезде деятельности	93
Генетическая проверка онтологических построений	95
Проблема "первой деятельности" и эволюции модусов	96
Заключение	99
Глава IV	
ФУНКЦИИ РОДОВЫХ ДЕЯТЕЛЬНОСТЕЙ В ИХ СФЕРАХ	105
4.1. Сферы общественной жизни	105
Развитие общества и развитие личности: пути	106
4.2. Функции родовых деятельностей в их сферах	108
4.2.1. Функции производственно-экономической деятельности в ее сфере	108
4.2.2. Функции экологической деятельности в ее сфере	109
4.2.3. Функции физкультурной деятельности в ее сфере	112
4.2.4. Функции медицинской деятельности в ее сфере	115
4.2.5. Функции педагогической деятельности в ее сфере	116
Этапы социализации человека	122
Ценностное и оценочное отношение	122
Педагогическая деятельность и культура	123
Три типа культуры и девять ее видов	124
4.2.6. Функции управленческой деятельности в ее сфере	127
Программно-целевой подход	131
Существо программно-целевого метода	131
4.2.7. Функции научной деятельности в ее сфере	133
4.2.8. Функция художественной деятельности в ее сфере	140
Эстетическое отношение и его специфика	141
Значение и смысл	143
Типология и морфология эстетического поля	144
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	
ШАГ К ДИНАМИКЕ ДЕЯТЕЛЬНОСТЕЙ	149
Генезис деятельностей в социозволюции	149
ПОСЛЕСЛОВИЕ	158
ИСТОЧНИКИ (Сборники Философского Клуба ГИСИ)	159
Б И Б Л И О Г Р А Ф И Я	161

ВВЕДЕНИЕ

Эта книга посвящена синтетической теории деятельности. Синтетичность ее состоит в том, что она “стягивает” некоторое множество представлений о деятельности из различных сфер знания: из социальной философии, психологии, физиологии и междисциплинарной **общей теории деятельности**, которая за время своего недолгого расцвета успела стать вполне самостоятельной наукой, хотя и не приобрела широкого распространения. Текст формировался по мере возникновения вопросов и поиска ответов на них в пространстве, где взаимодействуют: человек, общество, техника, природа. *Деятельность* является здесь объединяющим ключевым понятием, которое удерживает целостность всей представляемой системы.

Характерно, что под знаком деятельности в XX-м веке, и в первой, и во второй его половине, родилось множество оригинальных теорий разного уровня, поэтому вполне естественно, что и в конце столетия эта тема остается достаточно актуальной, — необходимо подвести итоги прошедшему веку. Мы не собираемся обобщать поиски и делать это на предметно-фактологическом материале — наша работа иного жанра. В ее основе лежит **метод геометрических суперпозиционных моделей**, разработанный специально для темы “Деятельность” и примененный затем в исследованиях: “Числовые инварианты в менталитете”, “Эволюция ментального хронотопа”, “Формула истории”, “Экзистенциальная системогенетика”, и в книге статей “Понимание истории”.

Концептуальной основой для нашего анализа первоначально была **общая теория деятельности (ОТД)**. В настоящее время в ней пока нет ни завершенной системы категорий и законов, ни общепринятого взгляда на ее центральные понятия, в частности на ключевое понятие “деятельность”. Но она уже способна выступать как *общая теория*, и это — единственная реальная база выработки теоретических и методологических основ для неисчислимого множества областей деятельности, что проверено практикой.

Относительно ракурса, угла освещения, ОТД можно сказать, что в главном эта работа тематически принадлежит *социальной философии* и раскрывает многие ее проблемы изнутри. И, хоть она связана также с некоторыми социологическими и психологическими теориями деятельности, основная наша ориентация — междисциплинарный общенаучный синтез.

В качестве основного первоисточника нами применялись материалы, наработанные с 1972-го года философским клубом ГИСИ (когда-то — Горьковского Инженерно-Строительного Института, отсюда — первичная аббревиатура; после того, как клуб стал общегородским, ГИСИ означало *Генерацию Идей Совокупным Интеллектом*). Философский клуб ГИСИ “Универсум” (ФК ГИСИ, Нижегородский философский клуб, а сегодня — Общероссийская академия человековедения) является коллективным членом философского общества России; в его рядах уже не студенты, как было с самого начала, а специалисты разных уровней и рангов; первые постоянные члены клуба почти все являются теперь кандидатами и докторами наук. В период брежневского “застоя”, когда движение в области философских наук практически остановилось, этот клуб сумел провести — через все запреты и публичную клевету в его адрес — ежегодно по одному Межзональному симпозиуму по философским проблемам, связанным с широким набором тем, сгруппированных вокруг общей теории деятельности. Количество первосортной научной продукции, наработанное этой *самодеятельной* организацией, по качеству и актуальности не имеет аналогов [Материалы ФК ГИСИ и ОАЧ, 13]. Хотелось бы указать на два главных достоинства названного клуба и его продукции: это — системность и последовательность методологии и изначальная ориентированность как на предельную широту теоретических обобщений, так и на практическое внедрение. Не всякая научная школа может удерживаться на таких позициях столь длительное время — почти четверть века.

Следует сказать, что автору удалось застать самый плодотворный и вместе с тем наиболее драматичный этап развития ФК ГИСИ: он побывал на десяти симпозиумах — в период с 1981-го по 1996-й годы.

Теория деятельности ФК ГИСИ, с нашей точки зрения, является вполне завершенной научной теорией, может быть, вообще единственной в своем роде последовательно завершенной **общенаучной теорией деятельности**. В этом — её сильная сторона и вместе с тем уязвимость. Преимущество всякой завершенности — в связанности и взаимообусловленности любого компонента теоретической системы, в ее прочной архитектурной выстроенности. Слабая сторона состоит в том, что на Востоке выражают фразой “отвердевшее становится хрупким”: у всякой теории есть свой *цикл жизни* в науке — и завершенная теория рано или поздно до конца вырабатывает свою золотоносную жилу. В этом смысле её уже сложно перестроить содержательно, но можно попытаться посмотреть с другой позиции. Поэтому без *авторских* изменений, прививок *принципиально иного* и свежих трактовок уже завершенного нам в данном тексте не обойтись. Любые трактовки видоизменяют оригинал, а потому зная, насколько щепетильны бывают авторы по отношению к своим творениям, мы заранее приносим извинения за допущенные вольности.

В данной работе содержится также ряд теоретических положений, совершенно отличных от концепции Нижегородского Философского Клуба. Отличие состоит, в первую очередь, в применении ко всему набору затронутых тем **системогенетического подхода**. Речь идет также и о различиях в способе выведения *основных постулатов* общей теории деятельности, что лишь способствует обогащению материала: мы предпринимаем попытку перевести статическое на рельсы динамического и указываем путь достройки восьмеричной концепции ФК ГИСИ до пространственной модели из десяти родов деятельности.

Особо отличается графическая часть нашей работы — система изобразительных моделей, которой в первоисточниках нет и никогда не было. Достаточно самостоятельным образом выведена база методологии. Полностью самостоятельным являются наброски *динамики системы деятельности*, этим вопросом философский клуб ранее не занимался. По данному направлению у нас накоплен материал для обширной монографии — и приводимые здесь мысли можно считать фрагментами предстоящей большой работы. Но они тематически примыкают к теме и расширяют ее. Вот почему мы сочли возможным представить их здесь хотя бы в самой краткой форме.

* * *

Чтобы структурировать материал на предельно возможном уровне, обратимся к метатеории общей теории деятельности. Это дает возможность составить достаточно полное представление о теории деятельности в целом, поскольку метатеоретический раздел является вершиной всякой науки [82]. Метатеория позволяет привести в порядок весь аппарат теории, с позиции всеобщего научного знания, что, как минимум, подразумевает в качестве базы уже сформированную теорию. Отношение *метатеории* к теории аналогично соотношению науковедения к конкретным наукам. Таким образом, метатеоретический ракурс как всякий “взгляд сверху”, из надсистемы, дает возможность увидеть *системное целое* теории, в данном случае — общей теории деятельности.

В метатеории всякой теории должны быть упорядоченно представлены все главные аспекты учения. Продемонстрируем их упорядоченность.

1. **Предметология** — учение о предмете данной науки.
2. **Методология** — учение о методе данной науки.
3. **Номология** — учение о системе законов данной науки.
4. **Терминология** — учение о категориях и терминах данной науки.
5. **Системология** — учение о системе предмета данной науки.
6. **Историология** — учение об истории исследования предмета данной науки.
7. **Праксеология** — учение о практических, прикладных ее аспектах.
8. **Семиология** — учение о семиотических образованиях данной науки.

К последнему разделу относится и учение о графических средствах, используемых в данной науке, — *графология*. Она особо выделяется здесь лишь потому, что наша работа построена как *упорядоченное* представление общей теории деятельности на основе единой геометрической модели — “**звезды деятельности**”. К ее содержательному и смысловому наполнению мы будем подходить постепенно при развертывании всех наших ключевых

положений. Эта модель начиналась со структурно-мнемонической схемы, и если считать наглядность достоинством, то она его сохранила: на единой графической основе, названной нами “звездой деятельности”, удалось “развесить” многообразные смыслы, содержащиеся в теории деятельности и социальной философии в целом. В педагогическом плане это построение обладает очень высокими качествами и дает обучаемым зримую структурную основу для “упаковки” значительного по объему учебного материала из множества пересекающихся областей знания. Студенты даже дали ей прозвище — “бабочка”.

Перечисленные разделы интересуют нас в ключевых, определяющих, моментах, позволяющих последовательно обозревать **ядро общей теории деятельности**. В качестве такого ядра мы рассмотрим элементы предметологии, терминологии, номологии и системологии. Что касается очень важного раздела — *методологии*, то он подробно описан нами в других книгах (в серии “Формула истории”), поэтому здесь не освещен.

* * *

Несколько слов — о структуре работы.

Она открывается *общетеоретическим разделом*, в котором понятия, предмет и закономерности деятельности представлены на уровне определений. После системного их изложения рассмотрена *типология деятельности*, которая позволяет нам говорить о многообразии модусов деятельности множества уровней.

Во втором разделе более подробно анализируется *система деятельности*, выводимая нами с ориентацией на практику — на программирование целей. Кроме того, раздел посвящен исследованию специфических *функций каждой деятельности*, что также подводит нас к возможности опрокидывания теории на практику. Названные разделы в совокупности демонстрируют **статический, всеобщий, срез** социоса как системы деятельностей, развертывают его системно и функционально.

Заключение позволяет выйти в пространство исторической динамики деятельности. Полученная ранее статическая *система* социоса соединяется с *историей* (динамическим ракурсом того же) — и мы здесь получаем соединение структурного и генетического, исторического и логического, синхронного и диахронного подходов.

В заключении мы исследуем возможности дальнейшего синтеза общей теории деятельности с системогенетикой.

* * *

В завершающей части работы приведены: список материалов ФК ГИСИ — НФК — ОАЧ и традиционная библиография. И то, и другое имеет нумерацию, но для различения материалов Философского Клуба мы будем применять обозначение с большой буквой М пронумерованным, например “[М 14]” означает: “Материалы ФК ГИСИ, № 14”.

Глава I

ВВЕДЕНИЕ

В ОБЩУЮ ТЕОРИЮ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

1.1. Предмет общей теории деятельности

Определение предмета *общей* теории деятельности должно удовлетворять, по крайней мере, двум требованиям: оно должно “накрывать” как статику, так и динамику деятельности, а также включать в себя любые модусы (таксономические единицы) человеческой деятельности.

Общая теория деятельности — это междисциплинарная наука, имеющая в качестве единственного предмета деятельность. Она опирается на совокупность наук, имеющих *общую предметную область* — исследование деятельности.

Человеческую деятельность изучают и физиология, и психология, и социология, этим понятием активно пользуются и современная философия, и такие философские науки, как аксиология, этика и эстетика. Если для общей теории деятельности “деятельность” — единственный предмет, то для перечисленных наук предметов исследования существует больше, а *деятельность является для них лишь одним из предметов*. Таким образом, в совокупности этих наук обнаруживается некое множество ракурсов интересующего нас предмета, и мы будем активно использовать их материал для освещения проблем общей теории деятельности.

При всем множестве ракурсов эти науки, однако, не выработали единого **определения деятельности** и не предложили единой **системы ее модусов**, не говоря уже об описании динамики системы. Впрочем, такое требование изначально безосновательно, ведь это может и должна сделать лишь общая теория, имеющая в качестве единственного предмета деятельность [82].

Постараемся подойти к определению предмета деятельности, исходя из простейших рассуждений и общепринятых подходов.

Деятельность как противоречие и как порожденное третье

Социальная философия и обществоведение в целом рассматривают деятельность как динамическое ядро человеческого общества. Это ядро постоянно пульсирует между двумя разными по уровням общности системами, находящимися в иерархической соподчиненности, — между **обществом и человеком**. Если воспользоваться трехуровневой системной альтитудой [1], то деятельность (в рамках теории деятельности) можно представить как систему, общество — как надсистему, а человека — как подсистему. Это в принципе верно, но только — в принципе, и вот почему: наши надсистема и подсистема в данном ракурсе воспринимаются как *статические начала*, выступающие в качестве условий для существования *динамической* деятельности. Иначе говоря, перед нами — противоречие по определению, где взаимоисключающие и взаимоподразумевающие вневременные стороны противоречия А и В (общество и человек) порождают процессуирующее третье (деятельность).

Это достаточно простое построение, мы включаем его в работу и одновременно применяем нашу модель “звезда деятельности” в качестве матрицы, в начале пути не заполняя ее никакими обозначениями. Постепенно она получит свое содержательное наполнение.

Итак, *деятельность как динамическое третье*, находится между обществом и человеком, выступающими в данном случае как статические “стороны противоречия”, порождающие это третье “начало”:

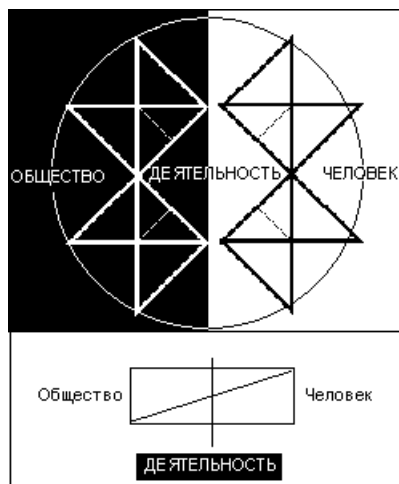

Рис. 1.

В человеке (как в подсистеме) содержится лишь *потенциал для реализации деятельности*, а в обществе, как надсистеме, — некая надсистемная ниша, где происходит оформление деятельности на протяжении определенного *жизненного цикла*. Иными словами говоря, мы обнаруживаем, с одной стороны, *человеческие основания* для осуществления деятельности, а с другой — общественную закрепленность, заданность, детерминированность, *надсистемную форму, определяющую собой процесс становления* деятельности в цикле ее жизни.

Деятельность в иерархии систем и циклов

Чтобы разобраться в этом подробнее, необходимо продифференцировать наше понимание, несколько расширив его основу. Начнем с надсистемы — с общества.

Деятельность есть динамическое третье, находящееся между человеком и обществом, от деятельности производны *общественные отношения*. Мы говорим “производны”, потому что эти отношения выступают только *временной формой*, между тем как **деятельность является константным содержанием общественной жизни**. Порождаемые деятельностью социальные отношения *относительно стабильны на протяжении определенных циклов* (в них сохраняется их циклическое качество), и такие циклы явно длиннее циклов деятельности. Это — первый шаг по расширению и первый шаг по разведению циклики разной длительности.

Отношения, будучи формой (для деятельности как содержания), “застывают” в виде *социальных институтов*. Различие состоит прежде всего в степени динамичности: институты более инертны, их цикл жизни превышает цикл жизни одного устойчивого типа социальных отношений [М4]. Взгляд в обратном направлении обнаруживает, что институты, в свою очередь, “оформляют” сложившиеся социальные отношения. В пределах пары “отношения — институты” можно сказать, что *институты выступают формой*, а отношения — содержанием. Это разворачивает альтитуду в сторону общества иерархически на два уровня вверх. Деятельность в этом отношении предстает общественно обусловленной на двух уровнях иерархии. Но есть и вариант обратного взгляда на деятельность.

Если мы говорим о подсистеме (“человек”) — о **субъективном начале деятельности**, то неизменно привлекаем такие понятия, как “*потребности*” и “*способности*” человека [М5].

Потребности в том виде, о котором мы будем говорить, — принадлежность только человеческая, и именно **потребности выступают двигателем деятельности** со стороны субъекта: они обуславливают само участие человека в деятельности (ее мотивированность).

За потребностями обнаруживает себя *потенциальное субъектное основание* деятельности: это — “*сущностные родовые силы человека*”, по известному выражению К. Маркса, его **способности**.

Возникают иерархически вложенные системы, “опоясывающие” деятельность своими ярусами (причем *опоясывающие* в данном случае и зримо, и содержательно):

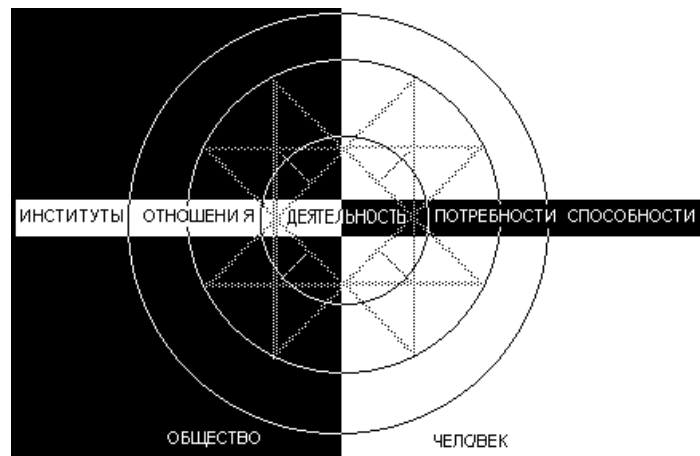

Рис. 2.

Говоря языком системогенетики, здесь мы получаем не просто иерархию, а вертикальную **альтитуду**, с двумя уровнями вверх и вниз от деятельности (мы изобразили ее для удобства чтения горизонтально, но для вложенных окружностей это не принципиально).

Л.А. Зеленов представляет ее “пятеркой социума” [М5], в которой есть четыре статических элемента (институты, отношения, потребности, способности) и один динамический (деятельность). Мы предлагаем в дополнение к его пониманию другой, системогенетический (в частности, циклический) подход, который разворачивает перед нами **иерархически вложенные системы нескольких уровней**, имеющих свои жизненные циклы.

Из сказанного выше понятно, что циклы разных иерархических уровней различаются длительностью. В таком варианте возникает *эффект вложенности* не только трех уровней, но и их циклики: более длинный по циклам уровень социальных институтов *включает в себя* менее длинный уровень циклов социальных отношений (один и тот же общественный институт существует на протяжении нескольких качественно разных циклов социальных отношений). В свою очередь цикл социальных отношений *накрывает* еще более короткие по периодам циклы деятельности (один и тот же тип социальных отношений существует на протяжении множества качественно разных циклов деятельности). Мы устанавливаем для циклов этих трех типов *отношения иерархической соподчиненности и вложенности*. Самое короткопериодное образование в этой тройке — акты деятельности.

Деятельность обусловлена со стороны общества общественными отношениями, а вот *со стороны человека* — его потребностями. Отметим, что и социальные отношения, и потребности человека имеют более длинные периоды жизни, чем акты деятельности, то есть это — среднепериодные образования. В свою очередь отношения обусловлены более длиннопериодными по циклам жизни социальными институтами, а потребности человека — аналогичными (в специфике человека) длиннопериодными циклами жизни человеческих способностей. Так, например, институт семьи и брака живет в обществе почти всю его историю, а способности обуславливают качества человека на протяжении почти всей его жизни.

Все вместе составляет **систему вложенных циклов трех уровней, развернутых по отношению к деятельности и вовне, и внутрь**. Приведем один из графических способов трехуровневого представления, который постоянно используется нами. Здесь дан лишь один из вариантов трехуровневого представления циклов (например, **внешняя иерархия**, где *общее* = циклы бытия общественных институтов, *особенное* = циклы бытия общественных отношений, *единичное* = циклы деятельности), хотя точно такую же схему можно выстроить и по отношению к человеку (**внутренняя иерархия**). Кроме того, для примера здесь взята формула “три уровня — по три цикла”, в то время как на практике можно применить любое их количество (N циклов в уровне):

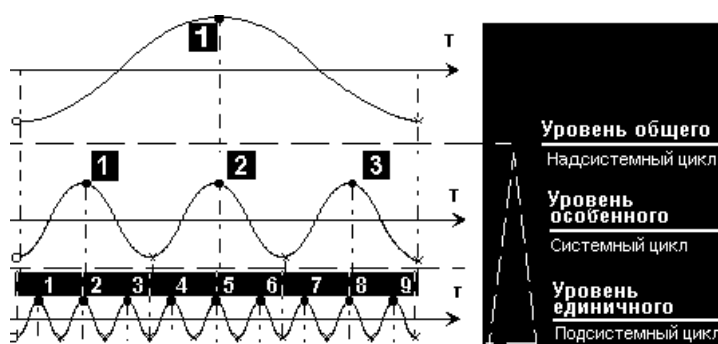

Рис.3.

Подробнее о циклическом и иерархическом представлениях смотрите нашу диссертацию [1] и недавно завершённую книгу “Формула истории”, раздел теории циклов.

Деятельность как совокупность модусов и их генезис

Деятельность как нечто константное *живёт в истории* человечества, причем мы можем наблюдать, как она постоянно видоизменяется (модифицируется). Теоретически упорядоченным выражением модификаций являются **таксоны** (от лат. “таксис” — “расположение, строй, порядок”). С точки зрения таксономии, общая теория деятельности, как минимум, должна выступать в качестве **науки о человеческой деятельности и ее модификациях** (таксонах деятельности) [82]. С точки зрения системогенетики, с динамическим принципом общая теория деятельности, как минимум, должна выступать также в качестве **науки о генезисе таксонов человеческой деятельности, об исторической логике ее модификаций**.

Связь таксономического и иерархического принципов

Если мы будем иметь связанный таксономический набор модусов деятельности, то сможем присовокупить к нему и понятия, связанные с деятельностью иерархически.

Это достаточно очевидный и необходимый шаг, где координирующим началом могут выступать упорядоченные модификации деятельности. Как считает Л.А. Зеленев, невозможно классифицировать *отношения* без классификации *деятельностей*, и наоборот; точно так же типология деятельности выступает ключом к типологии *потребностей* [М5]. Это открывает для обществоведения в целом возможность исследования *типов способностей* и приводит к соответствующему анализу *типологии социальных институтов*.

Деятельность как динамическое явление открывает подходы к анализу ее *оснований и производимых ею форм*. Поэтому предметная область общей теории деятельности становится еще более определенной: она включает в себя соединение, связанность, *сочетание таксономического и иерархического принципов изучения деятельности*.

На этом основании можно построить прямоугольную матрицу: “таксоны деятельности — иерархия (уровневая альтитуда)”. Это делают, например, и Л.А. Зеленев, и А.И. Субетто [М6], каждый — по-своему. Такая матрица в принципе позволяет удерживать всю предметную область общей теории деятельности, а образующим ее основанием в данном варианте является таксономический набор исходных модусов деятельности. ФК ГИСИ использует *восьмерку родов деятельности*, но с тем же успехом вместо родов здесь можно применить и другой набор конечных модусов деятельности (например, *типов* или *видов* деятельности). Несомненно одно: проблема выбора *константных* (инвариантных) *таксонов деятельности*, пронизывающих всю историю человечества, действительно, должна быть решена прежде, чем мы построим такую расширенную матрицу предметной области ОТД. Назовем этот важный таксономический набор **“генеральным инвариантным таксономическим набором деятельностей”**.

Полученное построение одновременно значимо и в логическом, и в классиологическом, и в системогенетическом аспектах. Но по-настоящему убедительное решение проблемы

генерального набора может дать именно системогенетика: если о логических выводах можно спорить (что постоянно и наблюдалось в литературе по теории деятельности), то отображение статического таксономического набора в генезисе делает его почти бесспорным: срабатывает принцип генетической проверки системы статических модусов [1].

Дополним наше определение: **предметная область общей теории деятельности** включает в себя таксономический, иерархический и генетический аспекты (принципы, способы) изучения деятельности в их связанности.

Деятельность как система

Этими ракурсами внешней и внутренней обусловленности деятельности возможности исследования интересующего нас предмета не исчерпываются. Остается еще деятельность как таковая, и в этом отношении *деятельность может быть исследована как система* (не система деятельностей, а **система самой деятельности**).

На этом этапе к деятельности применим системный подход, что более подробно развернуто нами в системологии деятельности. *Сущность системного подхода*, по Л.А. Зеленову [82], выражают компонентный анализ и структурный анализ, а *содержание системного подхода* включает в себя функциональный и целостный анализ.

Именно в **компонентном анализе** деятельности как системы содержится различие между теорией деятельности ФК ГИСИ и неким множеством всех прочих теорий. Поначалу речь шла о семикомпонентном, а сейчас — о восьмикомпонентном составе деятельности. Выделение компонентов деятельности — тонкая аналитическая работа, которая продолжалась много лет и вызывает споры до сих пор. Полученная модель компонентного набора, действительно, предельно полная. Сравним: компонентный набор в педагогических теориях не выходит за рамки четырех компонентов (таков он в СМД-методологии).

На базе структурного анализа возникает возможность построения моделей **связывания компонентов в структуру** (на основе их отграниченности и сходства, особых и общих свойств). Структурная модель деятельности ФК ГИСИ — наиболее известная ее теоретическая конструкция, обладающая несомненными достоинствами хотя бы потому, что у нее больше практически нет конкурентов по степени проработанности и многообразию предшествующих вариантов. Она также представлена ниже в системологической части нашей работы.

Всякая структура является выражением определенной функции. Функция как понятие переводит нас в план процессуальности. Следовательно, системный анализ включает в себя не только анализ статический (компоненты и структура), но и динамический — **анализ функций** деятельности. И если состав и структурное устройство деятельности едины и инвариантны, то функционально деятельность обладает некоторым таксономическим разнообразием, проявляемым через ее модусы. Не существует “деятельности вообще”, но есть инвариантный набор деятельностей в обществе.

Целостный взгляд дает возможность связывать статику с динамикой, компонентный и структурный анализ — с анализом функций деятельности. В целостности она и предстает как система.

Такое раскрытие системного подхода, включающее в себя и модификации, позволяет нам подойти к следующему определению: общая теория деятельности должна содержать системный анализ деятельности, поэтому она выступает как **наука о системе человеческой деятельности** [82].

Номологический аспект общей теории деятельности

Несколько слов следует сказать и о **номологии** — учении о законах деятельности.

Законы науки — это квинтэссенция теоретического знания так же, как само теоретическое знание (система знаний о предмете) есть обобщение эмпирического способа описания предмета данной науки. Законы — это *костяк теоретических построений*: они определяют инвариантность всех теоретических исследований в данной области знания. Понятия данной науки должны сходиться в законах, как в фокусе, что и приводит науку к концептуальной строгости и методической определенности.

Общая теория деятельности, имея свой особый предмет, имеет и ряд своих законов, характерных для любых проявлений деятельности. Говорить о них коротко приходится лишь потому, что вся совокупность законов еще не выявлена достаточно полно, чтобы можно было свести их в особую законченную системную номологию. Перечислим хотя бы некоторые из найденных законов ОТД.

1. Закон минимакса: при минимуме средств — максимум результата.
2. Закон обращенности каждой родовой деятельности на каждую.
3. Закон готовности к деятельности в субъекте деятельности.
4. Закон восьмикомпонентного состава любой деятельности.

Наличие системы законов деятельности, по идее, должно “снять” в себе множество предыдущих определений общей теории деятельности.

Совокупность определений предмета общей теории деятельности

Перечислим полученные определения предмета общей теории деятельности. ОТД — это:

- *наука о человеческой деятельности и ее модификациях;*
- *наука об исторической логике становления модификаций деятельности;*
- *наука о системе человеческой деятельности.*

Исходя из потенций номологии, наиболее строгим определением можно считать следующее: общая теория деятельности — это междисциплинарная **наука о системе законов человеческой деятельности.**

Кроме того, могут существовать и менее строгие определения, количество которых велико, и они встречаются в литературе.

1. ОТД — *наука о человеческой деятельности в целом.*
2. ОТД — *наука о всей совокупности модусов деятельности.*
3. ОТД — *наука о системе человеческой деятельности.*
4. ОТД — *наука о генезисе деятельности.*
5. ОТД — *наука о законах человеческой деятельности.*

И т.д.

1.2. Терминология общей теории деятельности

Будем считать, что *предметная область* ОТД в целом и сам ее *предмет* определены, и мы получаем достаточное обоснование специфического предмета ОТД, что позволяет нам говорить о ее статусе. Теперь следует более точно обозначить терминологическое поле общей теории деятельности.

Понятия и категории науки как открыто-закрытая система

Категориальный аппарат нужен науке для освоения своего предмета. Он представляет собой *совокупность понятий, образующих элементарный логический состав данной науки*. Понятия, с одной стороны, обобщают допонятийные обоснования (факты, цифры, высказывания, предложения и т.д.), а с другой — служат основанием для построения более сложных образований: проблем, гипотез, постулатов, принципов, аксиом, теорий и законов данной науки.

Поскольку общая теория деятельности — наука междисциплинарная по определению, то ее категориальный аппарат образуется как из специальных, так и из общенаучных, а также из всеобщих философских понятий. **Понятийный состав науки** приобретает базисное терминологическое облачение **в ее категориях**. Сложность состоит, как правило, в том, что большинство наук, из которых ОТД заимствует понятия, еще не приобрело однозначности, но эта особенность присуща всем становящимся наукам и иногда практически непреодолима. Вот почему при введении того или иного заимствованного понятия в рамки ОТД необходимо оговаривать его трактовку “*в отличие от других наук*”. Мы будем стараться это делать на всем протяжении изложения, периодически уточняя терминологию. Но это — одна сторона проблемы, есть и другая: в ее основе лежит противоречивое требование к терминологическому аппарату, и оно сущностное.

Принципиальная незавершенность и **открытость терминологического аппарата** науки исходит из того, что *он всегда должен быть развивающейся системой*: открытая система пополняется новыми понятиями, в ней фиксируются новые отношения и свойства, она вступает в новые связи с другими системами. В то же время **система категорий науки есть замкнутая система**: она должна быть в принципе “закрытой” для чужеродных понятий, не соответствующих ее *системообразующему принципу*. **Неопределенность** исходит из возможностей пополнения состава системы, **определенность** — из структурированности, из системообразующей функции (поскольку изменение структуры ведет к изменению качества). Этот момент интересен сам по себе: все изменения (модификации, углубления, расширения, сужения) не должны менять структуру науки (закон распределения элементов системы). Инвариант системы должен оставаться константой — тогда система остается собой [82].

Стадии упорядочения категориального набора

Как и в случае с упорядочением модусов деятельностей, мы имеем возможность взять неупорядоченный состав категорий, относящихся к нашей предметной области и подвергнуть его операциям типологизации, классификации и систематизации. Что это за операции?

Типологизация означает первичное упорядочение множества путем выделения таксонов как крупных единиц (подмножеств некоего множества).

Классификация усиливает упорядоченность множества путем введения некоторого набора принципов (как правило, иерархичности и ранжированности).

Систематизация означает выделение и фиксацию логических отношений между таксонами, это — высшая форма упорядочения множества, когда состав его элементов подвергается структурированию на основе одного инварианта, что приводит к созданию *системы как структурированного состава элементов*.

Все разноплановые понятия в результате должны быть нанизаны на **один стержень**, схвачены **одним принципом** — тогда наука предстанет системой. Именно так методологически построена философская система Г. Гегеля [39-41]. Конечно, определение понятия данной науки, особенно её “ключевого” понятия, — дело всей истории данной науки. Всеми признанного понятия “деятельность” ожидать не приходится: это центральное понятие новой науки

становится и, повторим, находится далеко от завершающей стадии. Но можно попытаться приблизиться к этой стадии, проведя операцию *отнесения понятий*.

Отнесение понятий

Эмпирически найденный понятийный набор первично типологизируется в узлы, блоки, типы родственных понятий, обладающих четко очерченными *признаками*.

1. **Процессуальные:** процесс, функция, операция, действие, деятельность, взаимодействие, противодействие, содействие и т.д.

2. **Атрибутивные:** целесообразность, эффективность, оптимальность, продуктивность, результативность и т.д.

3. **Субстанциальные:** субъект, объект, средства, результат, среда, условия и т.д.

4. **Реляционные:** система, структура, континуум, множество и т.д.

5. **Таксономические:** тип, род, вид, класс, группа и т.д.

6. **Установочно-методические:** цель, план, программа, метод и т.д.

Деятельность имеет процессуальные признаки и может быть определена по отношению к совокупности всех прочих процессуальных понятий и терминов. Но начать следует с носителя, **субстрата**, функцией которого сама деятельность является. Мы можем снова-таки пойти здесь двумя путями: от простого — к сложному или от высшего — к низшему; но лучше идти и тем, и другим путем, попеременно.

Построим дальнейший сценарий наших рассуждений в последовательности, позволяющей раскрыть наиболее важные основные понятия, группирующиеся вокруг ключевого понятия “деятельность”: **Предмет — Свойство — Отношение — Действие — Взаимодействие**.

Состояния движения и покоя

Системы находятся в некоторых состояниях.

Состояние выступает как *способ бытия системы*.

Любые системы могут рассматриваться как находящиеся одновременно в двух *состояниях*: в движении и в покое, в устойчивом и изменчивом состояниях.

Движение есть состояние *изменчивости признаков* системы.

Покой — состояние *устойчивости признаков* систем.

Единство полярных состояний предполагает и единство таких полярных характеристик, как абсолютность и относительность: и движение, и покой абсолютны и относительны.

Изменение и сохранение

Такое понятие, как “деятельность”, хочется определить именно *через изменение*, т.е. динамическое состояние системы. Но деятельность на практике решает и противоположную задачу — задачу сохранения, удержания, стабилизации системы. **Парность изменения и сохранения** приводит нас к общему для них базовому понятию “взаимодействие”.

Взаимодействие и активность

Взаимодействие открывает нам две формы двух состояний: *изменяюсь сам и изменяю, сохраняюсь сам и сохраняю*.

Степень взаимодействия — параметр, индекс, характеристика его в обоих видах и формах — схватывается понятием активности. **Активность** противопоставляется пассивности (реактивности); она является не первичным, а *вторичным признаком материальных систем*, т.е. не стоит в одном ряду с движением, отражением, деятельностью. *Индекс активности характеризует деятельность*.

Если взаимодействие выводит нас на отношение двух систем, то **действие** мы должны объяснить исходя из самой системы, ведь любая система обладает *свойством* действовать на другую и испытывать ее действие на себе

Свойство и признак

Свойство — это *внутренняя предрасположенность* системы к действию.

Понятие “свойство” выводимо из “**признака**”: **свойство** содержит в себе **присвоение**; следовательно, *присвоенный признак есть свойство*.

Присвоение и отчуждение

Присвоению противостоит **отчуждение** — отделение свойств от предмета (но не всякое, ибо акт отделения свойства может осуществляться как самореализация предмета).

Актуальность и потенциальность свойств. Возможность

С точки зрения существования, *свойство актуально*, присуще предмету. С точки зрения функционирования, действия, поведения (поведение есть совокупность действий), *свойство потенциально*. Оно реализуется и разворачивается в действии.

Таким образом, функционально свойство выступает как **возможность**.

Свойство вообще можно рассматривать лишь по отношению к действию, которое оно производит или может произвести, то есть как *свойство принимать состояния статического или динамического характера*.

Это дает нам выход на определение действия.

Действие и функция

Действие — это процессуирующее свойство системы (свойство, совершающее процесс).

В этом значении нами используется и понятие функции: **функция** есть *действие свойства*. Но в понятии функции фиксируется такое состояние, когда предмет и его свойство активны имманентно, сами из себя, в то время как действие может носить реактивный характер, служить ответом на воздействие внешних сил.

Итак, **за действием и функцией стоит свойство**.

Говоря о неживых, абиотических, системах, мы предпочтительно используем именно понятие *действия*, в то время как по отношению к живому, к биотическим системам, мы применяем понятие *функции*.

Связи и отграниченность. Отношение

“Свойство” во всех случаях выступает как *присущее предмету свойство*. Это — *внутренний источник*, который реализуется через внешнее проявление, и наоборот: для того, чтобы действие состоялось, другой предмет должен обладать свойствами, адекватными действующему свойству. Полная адекватность означает тождество предметов, но в этом случае действие невозможно: свойству не в чем себя реализовывать, и оно остается потенциальным. Необходимо не только тождество (наличие сходного), но и *различие, отграниченность*.

Возможность существования универсального взаимодействия в мире определяется тем, что *все предметы обладают как общими, так и различными свойствами*. По Г. Гегелю, задача науки состоит в том, чтобы находить сходство в различном и различие в сходном [39]. Но нам мало отметить, что все предметы и сходны и различны (единство), — мы должны прояснить, что **сходство выражает связь** предметов (общность), а **различие выражает отграниченность** их. **Единство связи и отграниченности фиксируется понятием “отношение”**.

Тогда **действие** можно воспринимать как *встречу подобных свойств в разных предметах*.

Качество и свойство. Признак

Углубляя данное понимание свойства, мы констатируем, что *качество — это видовое отличие сущности* (Аристотель). А свойство выступает при этом как индивидуальная характеристика сущности. **Качества** фиксируют общность предметов вида или рода, *свойства*

— *отличия предметов одного вида*, одного рода. Спецификация предметов осуществляется за счет их действий, их функционирующих свойств. При утрате качества предмет переходит в другой род предметов, при утрате свойств предмет может оставаться в пределах рода, сохранить качество. Изменяется только индивидуальное бытие предмета.

Соотношение между качеством и свойством проиллюстрируем через “признак”. Любой **признак** является качеством по отношению к менее общему роду (если вспомнить, что каждый предмет находится одновременно в отношении к разным по степени общности родам). Например, зрение есть *свойство* по отношению к роду “человек” и *качество* по отношению к частному роду “зрячие люди”.

Количество, качество, мера

Анализируя свойство как отношение, мы выходим и на понятие “количество”. По Г. Гегелю, от *существования* (бытия) движение идет к *отношению*: **существовать — значит находиться в отношениях**.

Именно *отношение* предмета к родственным себе (сходным, подобным) *обнаруживает в предмете его количественные характеристики*, а отношение к неподобным — качественные. Внутри одного рода каждый предмет качественно схож с другими, но количественно отличен от них. За пределами рода — наоборот: существует качественное различие и может существовать момент количественного сходства. За пределами рода существенны качественные различия предметов, в пределах рода — количественные. Говоря образно, “в своем роде” предмет чувствует себя как количество, “выйдя за него” — как качество.

Если развернуть количество в пределах рода, получим способ фиксации *степени развития качества*. Это — фазовая характеристика, которую представляет нам циклически связанный набор, объединенный общим качеством.

Крайне важное понятие, которое мы постоянно будем использовать, — **мера**. **Мера есть качественное количество, единство количества и качества**. Мера фиксирует такое **соотношение качества и количества**, при котором качество основано на определенном разнообразии количества. Увеличение количества (уменьшение количества) за пределы меры ликвидирует данную меру, снимает данное качество. Но неверно понимать меру как гармонию количества — качества, ведь *мера включает в себя все состояния*, в том числе явные нарушения этой гармонии (дисгармонию), лишь бы они осуществлялись в пределах меры.

Взаимодействие и его разновидности

Наряду со взаимодействием существенную, хоть и вторичную, роль играют и такие понятия, как *противодействие и содействие*.

Противодействие — действие на основе отграниченности, ответное действие.

Содействие — это ответ на действие свойств активного предмета действия своими подобными свойствами (суммарный эффект).

Следовательно, во взаимодействии двух предметов мы можем выделить *действие, содействие и противодействие*.

Результат взаимодействия будет зависеть от их силы, интенсивности (шкала: сильнее, слабее, равно). При равенстве сил взаимодействующих предметов получим **равнодействие**.

Вся *детерминистическая сеть отношений* при этом выступает как отношения однородных (гомогенных) и разнородных (гетерогенных) свойств материальных систем. Детерминация коренится именно в существовании свойств в предметах, проявляемых во взаимодействиях.

Детерминированность взаимодействия на трех уровнях

Субстратом взаимодействия выступают предметы, **механизм взаимодействия** создают свойства. Но что стоит за свойствами, что определяет их действие?

Высшие формы взаимодействия (жизнь, деятельность) внутренне детерминированы. **Биотические системы** (живые системы) прежде всего детерминированы генетическими

программами наследования, но в жизнедеятельности животных мы обнаруживаем не только безусловнорефлекторные (генетически заданные, необходимые программы), но и условнорефлекторные, в которых наследственность дополняется изменчивостью. Они соотносятся как *необходимость и случайность*. Все изменения обусловлены мерой, спецификой, пределами данного рода или вида животных. Эта мера содержится уже в генетических программах, вот почему живые системы взаимодействуют с миром **геносообразно**.

Ничего подобного мы не найдем **в неживой природе**. Все виды взаимодействий абиотических систем с миром определяются *законами*, лежащими в основе материальных механических, физических и химических систем. Детерминированность таких взаимодействий объективными естественными законами сводится к **законосообразности**. Кстати, что касается живых систем, то в них тоже проявлена законосообразность — в той мере, в какой они существуют как механические, физические и химические системы.

В социальной форме движения материи “снимается” и законо- и геносообразность. Но при этом возникает новая система детерминации взаимодействия человека с предметным миром: это — целеполагание. В этом новом, в **целесообразности**, содержатся и законосообразность абиотических систем (и их взаимодействий), и геносообразность биотических систем (и их взаимодействий). Эти три понятия различны, но в ракурсе *диалектики цели и средств, цели и результата* обнаруживается вместе с тем и их связь. В целях человек свободен, в средствах он всегда объективно ограничен, а они-то уж подчиняются всем объективным естественным законам. Вот почему результат деятельности может никак не соответствовать цели.

Отсюда следует, что **оптимальность осуществления деятельности** должна согласовать в себе три составляющие: объективные законы, генетические программы, цели. Целесообразность при этом подразумевает не только постановку целей человеком по его мере, но и построение деятельности с учетом меры каждого вида предметного мира вне его: абиотических или биотических систем. В этом — принципиальное отличие человека от животных: если они действуют только по мере своего вида (геносообразно), то **человек в его деятельности способен действовать по мере любого вида**, как законосообразно, так и геносообразно. Здесь свобода постановки целей строится на учете необходимости.

Если животные связаны во времени только своей генетической программой, **каналом генетической программы наследственности**, то человек, имеющий биосоциальную природу, получает и второй канал — **социальную программу наследования**. В связи с этим социум, культура приводят к **культуросообразности** социосистемы человеческого рода. И если деятельность в массе своей носит культуросообразный стандартный характер, то возникновение новых программ (на основе нового целеполагания, вырабатываемого самим субъектом) обогащает культурные стандартные программы собственными, творческими: мы наблюдаем в данном случае **самодеятельность**. Однако во всех вариантах целесообразность базируется на четырех детерминантах, приводящих нас к пониманию соотношения мер предмета и человека в его деятельности:

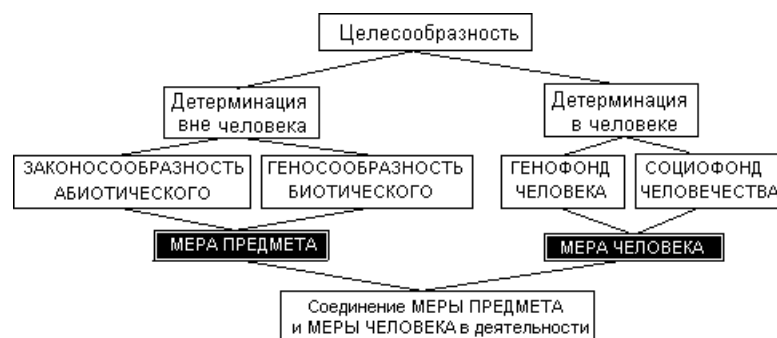

Рис.4.

Гармония мер (та самая “не обязательная, но желательная” характеристика деятельности) придает ей эстетический характер. Кроме стадии гармонии можно наблюдать и дисгармоническое отношение мер [80-81].

* * *

Мы достаточно приблизились к тому, чтобы понятийно определить деятельность как **высшую форму способности предметов к взаимодействию**. В таком взаимодействии (деятельность) один из предметов эволюционно становится высшим и потому универсальным по свойствам, а отсюда и по способностям вступать во взаимодействие со всем предметным миром.

Итак, все неживые системы обладают свойством **взаимодействия**, все живые системы — свойством **жизнедеятельности**, все социальные системы — свойством **деятельности**.

Спецификация общего свойства — взаимодействия — осуществляется за счет уточнения *характера* взаимодействия, что в совокупности можно выразить схемой:

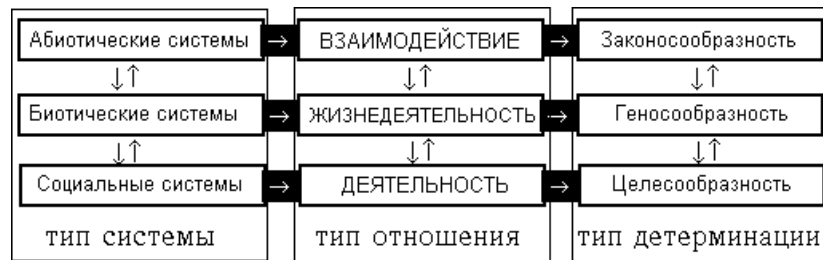

Рис. 5.

Детерминация взаимодействий в деятельности

В детерминантах обнаруживается определенное инвариантное содержание, дополняемое вариативным. Мы уже упоминали два подобных аспекта: в живом мире и в соотношении деятельности и самодеятельности. Но инвариантное содержание мы находим и в абиотических системах: это — соотношение динамических и статистических закономерностей, вероятностное соотношение (где случайность выступает как форма выражения необходимости). В целом:

Рис. 6.

Теперь достаточно обоснованное определение понятия будет звучать так: **деятельность есть целесообразное взаимодействие человека и предметного мира**.

В данном определении, которое будет для нас исходным на протяжении дальнейшего изложения, зафиксированы все существенные моменты: две взаимодействующие системы (**человек** и **предмет его деятельности**), а также **целесообразный характер взаимодействия**.

* * *

На этом основную терминологическую часть изложения можно завершить. Добавим, что к тому же определению деятельности приводит еще один ход рассуждений, которым мы воспользуемся несколько позже.

Восстанавливая весь ход наших рассуждений, можно констатировать, что, пока определялось предметное поле теории деятельности, мы всматривались в деятельность как в нечто связанное, неотделимое, неотъемлемое от ее оснований иерархически — заглядывали внутрь нее, как в устройство системы. В терминологической части привлекалось для исследования все, что имеет отношение к деятельности, с точки зрения понятий, терминов, определений и т.д.

Обратимся теперь к базису, **на котором разворачивается деятельность**. Это кардинально меняет сам наш взгляд, ибо деятельность при этом становится как бы закрытым модулем, относительно которого нам уже известны и вся ее предметность, и ее терминологическое содержание.

1.3. Базис деятельности

Чтобы деятельность осуществлялась, ей нужно из чего-то брать свои компоненты. Это “что-то” и есть базис деятельности. Описать его можно простой схемой из типологической четверки (среда деятельности) и иерархической тройки, в которую эта среда включена.

Четверка типов, или среда деятельности

Что касается многообразных свойств типологической четверки в целом, то они подробно описаны нами в работе “Числовые инварианты в менталитете”. Здесь речь пойдет о типологии оснований деятельности.

Начнем с выделения очевидной пары: существуют *естественная среда и искусственная среда* деятельности.

Прежде всего человек опирается на **естественно сложившийся базис деятельности**. Такой базис подчинен объективным закономерностям абиотических и биотических систем. Типологически это — экосфера и генетическое разнообразие человечества, или **экофонд** и **генофонд** человечества. Другими словами, естественно сложившийся базис деятельности состоит из естественных внечеловеческих систем и естественных человеческих систем.

Далее перед человеком предстает **искусственно сложившийся базис**, который был создан исторически, в результате предыдущего функционирования человеческой деятельности. Он уже подчиняется не только естественным, но и социальным закономерностям. Типологически это — техносфера и социосфера, **технофонд** и **социофонд** человечества. Это — вся система *искусственных материальных средств* человеческой деятельности и вся система *социального опыта человечества* (воплощенная в естественных и искусственных языках, в системах знаков, в форме материальных носителей и т.д.).

Человеческая деятельность вписана в универсальное бытие, внешне субординирована и скоординирована, ее внутренняя специфическая природа отражена в понятии целесообразности взаимодействия человека и предмета. Именно через систему четырех фондов может быть раскрыт специфический базисный потенциал деятельности. Это дает нам возможность сопоставить два аспекта: само определение деятельности (целесообразное человеко-предметное взаимодействие) и состав среды деятельности:

Рис.7.

Последовательность овладения фондами деятельности

Экофонд и генофонд заданы человеку объективно, причем в своем формировании человек овладевает технофондом через социофонд (мы будем достаточно подробно останавливаться на приводящих к этому *процессах социализации*). Технофонд, в свою очередь, служит средством для овладения экофондом.

Таким образом, включение человека в обозначенные четыре сферы, через четыре фонда (что в совокупности и есть “среда”), можно представить в следующей схеме:

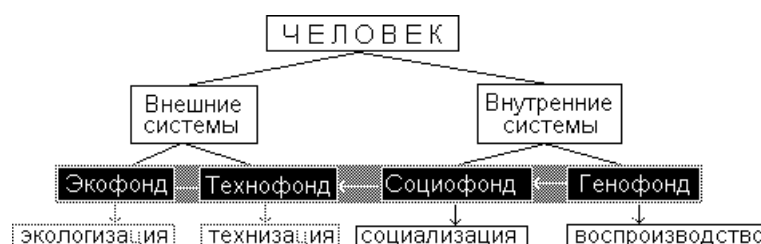

Рис.8.

Творческие программы, реализуемые и разрабатываемые самой личностью как субъектом деятельности, как самодеятельной личностью, обогащают экофонд, технофонд, социофонд человечества. Пока нет точных данных, что этот опыт закрепляется и в генетических структурах, но некоторые основания для такого предположения есть. В основе подобного процесса лежит механизм превращения культуры человечества в культуру личности и обогащения культуры человечества за счет деятельности личности (в которой и проявляется культура личности), т.е. возникает следующее взаимодействие:

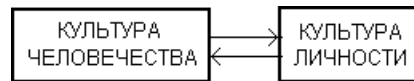

Рис. 9.

Существенно, что деятельность может быть направлена на любые элементы из состава среды (выступающие при этом в качестве предмета, на который направлена деятельность человека).

Однако такое возможное разделение среды на элементы пока ничего не может нам сказать о связях (возникновение которых неизбежно, потому что и среда является определенной системой). Так, сам человек выступает как биосоциальное единство, генетически и социально обусловленное в своем развитии. В определенных родах деятельности и самодеятельности он и сам выступает как предмет, на который направлена его деятельность.

Если поставить **проблему связей и ограничений компонентов среды**, то нам следовало бы рассматривать противоречивую сущность каждого компонента, приводящую к общей связи их в системе среды. Воспользуемся графической моделью противоречия, которую мы обосновываем подробно в другой нашей работе [1]. В общем виде важно зафиксировать взаимопроникновение, взаимоподразумевание и взаимоисключающий характер сторон А и В:

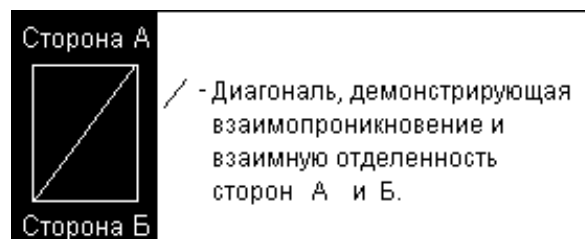

Рис.10.

Имея четыре компонента среды, мы последовательно должны исследовать их возможные типы связей, их возможность быть противоречиями, имеющими существенное значение в рамках среды. Устойчивый характер среды приводит нас к пониманию ее как гомеостатической системы: системы устойчивой в ее динамике развития, не теряющей существенных характеристик, сохраняющей свою меру.

В определенном плане такой подход облегчает нам и типологический анализ, которым мы займемся позже. Вопрос стоит таким образом, что мы должны выявить не только общий характер связанности компонентов среды, но и выявить доминирование, активную сторону противоречия. Такой активностью в нашем случае обладает именно социофонд, который актуально реализуется в функционировании. Принимая соотношение, которое явствует из изложенного выше, можно рассмотреть три противоречия, в каждом из которых социальная активность подразумевается:

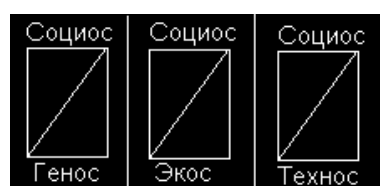

Рис.11.

Модель включения индивида в среду, как мы уже говорили, имеет последовательность: генофонд - > социофонд - > технофонд - > экофонд. И это — один ракурс их связи, идущий через ряд противоречий: генос — социос, социос — технос, технос (социос) — экос. Изучая специфическую связь “технос — экос”, мы практически подразумеваем “социо — экос”, где технос выступает как бы посредником, проводником, носителем активности социоса.

Рассмотрим эти **противоречия в отдельности**, характеризуя их заранее как разнопорядковые.

1. Человек как биосоциальный субстрат. За его биологической основой обнаруживается генофонд, порождающий телесность. Следовательно, перед нами фактически противоречие “социос — генос”. Биосубстрат создает предпосылки для психической деятельности человека, но сама сущность психической деятельности у человека — социальная. Именно общественный характер деятельности модифицирует ту первоначальную психическую основу, которая получена человеческим родом от животных.

2. Соотношение “социос и технос” в чем-то напоминает предыдущее соотношение. А именно: между ними есть такая же связь, сводящаяся к паре “духовное — материальное”. Техносфера и биосубстрат человека есть материальные основания для образования духовной сферы общества и духовной сферы личности, человека. В связи с этим возникает проблема иного рода: человек и общество. Человек выступает как элементарный компонент общества, общество есть совокупность людей. Что усматривается за этим? *Общее и единичное* — общество и человек. *Особенным* в данном ряду будут выступать социальные группы и коллективы, обладающие качественно-количественной спецификой.

Фактически два наших противоречия оказываются связанными третьим: обществом, общественным. **Социальное** выступает при этом двойко — как *отличное от технического* и как *отличное от биологического*. Общественное является более широким понятием, включающим в себя социальное. Возникает симметричное образование:

ДУХ	Духовная сфера общества	Духовная (психическая) сфера личности
МАТЕРИЯ	Материальная сфера общества, технофонд	Материальная основа (биосубстрат) личности, возникающая за счет генофонда
	ОБЩЕСТВО	ЛИЧНОСТЬ

Рис. 12.

И если верхняя часть (духовная сфера общества — духовная сфера личности) едина, то между техносом и материальной сферой общества, с одной стороны, и геносом — с другой, явной связи нет. Она опосредована противоречием: “технос — экос”. Связаны они общностью материальности. В то же время, беря за основу биосферные и ноосферные (сфера разума) взгляды В.И. Вернадского [30], мы можем обнаружить связь и здесь. Взаимодействие техно- и экосферы постепенно приближается к моменту соединения в систему, скажем, в пределах планеты Земля [156]. Биологическая основа человека также неотделима от природы в целом, зависима от нее. Нарушая вмешательством своей техники природное гомеостатическое равновесие, человек получает предупреждение от природы через свою биооснову [100].

Налицо не только связанность таким образом сопоставленных противоречий из пар компонентов среды, но и генетическая их связь, порождение. В экосфере из абиотического появляется биотическое. Через процесс эволюции живого у высших животных возникают предпосылки для психической деятельности человека. Переход к материальному производству вызывает появление как техноса, так и нового качества самого человека — его разумности, порождающей духовную сферу общества. А совместная коллективная *деятельность человека* находится в ядре, в самом центре процесса. Изобразим это:

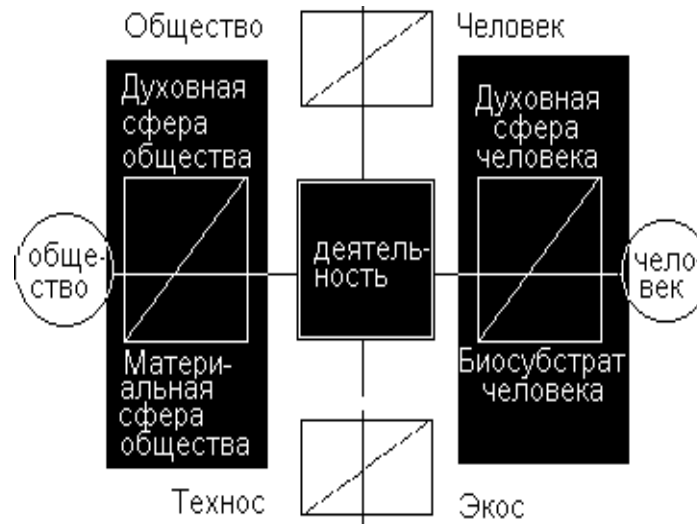

Рис. 13.

Подобный ракурс связи дает нам определенность в трактовке деятельности. Правомерно исследовать деятельность с любой из отдельных позиций: деятельности *человека*, деятельности *как общественно-личного* образования, деятельности *общественной*, деятельности в ракурсе *взаимодействия техно- и экосфер*, как материальной, так и духовной, а также совокупной. Когда мы представляем одновременно эти ракурсы, наиболее ярко проявляется определение деятельности как целесообразного взаимодействия человека и предмета его деятельности: в целесообразности — общественные качества человека, в самом человеке — единство его биосоциальности, в общественном характере деятельности — материальность, предметность, орудийность деятельности. Предметом деятельности может выступать все, что входит в состав среды, в том числе и сам человек.

Данная схема не более чем возможность держать в поле зрения определенную **взаимосвязанность противоречий**, хотя очень уж строгим характером она не обладает. Тем не менее она достаточно удобна для “развески” материала в силу своих демонстрационных качеств: симметричности, связанности, наличия всех важных крупных блоков одновременно, инвариантности ее проявления в истории. Если принять, что социофонд одновременно содержится и в обществе (в виде материальных носителей), и в человеке (как базис его психической деятельности, освоенный им социофонд), а экофонд служит базисом и для технофонда, и для генофонда, можно увидеть связанность и таким образом:

Рис. 14.

Иерархическая тройка систем в базисе деятельности

Речь пойдет об иерархии базиса деятельности, представленного для простоты троично.

Четыре фонда образуют среду. **Среда** — это *практически освоенная* часть мира. Она является *резервом* всех компонентов системы деятельности. Но это далеко не весь потенциал, используемый деятельностью.

Среда вписана в “мир”, который шире ее по определению. **Мир** — это *духовно освоенная* часть универсума. Деятельность есть динамическое образование, она находится внутри среды,

обеспечивается ею. Среда ее есть практически освоенная часть мира. Но человек осваивает мир **духовно-практически**, и духовно освоенная часть универсума — мир, — разумеется, шире практически освоенной “среды” деятельности.

В принципе, вся объективная действительность выступает как *потенциальное* по отношению к деятельности. А “вся объективная действительность” — это “универсум”. **Универсум** содержит актуальное и потенциальное бытие. В этом значении универсум воспринимали еще древние греки.

В понятиях “среда” и “мир” можно выразить *два способа* утверждения человека в универсуме: **функциональный и субстанциальный**.

Функциональный (атрибутивный) способ утверждения человека в мире связан с тем, что человек самим фактом своей деятельности делает *значимыми* естественные предметы. Мир в данном случае — непреобразованная природа, отраженная в сознании человека. В своей преобразующей деятельности человек утверждает себя в мире *субстанциально*, создавая тем самым среду своего обитания (экосферу и техносферу).

Таким образом, базис деятельности развернуто описан нами. К этому следует добавить, что собственно деятельность пока как бы осталась за пределами нашего изложения. Чтобы объединить перечисленные подходы и ввести деятельность в нашу систему, в центре ее надо поставить человека, и тогда мы получим следующую схему:

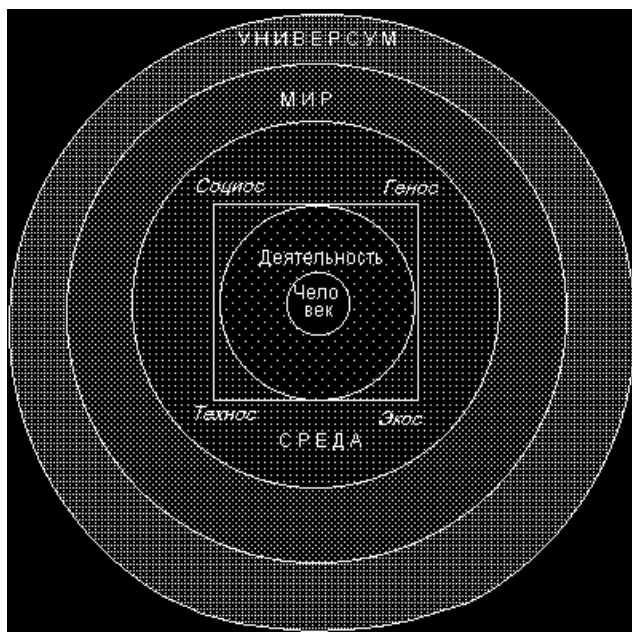

Рис 15.

Здесь среда развернута в своих главных составляющих. В центре построения — человек; из центра разворачивается деятельность, обладающая всем тем разнообразием, о котором мы только что говорили; деятельность существует в среде, состоящей из четырех сфер, выступающих фундами деятельности; расширение среды как практически освоенной части мира расширяет и мир; мир как духовно освоенная часть универсума вписан в его беспредельность.

Мы достаточно условно совместили здесь и внутреннюю иерархию, и иерархию внешнюю, и типологическую четверку, и тройку уровней. При всей наглядности схемы ее недостатком является хотя бы то, что здесь представлены разнопорядковые явления: деятельность как динамическое образование и такие относительно статические понятия, как человек и среда. Чтобы устранить противоречие, нам понадобится другой тип схем, раскрывающих специфику того же. Такая модель трехмерна, а, поскольку двухмерные модели — предпочтительнее, мы останемся в рамках двух измерений.

1.4. Системология общей теории деятельности

Начнем с совокупности основных понятий.

Система понимается здесь как структурированный состав [82]. **Состав**, в свою очередь, есть совокупность *элементов* или *компонентов* системы, а **структура** — это совокупность *отношений элементов*, организация состава в *целостность системы*.

Одним из ключевых в данном ряду является понятие “отношение”. **Отношение** понимается как *единство связей и ограничений* [М5].

Вот почему широко используемый *системный подход* имеет здесь специфические разделы, следующие из определения системы:

Системный подход — это единство компонентного, структурного, функционального, целостного анализа системы.

Раскроем суть каждого из них:

1. **Компонентный анализ** системы — это анализ составляющих ее элементов, *состава* системы.

2. **Структурный анализ** системы — это анализ отношений элементов, совокупности связей и ограничений, структуры системы.

3. **Функциональный анализ** системы — это анализ функций системы как целостного, единого образования.

4. **Целостный (системный) анализ** системы есть совокупность обозначенных подходов 1, 2, 3.

Компонентный анализ деятельности предполагает решение двух задач:

- а) количественная задача — выявление всего состава компонентов;
- б) качественная задача — атрибутивная (отнесение) и типологическая характеристика всех компонентов деятельности.

Структурный анализ тоже решает эти две задачи:

- а) количественная задача — выявление всех видов отношений между компонентами;
- б) качественная задача — атрибутивная и типологическая характеристика отношений компонентов деятельности.

Функциональное исследование деятельности как системы выводит нас на две группы проблем, у каждой из которых есть своя количественная и качественная задача:

- а) специфическая характеристика функций родов деятельности;
- б) общая характеристика функций деятельности.

Целостное (собственно системное) исследование предполагает также решение двух проблем:

- а) количественной — исследование всего состава деятельностей общества;
- б) качественной — содержательная характеристика отношений всех деятельностей общества.

Отсюда следует, что **модифицироваться** деятельность может по *четырем типам изменений*: это — компонентное изменение, структурное изменение, функциональное изменение, целостное (системное) изменение. Тогда через раскрытие системности деятельности мы сможем раскрыть и типологию ее модификаций.

* * *

Исходя из определения деятельности как целесообразного взаимодействия человека и предмета его деятельности, мы можем выделить все универсальные компоненты, инвариантно присутствующие в любой деятельности.

1. **Субъект деятельности.** Человек, обладающий общественно обусловленным биопсихическим субстратом, носитель целеполагания (деятельность как целесообразное: человек включается в деятельность имея цель).

2. **Объект деятельности.** То, на что направлена активность субъекта. Она может быть направлена как на отражение (внешнее или внутреннее), так и на преобразование. Преобразовывать человек может лишь то, что находится в *среде*: технос, экос, социос, (в экос включен генос), в том числе самого себя (как био- и как психобиосубстрат).

3. **Средства деятельности.** Любая деятельность человека орудийна: субъект не взаимодействует с объектом деятельности прямо. Будучи существом социальным, человек взаимодействует предметно-духовно опосредованно, т.е. орудийно. Орудия человека могут носить и чисто духовный (по преимуществу) характер (который тем не менее всегда материализуется). Идеальные, духовные средства деятельности все равно средства.

4. Орудийный характер субъекта при его взаимодействии с объектом создает связь: субъект, объект, средства деятельности.

Рис. 16.

Однако связь может остаться потенциальной, и тогда деятельности не возникает. Лишь актуализация связи приводит к следующему обязательному компоненту. Этот компонент — **процесс деятельности**. Качественно отличные цели, объекты и орудия порождают и качественно разные процессы.

5. **Результат деятельности** возникает из объекта в связи с целью субъекта, и при помощи орудий, и в определенном процессе деятельности. Коротко говоря, результат есть преобразованный в соответствии с целью объект. Однако результат деятельности никогда не совпадает с той идеальной моделью, которая была до начала деятельности зафиксирована в цели субъекта. Поэтому в результате есть то, что совпадает с целью (**продукт**), и то, что не совпадает с ней (**отход**).

6. Предыдущие пять компонентов, определенным образом связанные между собой, образуют **систему деятельности**. Характеризуя систему как связь пяти компонентов, можно вскрывать качественно различные способы связей между этими компонентами. Так, исторически разные культуры отличаются именно способом связи, а не только компонентами деятельности, которые могут быть и идентичны.

7. Система реализует себя в **среде деятельности**, то есть именно как *определенная* система она не выходит за рамки очерченной нами среды. Среда является универсальным потенциалом всех компонентов деятельности, и мы их обнаруживаем на нашей схеме. Среда является также и активным фоном системы деятельности, никакая деятельность не протекает изолированно, потому что она включена в среду.

8. Наконец, в данной системе деятельности обязательно заложены компоненты других систем, которые могут оказывать большее или меньшее влияние на продуктивность системы деятельности. Такие компоненты иных систем, обнаруженные в данной, называются **условиями деятельности**.

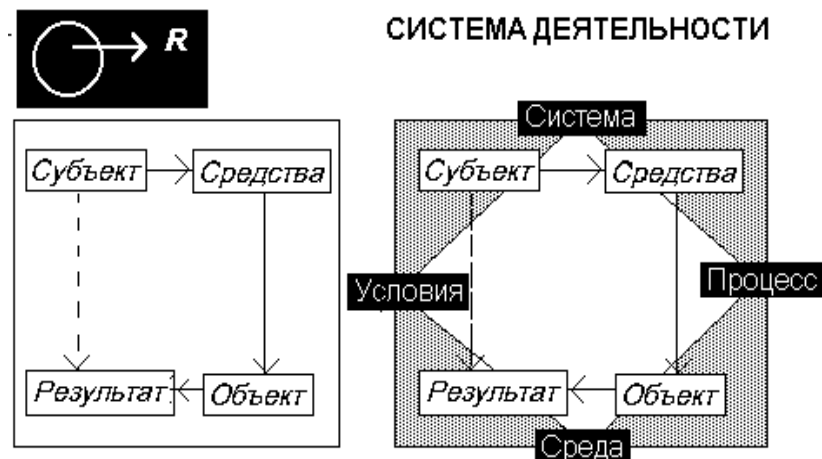

Рис. 17.

Таким образом, мы приходим к восьмикомпонентной схеме модуля деятельности, прямо формирующегося из более простой предыдущей схемы.

В дополнение можно соотнести понятие *среды социума* и *среды конкретной деятельности*, и ввести понятие **сферы деятельности**. Сфера представляет собой сужение и расширение среды деятельности за счет изменения потребностей. В этом плане можно говорить о *внешней и внутренней среде* данной конкретной деятельности.

* * *

Описание деятельности как системы было бы неполным, если бы мы не выделили историческое разведение единого синкретичного, целостного, ядра на **деятельность** (когда цель, заложенная у субъекта в акте деятельности, поставлена ему или обусловлена внешним образом и только принята им к исполнению) и **самодеятельность** (когда акт деятельности осуществляется на основе именно внутренним образом сформированной цели, не обязательно совпадающей с целью общественной, целями данного общества). Первоначальное **единство деятельности и самодеятельности** присутствовало в первобытнообщинном строе и снова восстанавливается в результате социозволюции, но уже на другом уровне.

Чтобы приблизиться к пониманию отличия деятельности как *общественно опосредованной* (цель деятельности сформирована вне человека) от самодеятельности как *внутренне мотивированной* (цель деятельности формируется в самом человеке и в идеале совпадает с целями общественного развития), нам необходимо раскрыть структуру человека, а также определить способ его включения в деятельность. А это станет возможным лишь при ясном понимании механизмов деятельности и самодеятельности (как первичное), сфер деятельности человека как родового существа, а также генезиса — исторически конкретного их становления и бытия.

Технология проектирования системы деятельности

Эта технология предложена одним из лидеров философского клуба ГИСИ, Р.И. Никифоровым. Она представляет собой обратную последовательность, когда система деятельности проектируется от целей.

1. Задание R — Идеального Конечного **Результата** (ИКР)

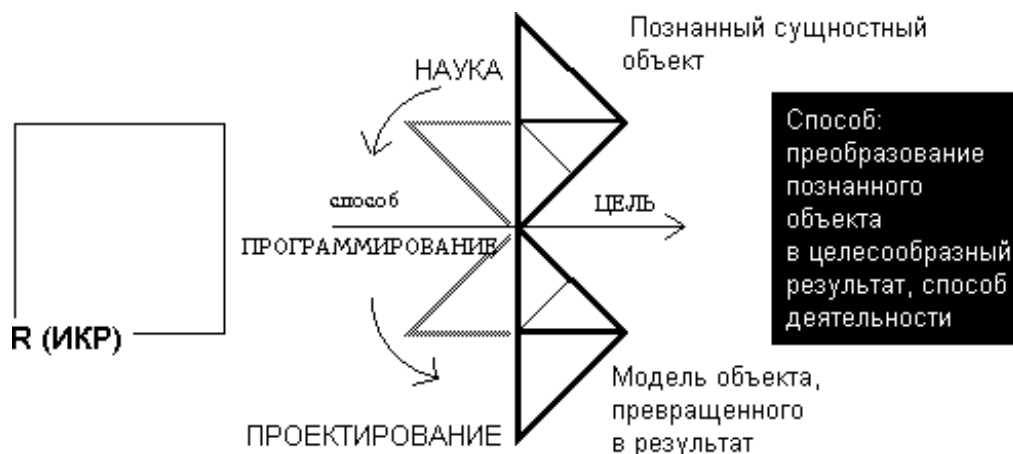

Рис. 18.

2. Подбор **объекта** для получения заданного результата и **субъекта** для данной деятельности (подготовка, создание готовности).

3. Подбор **средств** под субъекта и объект.

Здесь можно развести принадлежащие субъекту *духовные средства* и направляемые на объект *материальные средства* (орудия) деятельности.

Например, в наборе управленческих операций это — этап подбора, проектирования или выработки методических средств. Передача их субъекту и подбор материальных средств для

субъекта — акт организации (как и предыдущее — подбор субъекта и объекта — акт организации).

Рис.19.

Надо заметить, что в данном случае это — планирование в первом приближении: в него не введена компонента времени, процесс.

4. Установление **процессуального** характера связей (определенности процессов во времени). Шаги процесса деятельности — это промежуточные операции R1-Rn, в которых связываются, с одной стороны, планы деятельности, а с другой — промежуточные (проектные) результаты.

Пример такой последовательности — этапы сборки автомобиля.

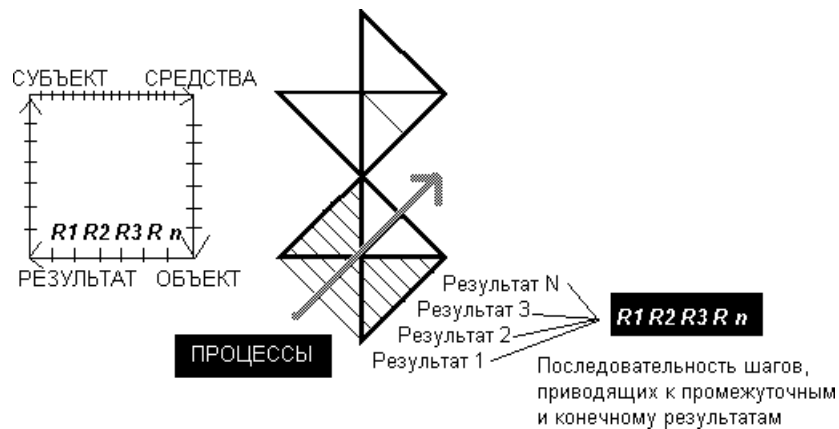

Рис.20

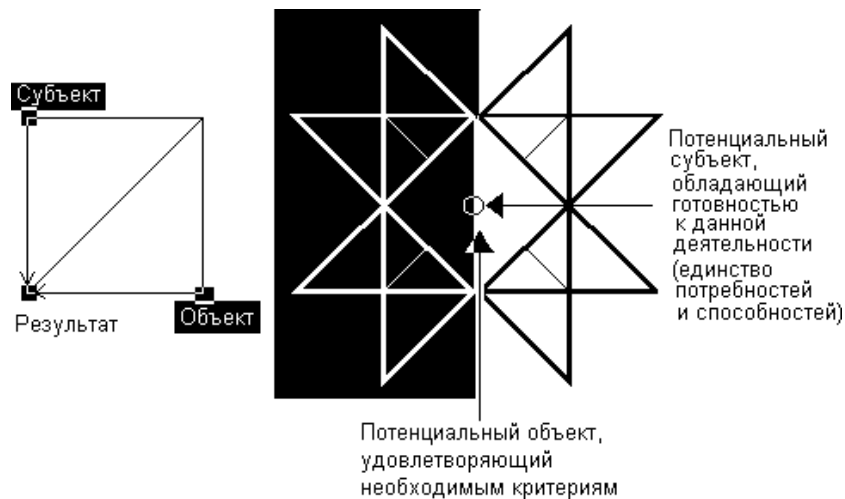

Рис.21.

5. Установление **системы** деятельности.

Система есть *способ связи* компонентов.

Отношения компонентов в системе можно рассматривать как единство связей и отграничений в *среде* общего бытия компонентов. Отграниченность Субъекта, Средств, Объекта, Процессов нами только что описана; в данном случае остается задать именно связи и объединяющую компоненты среду.

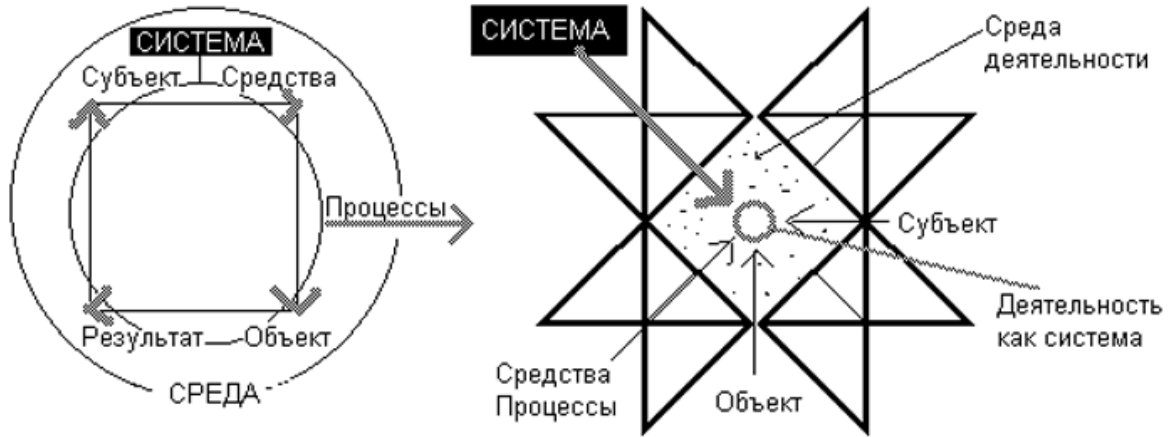

Рис 22.

В методологии Р.И. Никифорова эти шаги разведены: сначала — система, затем — среда.

6. Наконец (в связи с деятельностью как внешне опосредованной), мы имеем дело и с управленческой деятельностью по отношению к этой деятельности. Управление достаточно сложная общественная иерархия — это не только непосредственное управление, но и масса других систем, включающихся в данную. Например, контроль за деятельностью управляющая система может осуществлять не только по сигналам субъекта деятельности, но и включенным образом (телевидение, датчики в средствах, ЭВМ и т.д.). Эти специфические *компоненты управленческой системы* вводятся в систему деятельности и способны влиять на все ее компоненты. **Условия** — компоненты других систем, введенные в данную систему деятельности и оказывающие на нее влияние.

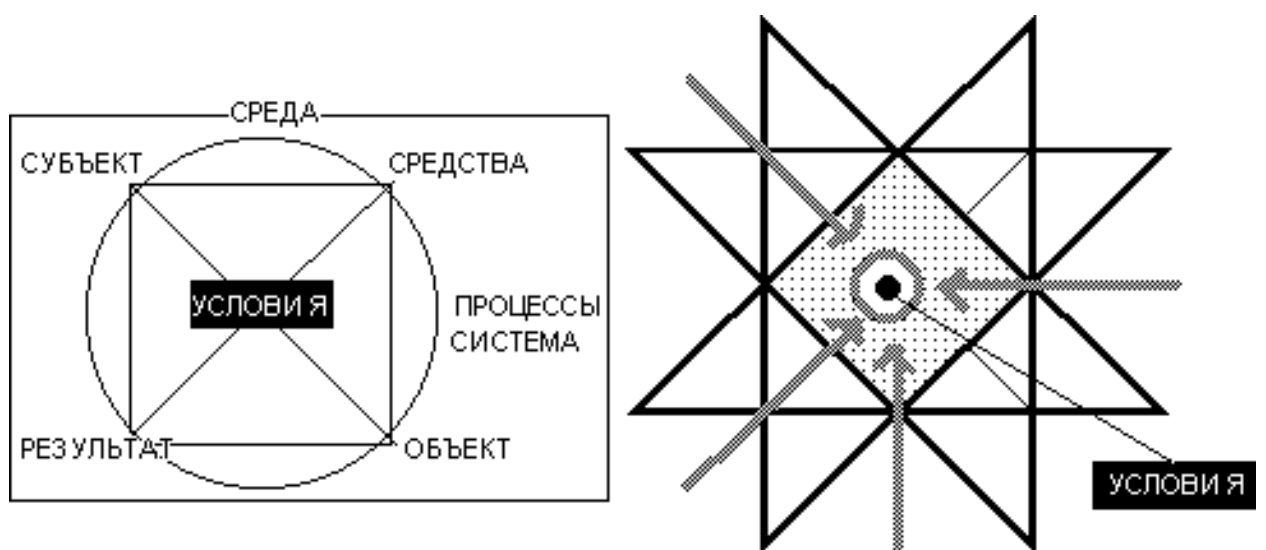

Рис.23.

Говоря достаточно расширенно, “условиями” могут быть не только элементы управления, но и множество иных систем, влияющих на данную. Например, природа: произошло стихийное бедствие; вообще “условия” есть *все, что находится вне среды деятельности и влияет на нее*.

Система — это структурированный состав, компоненты, находящиеся в связях данной системы. Система деятельности, в отличие от всех других систем, характеризуется своим **целесообразным** характером, т.е. создается **под цель**, для выполнения определенной функции, для получения определенного результата. Именно **результат как осуществленная цель** и является главным в данной системе. В обратной последовательности, “от результата — к компонентам”, и построена Р.И. Никифоровым технология проектирования деятельности: это — ценное методологическое орудие проектирования и вообще создания систем деятельности.

Структурные построения обладают одним парадоксом, требующим оговорки. Можно иметь все компоненты, но не иметь деятельности? Можно. Уточним, что **деятельность, производящая результат**, противостоит **процессуированию** — псевдодеятельности, в которой есть все компоненты, а результата нет.

Эффективность деятельности

Полученный результат деятельности можно оценить с позиции его ценности, значимости. **Значимая часть результата** есть **продукт** деятельности, негативная, неценная, часть результата — **отход**, брак деятельности.

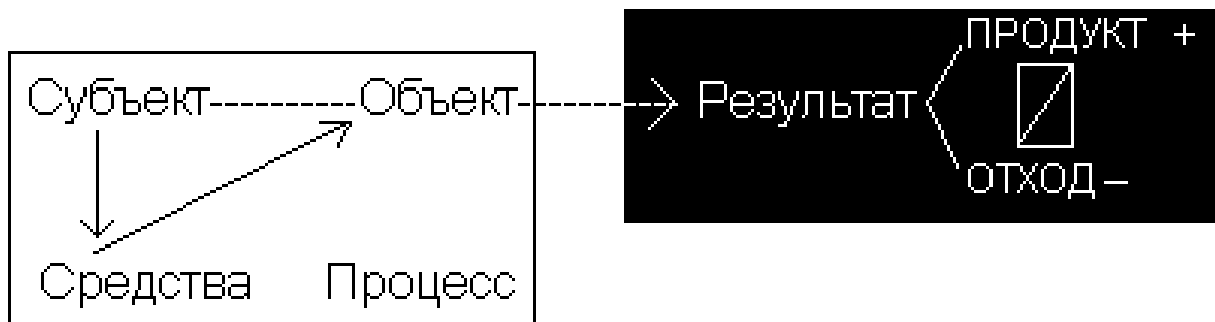

Рис 24.

Соотношение продукта и отхода, например в процентном выражении, дает нам понятие **результативности, продуктивности** как ведущей характеристики эффективности данной деятельности.

Но это отнюдь не единственная характеристика эффективности всей системы деятельности. Если рассмотреть вопрос подробнее, то эффективной можно назвать такую систему деятельности, в которой:

а) соблюдается принцип **достижения максимального результата в виде продукта при минимальных средствах** — принцип **минимакса** (экономичность);

б) субъект деятельности **прогрессирует** в процессе осуществления деятельности, то есть он не действует, как робот, реализующий управленческую программу жесткого типа, а развивает свои способности, реализует свои творческие нестандартные программы; прогрессивность данной системы деятельности для субъекта почти тождественна наличию творчества в ней, но прогрессировать субъект должен в связи с общественным вектором прогресса, ведь он может творчески совершенствоваться и в убийстве (прогрессируемость);

в) **процессосоответствие** деятельности ее результативности — это присутствие в системе именно таких (количественно и качественно определенных) процессов, которые приводят к наилучшему продукту в кратчайшее время; например, нам нужна готовность субъекта для работы на компьютере (обученный субъект), а мы даем ему теорию информации вместо навыков — выбран процесс, не ведущий к нужному результату (целесообразность);

г) **безотходность** как принцип эффективности деятельности, т.е. выбор такого объекта и такой технологии воздействия на него, при котором объект без остатка превратится в положительный результат; причем вопрос касается всех деятельностей, а не только производственной, в которой продукт и отход чаще всего видимы (так, приходится постоянно иметь дело с педагогическим браком школы или вуза — здесь готовность специалистов ниже требуемой нормы, то есть в продукте отход превышает его позитивную часть, больше нормы); безотходность характерна для деятельности, в которой весь результат идет в дело;

д) **системосоответствие** как показатель эффективности — это очень значимый показатель: например, хозрасчет все компоненты берет в том виде, в котором они существовали и до него; единственное новое в нем — способ связи компонентов; резко растет заинтересованность (мотивация) субъектов, средства используются эффективнее (минимум), процессы (технология) выбираются передовые; в хозрасчете участвует коллективный субъект, но то же самое проявляется и в индивидуальной трудовой деятельности;

е) среда тоже влияет на результат: ее количественные характеристики (например, мало площади для производства) и ее качественные показатели (утомляющая среда, загазованная среда, неэстетичная среда) влияют не только на субъект, но и на прочие компоненты (среда, в которой ржавеют станки, или среда, в которой исходный объект портится, или среда, в которой технологические процессы нарушаются); данный показатель — **средосоответствие** (органичность);

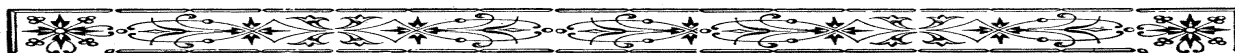
ж) условия, как можно догадаться, способны влиять на результативность более или менее активно: сплошные проверки мешают работать, скачки давления в природе вызывают приступы у субъектов деятельности, солнечная активность или магнитные бури и т.п. создают благоприятные или неблагоприятные **условия** для протекания данной деятельности.

В совокупности **показатель эффективности оптимизации** строится на основе соответствия и участия всех компонентов в образовании результата. Почему приходится об этом так подробно писать? Самый массовый показатель — продуктивность, или результативность, — на сегодняшний день закладывается в программу деятельности (и подспудно присутствует как критерий даже в самодеятельности). Грамотное программирование и проектирование системы деятельности для реализации определенных целей — это программирование и проектирование с учетом всех **показателей эффективности деятельности** (целостная эффективность).

* * *

Итак, система деятельности — это ее структурированный состав. В составе деятельности мы насчитываем восемь компонентов, что и зафиксировано в итоговой модели.

Наряду с моделью **модуля системы деятельности** Р. Никифорова — Л. Зеленова мы постоянно использовали нашу графическую модель “звезды деятельности”, которая помогала иллюстрировать на схемах то научную, то педагогическую, то художественную, то производственную, то управленческую деятельности. Мы демонстрировали на ее основе потенциал множества подсистем, участвующих в деятельности: вещественный, информационный, энергетический, образование определенных процессов (управления, онаучивания), связей (субъекта со средствами, объекта с деятельностью, целей с мотивами, социальных отношений с потребностями). Из представленного достаточно ясно, что эта модель является многослойной и потому многозначной: в одну и ту же “область” мы вкладывали как компьютеры, так и социально-преобразовательные деятельности и т.д. Данная модель позволила нам развернуть генезис систем человека, проследить эволюцию его информационного мира. Далее на ее основе мы раскроем многослойность общественной жизни и придем к интересующим нас родовым сущностным силам человека, родам человеческой деятельности.

Глава II

ТАКСОНОМИЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

2.1. Таксоны первого уровня

Субстанцией, первоначально, в последовательном выведении деятельности является человек. На схеме звезды деятельности, условно говоря, человек расположен справа:

Рис. 25.

Для определения общественного человека важно понимание его как “биосоциального субстрата”. Вторая существенная деталь представления о человеке состоит в том, что он носитель сознания (причем сознание выступает атрибутом, свойством высокоорганизованной материи [12]).

Рис. 26.

Перед нами — известная **биосоциальная сущность** человека [72].

Данная схема демонстрирует “раздвоение единого” в определенном ракурсе: это — биологический **субстрат** и социальный **атрибут**. Субстратная составляющая человека связана с ним со стороны его телесности, материальности.

С другой стороны можно рассмотреть структурность, структурообразование, позволяющее существовать его атрибутивным свойствам в социальном плане, т.е. его **потребностям** и **способностям**.

Отразим это на той же схеме, привлекая нашу вспомогательную графическую модель. Дополним основную пару “субстрат — атрибут” такими осями, как “структурность” и “активность”:

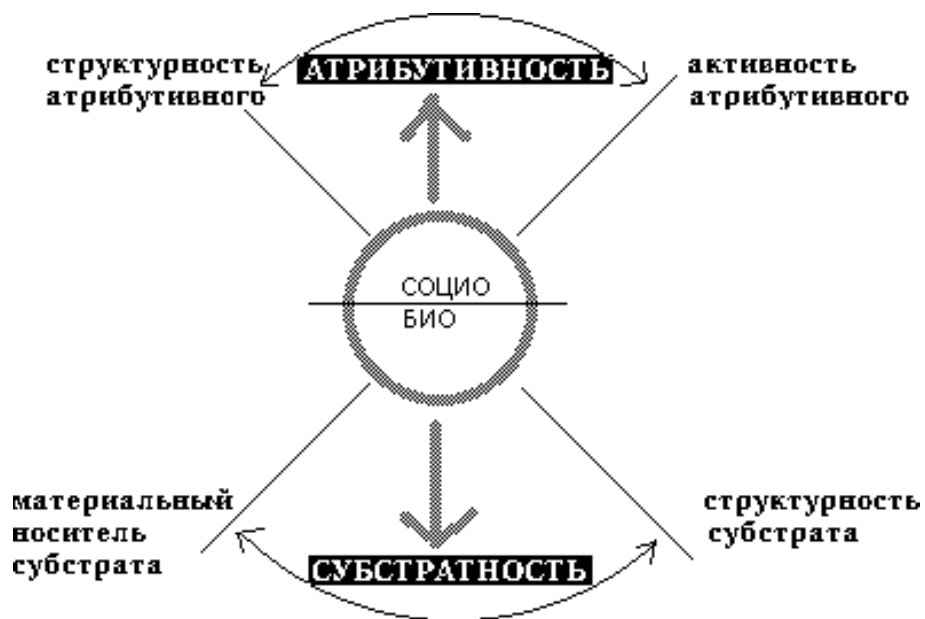

Рис. 27.

Внесем в полученное изображение нашу *звезду деятельности* и рассмотрим возникающие благодаря ей возможные трактовки.

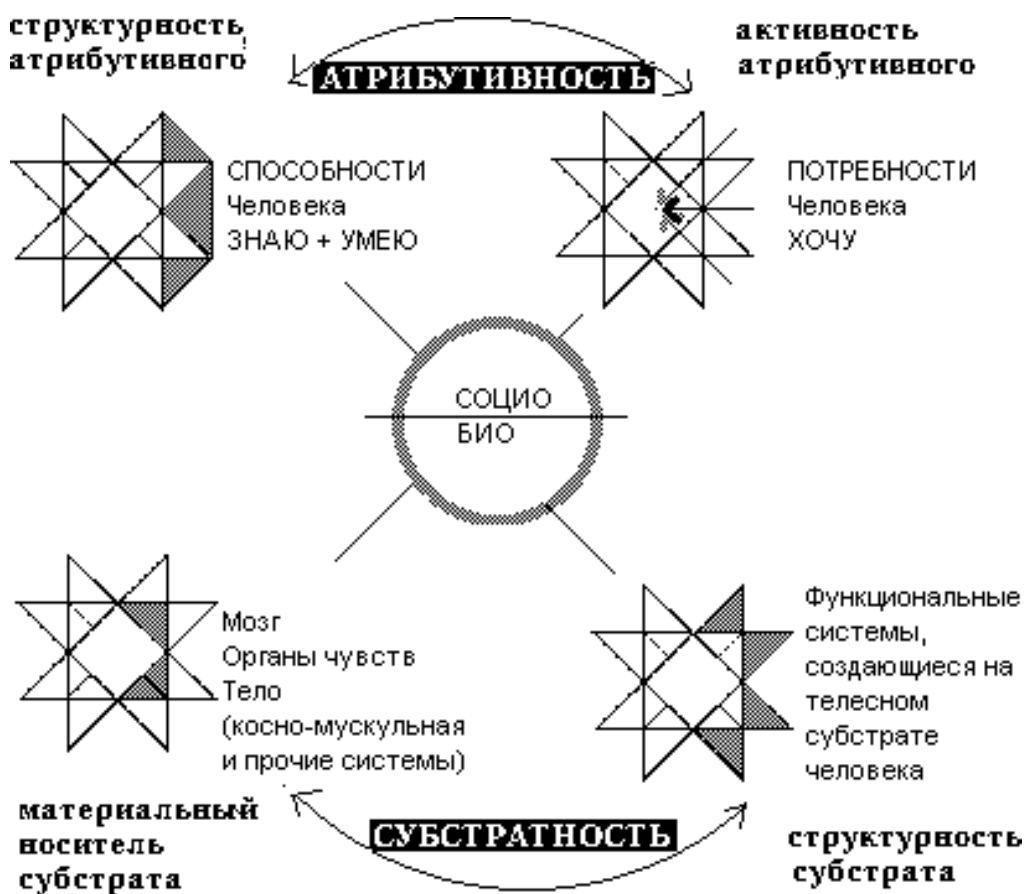

Рис. 28.

И на этой последней схеме мы связываем абстрактные поначалу разведения (например, материальный носитель субстрата) с конкретикой человека на схеме звезды деятельности (например, с морфологией человека).

Итоговая схема содержит достаточно много возможностей для интерпретации. Так, *материальный субстрат* является базой для образования на его основе функциональных систем (связь 1). Совокупные *потребности человека* — это потребности интегративного социального человека на полноценном биосубстрате (связь 2). Потребности человека выступают двигателем, пусковым механизмом по отношению к его функциональным системам, основанием деятельности (связь 3), а *функциональные системы* — механизмом, в котором образуются потребности. Наконец, *способности человека* схватывают как его материальный субстрат, так и функциональные системы (по отношению к последним мы наблюдаем субстратную и атрибутивную стороны функциональной структурности). Таким образом, представленная схема является взаимосвязанным комплексом, где первичным выступает материальное (биосубстрат) человека.

В ходе предыдущего изложения мы неоднократно употребляли понятие “изоморфность” для отражения структуры человека и связей человека в обществе. Изоморфность в данном случае есть *структурное соответствие*. Напомним некоторые моменты: технические системы (три типа) изоморфны материальному субстрату человека — его телу (биомеханическая часть), органам чувств и мозгу. Но изоморфизм в данном случае не полный: человеческий мозг имеет левое и правое полушария, создающие свои отдельные функциональные системы и обеспечивающие их единство в процессе, компьютер же использует лишь один тип информации — рациональный, то есть моделирует две функциональные системы человека иным образом (двоичным кодом). В целом биотическая субстратность человека изоморфно моделируется техникой в ее абиотической субстратности. Структурно-функциональные образования человека и системы техники, скорее всего, будут полностью изоморфны в перспективе. То же самое можно сказать и о более сложном социальном изоморфизме: способности человека изоморфно отображены в социуме системой социальных институтов, потребности — системой социальных отношений.

Соотношение общественного и социального

“Общественное” и “социальное” не тождественные термины: они соотносятся между собой как материальное и идеальное образования, как субстратная и атрибутивная части единого. Дело в том, что человек включен своим субстратом в общество, а как существо социальное — в социум. За термином «**общественное**» скрывается совокупная субстратность человеко-предметных образований общества, а за термином «**социальное**» — атрибутивность общественного, т.е. и атрибутивность человека, и атрибутивность общественной предметности. Чтобы это прояснить, обратимся к парам, в которых фигурируют общественное и социальное.

Распространенная пара «*общество — природа*» отражает *сущность общественного как искусственного*. Полярность *общества и личности* фиксирует соотношение *общего и единичного*. Отсюда — определение: **общество** — это искусственная вторая природа, противостоящая природе как естественному, а личности — как единичному.

Социальное тоже интегрирует в себе два смысла: социальное — это **не биологическое** и социальное — это **не техническое**, не естественное и не предметно-вещное. Значит, **социальное** — это искусственные человеческие системы в обществе (система потребностей, система способностей, система отношений, система институтов). Именно “социальное” и выводит нас на понимание специфики деятельности.

Таким образом, понятие “общественное” шире понятия “социальное”: все социальное является общественным, но не все общественное является социальным. **Вещные образования мы не относим к социальному**. В этом определении фиксируется соотношение материального и идеального, субстратного и атрибутивного.

Дуальность отражения и преобразования

Разведем и два таких понятия, как отражение и преобразование. На первоначальной схеме человек взят нами как биосоциальный субстрат, носитель сознания. Отражение действительности в мышлении человека характеризует его именно как целостного биосоциального человека. Этот целостный человек только и способен познавать действительность в единстве ее сущности и явления.

Сама характеристика духовного мира, идеальных образований человека приводит нас к социальному как идеальному общественному. В своей социальности человек приобретает активную способность к идеальному преобразованию познанных сущностей. Через свою “общественность” человек изменяет, преобразует явленческую сторону доступной ему действительности в своих целях.

Но само его мышление не является ни тем, ни другим видом преобразования. Понимая **преобразование** как **изменение с целью**, мы должны зафиксировать, что *познание*, основанное на отражении, *есть нулевое преобразование*. Рационально познавая сущности действительности, человек создает базу для последующих ее преобразований [199]. Можно сказать, что мышление ни для чего иного человеку вроде бы и не нужно, но это ничем не подтвержденная гипотеза. Мы вправе предположить, что *мышление самоценно* и что его взаимоотношения с сознанием и с самим человеком очень сложны [56].

Иное дело — *чувственное отражение*, генетически связанное с деятельной способностью человека. Иногда сознание вообще отождествляют только с этим типом оперативного отражения реальности. Сознание есть и у животных — это доказано. Но различаются ли функции сознания у человека и животных? — это тоже сложный вопрос, на который современная наука однозначного ответа не имеет [219].

В художественной деятельности человек достаточно целостно как отражает, так и преобразует действительность, выступая в качестве социоиндивидуального единства. При этом он ориентирован на внутрисоциальную информацию. Два взаимосвязанных, неразрывных типа познания обнаруживаем в человеке: рациональное и чувственное и создают определенную линию водораздела между материальным общественным и идеальным, как отраженным материальным общественным — социальным. Покажем это на схеме:

Рис. 29.

Воспользуемся уточняющей схемой для характеристики общественного в широком плане, с точки зрения общества как социальной общности: общество в целом мы можем воспринимать как общее, социальные общности (по степени их количественного уменьшения) — как особенное, личности — как единичное:

Определение вложенных уровней

Нам понадобится хотя бы коротко определить связь социальных отношений, социальных институтов, способностей и потребностей человека в их взаимосвязанности и влиянии на деятельность. Мы делали это и ранее — теперь сведем сказанное к набору определений и схем.

2.1.1. Социальные отношения

В приводимой ниже характеристике социальных отношений предельно ясно просматривается взятый ракурс: “общее — особенное — единичное”. «Социальные отношения — это отношения личностей и социальных общностей, опосредованные элементами среды» [81].

Опосредованность отношений элементами среды демонстрирует их социальный характер. Отношения имеют формулу: «предмет 1 — предмет 2». В характеристике социальных отношений — три компонента: «субъект первый — посредник — субъект второй». Социальные отношения специфичны еще и потому, что они не только пространственны, но и предметно-временны, например экологические отношения как отношения между людьми, опосредованные природой, отношения стран, поколений, индивидов, коллективов.

Наше обращение именно к социальным отношениям связано с последовательностью подведения базы под общее определение деятельности и под ее классификацию. Предельно ясно, что, по определению социального отношения, мы имеем дело с опосредующей, регулирующей силой, относящейся к вектору общественных целей. Ясно также, что механизм взаимодействия реализуется в диапазоне: “особенное (социальная общность) — единичное (личность)”. Следовательно, целесообразное взаимодействие человека (с точки зрения его социальности) с предметом опосредовано социальными отношениями через векторность цели (и ее рассмотренные ранее модификации — управленческие установки и задачи деятельности). С позиции нашей вспомогательной схемы, это выглядит так:

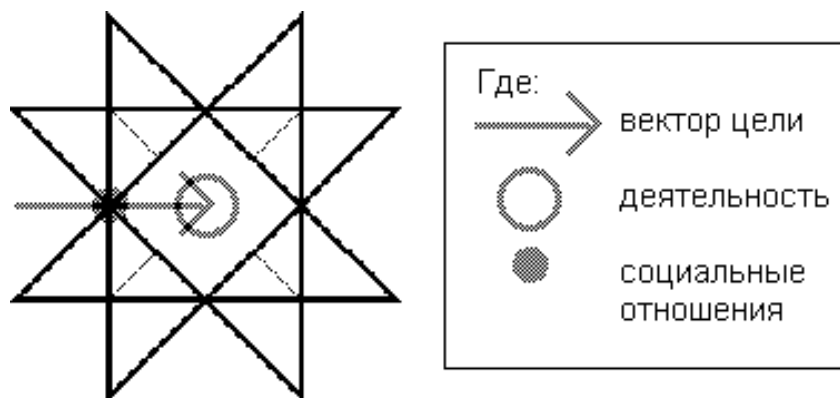

Рис. 31.

2.1.2. Социальные институты

Начнем с определения: «Социальные институты — это исторически сложившиеся традиционные (т.е. устойчивые) формы организации социальной жизни» [81].

Институты семьи, права, науки и т.д. являются устойчивыми социальными образованиями. В определении фиксируется их самый существенный момент: это — **формальная организация социальной жизни**.

Формальная потому, что содержательно социальные институты наполнены временем: эпохой, формацией, страной, народом.

Организация — значит, структурность, упорядоченность.

Институт — пустая структура, приобретающая наполненность исторически, т.е. в приводимом определении работает именно тот ракурс, который присутствовал на схеме как

структурность, как атрибутивная, а не субстратная структурность, что и позволяет это понятие держать в сфере идеальных образований.

Если социальные отношения обладают явно выраженной активностью, то в понятии института этого нет: нет привязки к цели. **Институт может принимать в себя любые цели**, он нейтрален, он есть форма, а не содержание, причем форма, взятая в ракурсе структурности (ибо социальные отношения тоже есть форма, содержанием которой выступает деятельность).

Отразим это на нашей вспомогательной схеме:

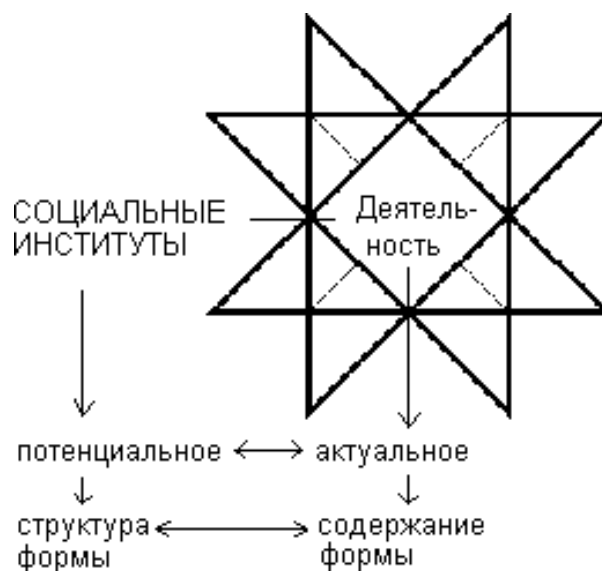

Рис. 32.

2.1.3. Потребности человека

Потребности являются кардинальной характеристикой человека, с точки зрения проявления его активности как субъекта в деятельности. Потребности являются социальным образованием и отличаются от жизнепотребностей животных, как деятельность — от жизнедеятельности. Жизнепотребности в человеке (как в интегративном социальном образовании на полноценной биологической основе) существуют в снятом, осознанном виде. Потребности являются источником, побудительным мотивом деятельности, по Марксу. Как источник развития они есть противоречие.

Потребность — это противоречие между сущим и должным, фактическим и необходимым состоянием человека.

Необходимое состояние задается способностями (через их развитие и в деятельности), функциональными системами (мы приводили схему синтеза информации в функциональных системах человека, где потребность выступает как эмерджентное качество векторного типа).

Потребность — объективное качество, именно поэтому мы фиксируем его как абстрактное, наиболее общее определение, проявляющееся на субъективном уровне в виде модификаций: влечений, желаний и т.д.

Потребность характеризует отношение Человека к предметному миру.

С очевидностью в этом определении просматриваются все те моменты, которые были свойственны и для социальных отношений. Говоря упрощенно, потребности и есть как бы социальные отношения, но взятые со стороны личности.

Потребности, реализуемые в деятельности, в общественной жизни имеют форму социальных отношений.

Зафиксируем и это на нашей схеме:

Рис. 33.

2.1.4. Способности человека

Биологической основой способностей являются задатки. Но способности по отношению к задаткам выступают как основа, ведь структура все-таки пуста. Способность — это социально заданная возможность образования функциональных систем на полноценной биооснове. Способность — это потенциальное, необходимое для образования функциональных систем, которые в свою очередь являются потенциальной основой для осуществления деятельности. Функциональные системы выступают как сформированные способности.

Способности человека не заданы ему от природы: они не задатки. В деятельности образуются функциональные системы (наложение задатков на социокультурные программы), угасание деятельности приводит к декомпозиции этих систем, актуализация — к композиции новой системы. Собственно говоря, у человека одна интегральная способность — способность к образованию любых функциональных систем для деятельности. Природой не задана односторонняя деятельность, а история демонстрирует нам необычайную гибкость человека в изменяющихся ситуациях. У человека есть потенциальная способность к любой деятельности, в том числе и к таким ее видам, которых пока не было.

Способности путают с модусами: одаренностью, талантливостью, гениальностью (это лишь *показатель проявления способностей*, уровня их развития в благоприятной ситуации). Способности есть целое, а производными от этого целого являются умения, навыки, привычки, автоматизмы. Человек способен как к идеальным преобразованиям предмета, так и к материальным, и это самое общее разведение преобразующей способности человека. Другая его способность — способность отражать мир в своем мышлении, способность быть носителем сознания. Потенциальный характер способностей позволяет соотнести их с институтами:

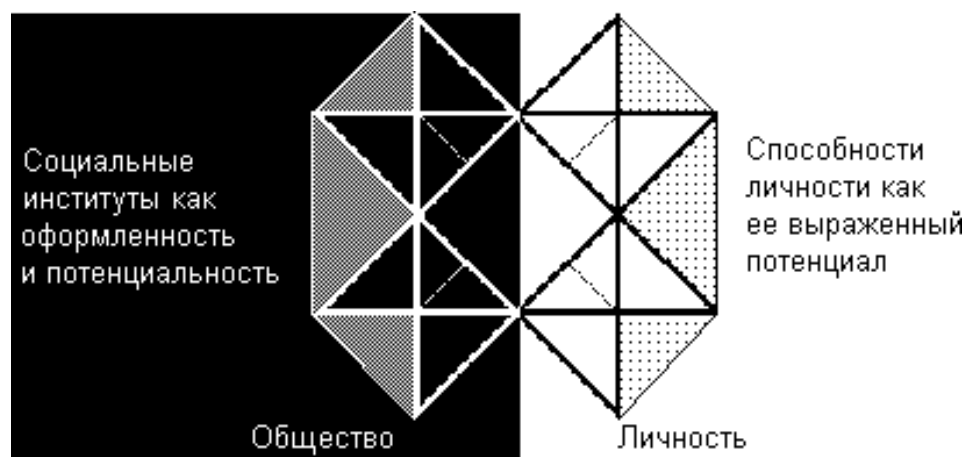

Рис. 34.

2.1.5. Полная интегративная статическая схема характерных срезов структуры, приводящей к деятельности

Мы выстраиваем данную схему в соответствии с тем ходом, который применен нами ранее, обобщая при этом некоторые положения до принципиально простейших. Отметим, что это — одна из возможных схем, где есть и единичность (деятельность), и парность (две оси), и троичность (три уровня иерархии), и “четверка” (четыре оси, “четверка” фондов в среде деятельности), и “удвоенная четверка” — наша “звезда деятельности”.

Начнем по логике с ортогональных осей (в перекрестье которых находится деятельность как единичное).

1. Оси “отражение — преобразование”:

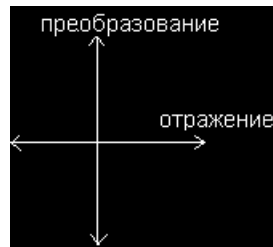

Рис. 35.

2. К основе, представляемой уже как оси “субстратность и атрибутивность”, добавим оси второго рода — “действенность и структурность”:

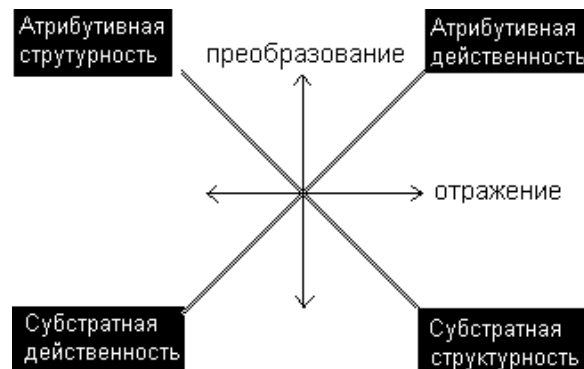

Рис. 36.

3. Представим три вложенные системы: “человек — общество — природа”. Между человеком и обществом — деятельность, находящая основания как в обществе, так и в самом человеке (эти основания мы рассматриваем ниже как удвоенные).

Рис. 37.

4. Совместим (суперпозиционное наложение) схемы № 2 и № 3 и получим возможность проследить связанность важнейших составляющих человека и общества. Начнем с более общей осевой конструкции, создающей характерный двойной крест:

Рис. 38.

От осей и вложенных окружностей переходим к блокам, образуемым при их пересечении. Вот их значения на схеме:

Рис. 39.

5. Введем в изображение общей итоговой схемы нашу **звезду деятельности**. Теперь она как бы освещается с разных сторон, многоаспектно:

Рис. 40.

Подведем некоторые итоги.

В обществе, в его материальности, мы обнаруживаем лишь биосубстрат человека и предметно-технические образования. То и другое содержит потенциал для образования на этом субстрате собственных функциональных систем.

Функционирующая субстратность соединенного биосубстрата человека с орудиями общества дает нам основу для осуществления материального преобразования.

В социальной сфере мы наблюдали целеобразование и идеальное преобразование. Здесь можно сказать о том, что потребности человека, соединенные с его способностями (со стороны субъекта), социальные отношения (в форме отношений — содержание деятельности) через структурность социальных институтов (со стороны общества) соединяются в деятельности. Это — очень важный аспект, который выделяется в самостоятельную тему, и его можно изобразить отдельно от всей нашей схемы следующим образом:

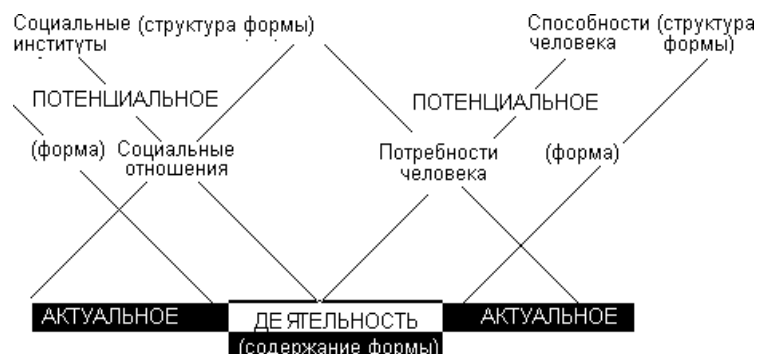

Рис. 41.

Из данных рассуждений следует, что именно социальные отношения являются тем актуальным в обществе, через которое (в форме которого) проявляется деятельность. Точно так же в личности ее потребности выступают как актуальное, движущее, начало деятельности, что и делает личность по большому счету субъектом деятельности. Способности и социальные институты выступают по отношению к этому актуальному как потенциальные, проявляющиеся только через актуальное в деятельности. Но, что существенно, мы изобразили лишь верхнюю часть нашей круговой схемы, в то время как деятельность есть одновременное включение и верхней и нижней части: она немислима без своего базиса.

Деятельность на кольцевой схеме есть *соединение всех указанных аспектов в единое целое*. Мы уже говорили, что, вообще-то, данная схема трехмерна, а соединение всех аспектов воедино (синтез) происходит после аналитического разложения существенных аспектов, вскрывающих ее природу. Нам представляется, что такое многомерное определение деятельности, представляющее развернутость ее образующих, дает возможность более однозначной интерпретации самого понятия “деятельность”. Здесь демонстрируется, что *деятельность есть соединение личности и общества*. С точки зрения деления деятельности на отражательную и преобразовательную (что часто встречается в литературе), мы видим, что *деятельность есть всегда единство отражения и преобразования*. Точно так же материальное и духовное производство, материальная и духовная деятельность могут быть выделены весьма условно, потому что в общем определении деятельности мы демонстрируем их единство.

По терминологии В.Л. Глазычева [49], можно назвать предлагаемый нами способ представления деятельности “пакетом слайдов”, с той лишь поправкой, что мы складываем наши отдельные срезы, или “слайды”, не в стопку, а располагаем их на некоем объемном “торе”, который далее можно развернуть в круговой или в квадратный по основанию “пакет слайдов”. В квадрат у нас вписана “звезда деятельности” — и итоговая объемная модель удерживает всю полноту наших представлений.

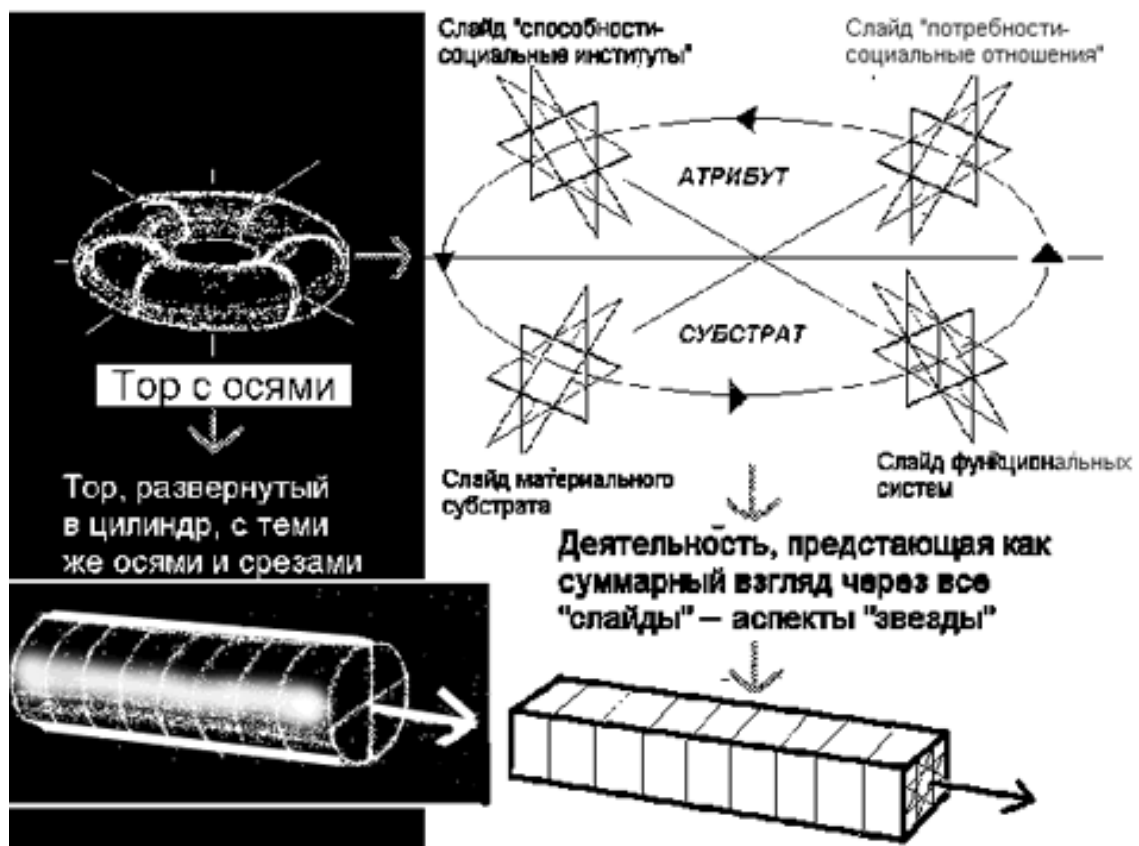

Рис. 42.

2.2. Таксоны деятельности второго уровня

Воспользуемся методом раздвоения единого, применяя его по отношению ко всем выделенным выше уровням.

Опираясь на выделение материальной и духовной сфер общественного бытия, мы можем первично поляризовать деятельность на **духовную и материальную**. Такое разделение привычно, но мало что дает нам. Нужны более точные основания для типологического описания деятельности в целом. Ввиду этого принцип поляризации должен быть дополнен принципом элементарности, т.е. дальше выделенных “элементарных” деятельностей они не должны разлагаться. Следовательно, элементарные деятельности должны содержать некое существенное качество как таксоны деятельности.

Остановимся на уровне **рода** деятельности, ибо, как только мы переходим к видам и ниже, теряется метатеоретическая основа общей теории деятельности. В то же время подробный анализ родовых производных (по сути, частных теорий деятельности, обеспечивающих направления работы) необходим в методологии.

При типологическом анализе деятельности мы должны иметь уверенность, что получаемые таксоны инвариантны для всех времен и для всех народов, т.е. и в ментальном хронотопе, и в реальном историческом времени и пространстве.

Применяя три принципа: поляризации, константности и элементарности, мы утверждаем, что эмпирический набор деятельностей или любые теоретические конструкции становятся обоснованно сгруппированными.

* * *

Примененный нами прием разведения деятельностей на “отражательные и преобразовательные” должен быть уточнен. Преобразование — это изменение. Но ведь не только преобразование, но и сохранение также присутствует в деятельности. Более того: они не существуют друг без друга. *Сохранение* выступает как нулевой вариант отражения и преобразования.

Деятельность можно модифицировать весьма многообразно. Так, **по объекту деятельности** можно развести на **натурную** и **знаковую**, и тогда станет очевидной определенная аналогия в целом:

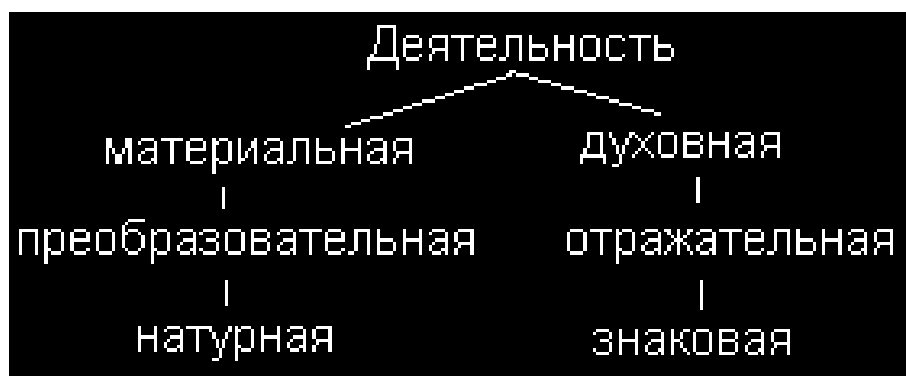

Рис. 43.

Любой набор деятельностей первично поляризуется по нескольким сходным признакам. Можно предпринять и второй шаг поляризации, но он будет идти по разным основаниям. Материальное преобразование осуществляется по отношению к чему-то, а этим чем-то могут выступать только природа и человек — как наиболее общая полярность объекта. Духовная отражательная, знаковая деятельность иного типа может быть поляризована уже по функциям “потребление” — “производство”.

Есть здесь выход и на роды деятельности, если далее подробно раскрывать основные функции, с позиции *единства изменения и сохранения* (следующий уровень поляризации). Именно таков путь в используемом нами первоисточнике [82].

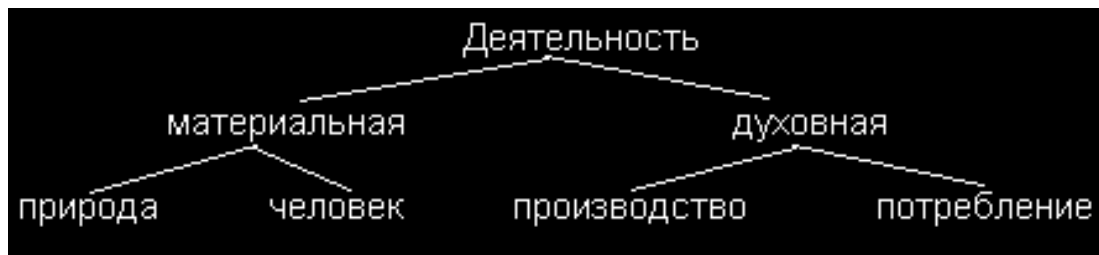

Рис. 44.

Но если мы поставили задачу не простой статической поляризации (даже с учетом генетического аспекта и константности в истории), а совокупного исследования всех составляющих деятельности в динамике, то это поведет нас по более длинному пути. Мы будем двигаться через рассмотрение атрибутивности и субстратности и дополнительно уточнять при этом базовое определение деятельности.

Первичным в нашем анализе является материальное производство, где отношения “общество — природа” и “человек — предмет” проявляются в деятельности. Такое производство требует совокупного содействия всех срезов: *потенциальное* должно соединиться с *актуализирующим*, материальное (субстратное) — с духовным (атрибутивным), субъект (функция человека в деятельности) — с объектом (функция предмета в деятельности) через орудийность и процессуальность, в среде и в системе, при наличии условий, т.е. с учетом всего состава компонентов системы деятельности.

Уже в этом взаимодействии прослеживается *многоуровневая опосредованность* участия человека в общественном производстве. Но определенную ясность можно внести даже на уровне первого раздвоения “человек — предмет”, если увидеть в этом их меры, т.е. рассмотреть характеристику наиболее общего взаимодействия как *соотношения мер*: Меры предмета и Меры человека [M11]. Человек преобразует познанный им предмет в соответствии со своей мерой — здесь вскрывается единство материального преобразования и познания. Изменяя предмет во взаимодействии “общество — природа”, человек делает это *по своей мере* до тех пределов, до которых *мера предмета* не начинает обратным образом влиять на меру человека, выводя ее явленческую сторону из границ меры.

Раздвоение материального преобразования природы

В принципе, здесь раскрываются две функции: функция изменения и функция сохранения явленческой стороны предмета природы, которые дают нам **деятельности** по материальному преобразованию природы:

ПРОИЗВОДСТВЕННО-ЭКОНОМИЧЕСКУЮ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ (изменение в пределах меры природного предмета в соответствии с мерой человека и целями общества);

ЭКОЛОГИЧЕСКУЮ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ (сохранение меры природного предмета как целого в границах, не влекущих за собой изменение меры человека).

Если отразить это на схеме, то увидим, что вектор данных двух деятельностей направлен на природу из общества:

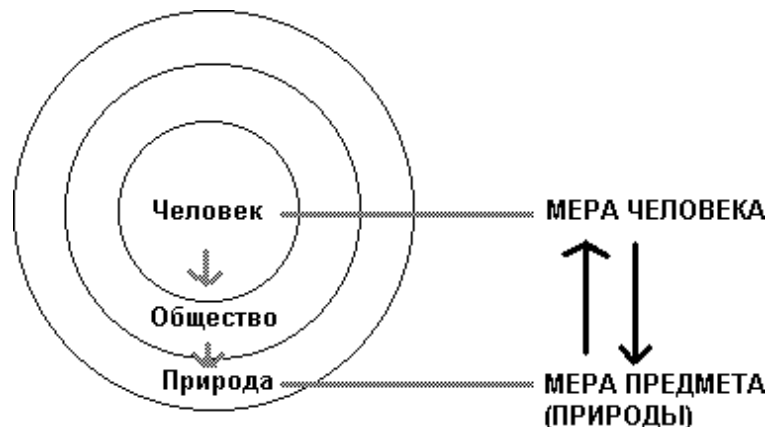

Рис. 45.

Ясно видно, что человек в обществе может становиться субъектом деятельности, и в этом случае мы можем рассматривать его как единичность, и как некую социальную общность (коллектив, государство), и как общество в целом. Необходимость экологической деятельности возникает во все больших масштабах именно в силу общественного, совокупного воздействия на меру природы в общей сфере (среде) их бытия. Она и возникает как таковая именно в тот момент, когда процессы интеграции в обществе достигают максимума.

Типов деятельности — две, но, по сути, мы подразумеваем одну и ту же деятельность, у которой различаются два ее вектора: изменение в пределах меры природы — производственный, сохранение меры природы — экологический.

Раздвоение материального преобразования человека

Вектор деятельности по изменению в пределах меры (будем понимать теперь это изменение в двух проявлениях: с целью сохранения меры и с целью развития меры) можно направить не только вовне, но и внутрь, на самого человека. Материально мы можем оперировать с биосубстратом человека, идеально — с его социальным субстратом. И если в случае с мерой предмета ее изменение возможно при единстве идеального преобразования и материального преобразования, то в данном случае мы получим две разные деятельности. Деятельность общества, направленная на биосубстратную часть человека (с учетом сохранения и развития его), оформляется в двух разновидностях. Это — МЕДИЦИНСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ (сохранение и восстановление биосубстрата человека) и ФИЗКУЛЬТУРНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ (развитие целостности биосубстрата человека).

Вернемся теперь к принципу поляризации деятельностей. Материально природная деятельность реализует себя в двух родах: в экономическом и в экологическом. Если экономическая деятельность связана с отторжением вещества природы с целью создания материальных благ, то экологическая — есть сохранение систем природы с целью создания естественной окружающей среды. Они переходят в друг друга, и за этим можно увидеть основные функции взаимодействия человека с природой:

Рис. 46.

Мы говорили о том, что необходимость экологической деятельности человек чувствует как единичный человек, через нарушение баланса. Но эта деятельность направлена на создание естественной среды жизнедеятельности общества, т.е. она деятельность общественная. Константность экономической деятельности — в трудовой сущности человека, константность экологической — в природной основе общественной жизни.

Основные функции взаимодействия человека со своим биопсихическим субстратом также можно развернуть подробнее:

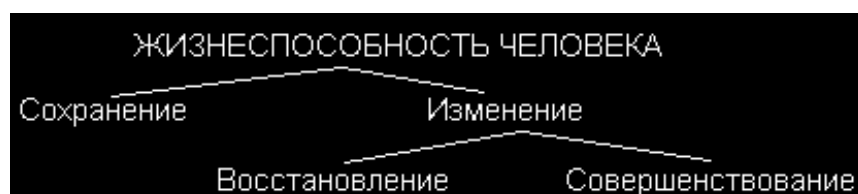

Рис. 47.

Здесь речь идет о направленности на человека и на человеческий род в целом. Так, у медицинской деятельности мы видим две функции: сохранение и восстановление — и два объекта: индивид и род. Грани жизнеспособности связаны с человеком и его системами: анатомической, физиологической и психической. Физкультурная деятельность имеет те же основания, но направлена на совершенствование жизнеспособности.

Раздвоение идеального преобразования человека

Идеальное преобразование социальной стороны человека дает нам, соответственно (сохранение и изменение), две деятельности общества, направленные на социального человека:

1. ПЕДАГОГИЧЕСКУЮ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ (по сохранению, по социализации человека в целях сохранения общества со стороны его атрибутивности).

2. УПРАВЛЕНЧЕСКУЮ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ (актуализация готовности социального человека для участия его в деятельности общества).

Аналогично мы можем говорить об относительности этих функций в их отдельности: по сути, управление и педагогика есть единство, медицина и физкультура тоже единство (стоит вспомнить, что управленцам постоянно приходится исполнять функции педагога, а лучшим способом восстановления меры человека как биосущества является физическая культура). Тем не менее мы говорим пока об отдельных функциях, и вот почему: исторически произошла определенная специализация этих функций, образовался связанный с ними набор методов, способов и методик деятельности. Наконец, образовались самостоятельные институты общества, удерживающие данную специализацию в рамках своих структур.

Тенденция к специализации имеет обратную и постоянно нарастающую тенденцию — к восстановлению целостности. Но важно и другое: восстановление целостности разведенных единых функций должно обогатиться в рамках специализации. Более того, восстановление целостности возможно лишь в человеке и его целостности, то есть при переходе от деятельности к самодеятельности). Отразим это на схеме:

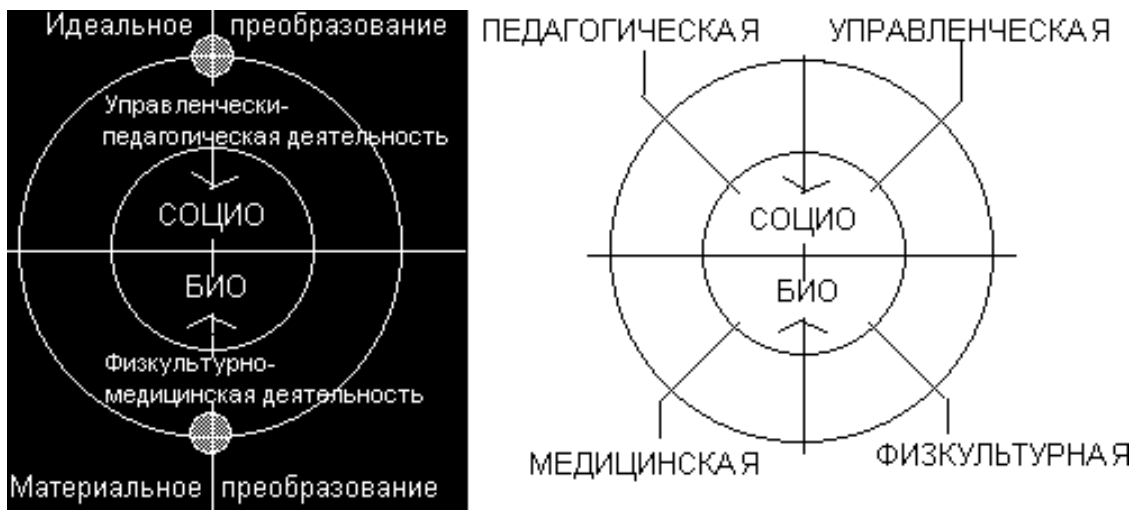

Рис. 48.

Здесь также необходимо определенное уточнение терминов. Так, соотношение изменения и сохранения как противоположностей дано в общем плане. Не выходя за рамки соотношения, можно сказать о позитивном или негативном характере изменения. В то же время пара “изменчивость — устойчивость” прямо выводит нас на возможность поляризации отражательной деятельности. Мы можем выделить научно-отражательную (познавательную) и художественную деятельность, и это имеет основания, кроющиеся в психике человека. В развертке функциональных систем и в их динамическом плане есть аспекты изменения (изменчивость) и сохранения

(устойчивость) — всюду наблюдаем ступенчатость последовательных изменений, единство изменения и сохранения.

Один из активных теоретиков в области теории деятельности Э.С. Маркарян [146] утверждает, что “цель самосохранения общества как специфического проявления живых систем” является общей целью человечества. И далее: “Самосохранение же жизненных форм происходит путем процессов адаптации”. Адаптация как ракурс интересна тем, что является *средством сохранения* системы, но здесь существенно, что человек не только адаптирует среду к себе, но и сам адаптируется к среде: *адаптирует и адаптируется*. Разорвать функции сохранения и изменения — значит впасть в однобокость: сохранение существует ради изменения, так же как изменение — ради сохранения. Мы упомянули об адаптации вот почему: адаптация имеет отношение к направленности развития общества в целом. Выводимость деятельностей в общем плане, через три критерия: критерий константности, критерий поляризации, критерий элементарности, — должна быть привязана к принципу развития. Понятие адаптации оставляет нас на том же уровне взаимодействия, на уровне “природа — общество”. При этом *объективная детерминация со стороны природных законов* сильнее, первичнее. Но, как бы мы ни подходили к данному процессу взаимодействия, развитие общества происходит в сторону его усложнения, упорядочения с нарастанием структурной сложности [195]. Новым, с позиции адаптации, становится *приспособление среды к себе через единство изменения и сохранения*.

Если двигаться по пути уточнения, выявления большей определенности понятий от общего к частному, то перед нами возникнет связанный ряд их.

Динамическое состояние — любой вид изменения объекта.

Процесс — изменение во времени и в пространстве.

Преобразование — изменение меры объекта.

Развитие — прогрессивное изменение.

Фактически мы получаем определенность преобразования (преобразование, изменение), с позиции векторности истории. Существуют достаточные основания, чтобы говорить об объективности прогрессивных (объективная значимость) и регрессивных изменений [175]. Но скажем сразу: дать оценку прямо на таком уровне, не рассматривая всех ярусов общественной системы, невозможно.

Раздвоение отражения

Обратимся теперь к отражению. Наличие моделей действительности является условием как изменения, так и сохранения. Деятельность всегда информационно обеспечена, и за этим стоят фиксация сущего и оценка его (отражение как единство познания и оценки). Можно уточнить, что в первоначальном синкретизме была одна деятельность — по отражению действительности. Наличие двух полушарий (и особенно — рост левого полушария в процессе антропогенеза) привело к образованию двух типов отражения, в которых наблюдается разное соотношение познания и оценки. И, хоть ни в одном из них не исчезает ни познание, ни оценка [193], мы говорим и о специфически рациональном отражении действительности, и о специфически чувственном. Рациональное — порождено именно социальностью человека, в то время как чувственное — есть осоциальный тип первоначального животного отражения [116].

По сути, ничего “отдельного” в самом человеке нет: взаимопроникновение и интеграция рационального и чувственного в деятельности человека безусловны. Однако по своему пропорциональному проявлению человека они различимы как две тенденции.

1. Осуществляя НАУЧНУЮ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ, человек все более приобретает способность уходить от чувственного отражения, деиндивидуализироваться в знаниях, выступать как “общественный мозг”, отражающий сущности действительности в знаковой форме. Данный процесс лучше всего виден на нашей вспомогательной схеме: научная деятельность является как бы внешним, вынесенным за пределы среды “зрением” человечества на мир, отчего мы и говорим о ее мировоззренческой функции. Продукт научной деятельности — теоретические модели мира, закрепленные в знаковой форме, отражающей сущность действительности:

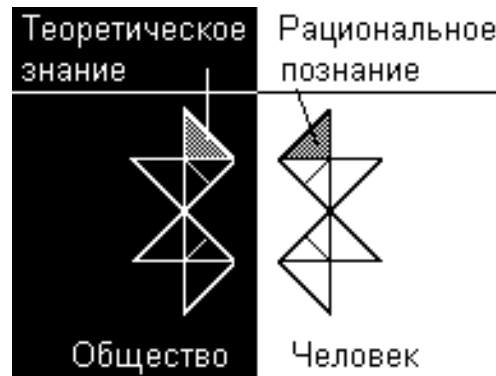

Рис. 49.

2. Иное дело — проявление чувственного познания, которое не только не выступает в своей отдельной форме, но и весьма условно отделимо от рационального познания. Чувственное познание имеет по отношению к рациональному ряд переходных форм, в которых *мировоззрение и мироощущение* слитны. Иногда даже мировоззренческая позиция, изложенная в форме философского романа, становится более действенной общественной силой, чем прекрасная философская концепция.

Специфика эстетического отражения действительности прекрасно продемонстрирована в работах Л.А. Зеленова. Ядро его концепции отражено в формуле эстетического:

$$\mathcal{E} = \Phi [(M_{п} + / П) + / M_{ч}],$$

где:

- Э — эстетическое,
- Ф — функция,
- Мп — мера предмета,
- П — предмет,
- Мч — мера человека.

Здесь существенно, что *предмет* учитывается в его единстве, в его мере, человек — не одной своей стороной, а также *в его мере*. Именно *соотношение мер* порождает эстетическое отношение. В таком случае человек выступает не только как общественный человек, но в единстве его общественного и индивидуального [М1]. По сути, здесь уже не общество смотрит на мир, а целостный общественный человек, индивидуальность и личность, социализированный человек, и *не внешним образом, а внутренним* [12]. Богатство проявлений подобного отношения интересно еще и тем, что мы видим *отражение в равновесной форме преобразования*. Более того: субстанциальная форма деятельности — ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ — внутренним образом отражается во всех деятельности по преобразованию, создавая эстетическую деятельность (единство художественной и художественно-утилитарной деятельности). Проиллюстрируем сказанное на схеме:

Рис. 50.

Здесь отчетливо проявлено единство (равновесие, равноправие) отражения и преобразования в эстетической деятельности в целом, независимо от ее видов.

Данная схема пригодится нам, когда мы будем говорить о морфологии (внутреннем строении) художественной деятельности. Сейчас же достаточно указать, что универсальность, внутренний коммуникационный характер эстетической деятельности, особенно в ее художественном виде, делают ее полем, через которое общество транслирует в личность (и наоборот) свою специфическую векторность. Аксиологические, ценностные, установки переносятся художественными произведениями при помощи художественных образов как в поле искусств, так и в утилитарно-художественных проявлениях [193]. Поэтому мы часто говорим об эстетических аспектах управления, об искусстве педагогики, о производственной эстетике, о художественной гимнастике или эстетотерапии [81]. Эстетическое в данном проявлении есть аспект, сторона, грань.

Типология деятельностей, к которой мы стремились в метатеоретическом разделе, в принципе, может быть завершена этим восьмеричным построением. Мы привели один из способов получения “восьмерки”, но есть и масса других. К ним мы еще будем обращаться в последующем изложении.

Повторим еще раз, что выделенная здесь *типология деятельности* есть одновременно и *типология самодеятельности*, потому что *общественно необходимая деятельность и внутренне мотивированная самодеятельность образуют один процесс*. В таком процессе общество выступает как сохраняющая сторона, консервирует в культуре достижения людей, а человек самодеятельный — как изменяющая сторона, которая движет общество вперед. (Вспомним хотя бы судьбу Джордано Бруно.)

Проявления деятельности и самодеятельности возможны в том общем, что называют сферами общественной жизни. Типология деятельностей становится основанием для типологии этих сфер. К данной теме мы и переходим в следующем разделе.

Здесь можно завершить *метатеоретический* раздел работы, ведь основные задачи метатеоретического построения нами выполнены, разве что следует особо сказать о нашем графическом инструментарии.

Глава III

ГРАФИЧЕСКАЯ МЕТОДОЛОГИЯ

3.1. Звезда деятельности

Наша цель (в рамках изложения общей теории деятельности) состоит в том, чтобы представить все многообразие возможностей этого пути прикрепленным к одной базовой схеме: это — наше графически-логическое средство. Мы упоминали во введении о **семиологии** (обучении о *семиотических образованиях* данной науки), куда входит в том числе и учение о ее графических средствах — *графология*.

Наша работа построена как упорядоченное представление общей теории деятельности, связанное с единой геометрической моделью — “звездой деятельности”, которой мы будем пользоваться на протяжении всей книги. Это — единая интегративная схема восьмиугольной звезды, изображение которой специально вынесено на обложку книги. Звезда имеет достаточно древнюю историю и множество трактовок, что анализируется нами в книге “Числовые инварианты в менталитете”. Здесь она выступает в качестве сложного знака и будет послойно наполняться многими смыслами. Слои смыслов, как показала педагогическая практика, удачно удерживаются вокруг базовой схемы, имеющей множество возможностей для геометрических трактовок, в том числе объемных и т.д. и т.п. При случае постараемся показать хотя бы некоторые из них, потому что продемонстрировать все — это значит опубликовать большую часть нашего архива. Наша задача проще, и мы будем последовательны в ее решении.

Изложение начнем со становления человека, рассматривая его отдельно, вне деятельности или самодеятельности, — **субстанциально**.

Обратимся к определению человека как **биосоциального субстрата**. Субстрат в философском плане трактуется как основа единства, однородности предмета, его различных свойств (в переводе: “суб” — “под”, “стратум” — “кладка, постройка, сооружение”).

Интересующая нас биосоциальная сущность человека возникает в антропогенезе постепенно, за счет выделения ее специфики из живой природы, посредством общественного производства, в результате чего человек приобретает такое свойство, как разумность, и становится видом “хомо сапиенс” [63]. Следовательно, чтобы подойти к определению социальной сущности человека, мы должны раскрыть основания, которые явились предпосылками, а затем, изменившись, вошли в наш человеческий субстрат.

Звезда деятельности как структурно-генетическая модель становления систем в человеке и обществе

Первичным, производным для телесности человека как биосущества является его *генообразное становление*. В генах потенциально содержится программа такой специализации клеток организма человека, которая создает его *телесность*. Наукой установлено, что эмбриональное развитие человека есть как бы сокращенная предыдущая эволюция всего живого: в эмбриогенезе ускоренно проходит весь тот путь, по которому двигалась эволюция живого [177]. В человеке содержится свернутая спираль эволюции всего живого и неживого миров [197].

Первичным в данном ряду следует считать *порождение биомеханической системы* организма человека. Далее возникает система его *органов чувств* (органов восприятия внешних раздражений — зрения, слуха, осязания, обоняния и т.д.). Последним возникает *мозг*. Но мозг есть и у животных, в том числе двухполушарный. Главной загадкой человека является вовсе не его морфология, а та единственная новая функциональная система [25], которая

коренным образом изменяет всю его сущность. Именно она обеспечивает переход *от жизнедеятельности животных к деятельности* как целесообразному основанию социальной жизни.

Итак, представим три морфологические подсистемы организма и три типа функций (программ), возникающих на основе этой морфологии:

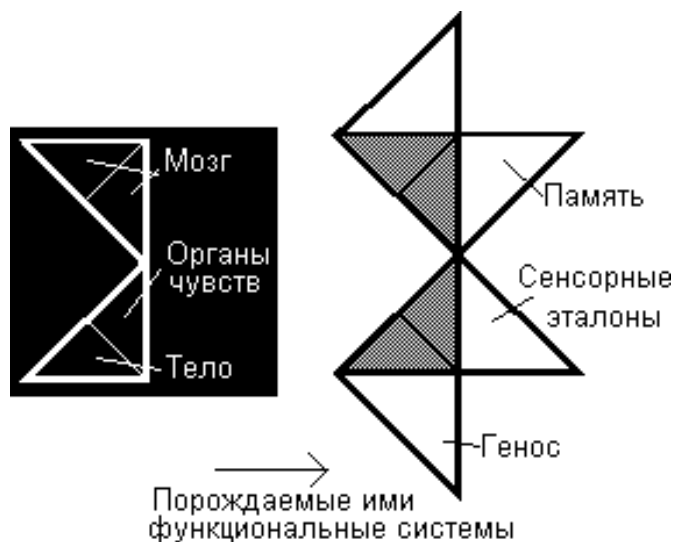

Рис. 51.

У высших животных, предшествующих человеку на “эволюционной лестнице”, обнаруживаются все три качественно разные подсистемы: биомеханическая подсистема (собственно “тело”, сома), органы чувств и связанная с ними подсистема мозга. Все системы возникают генообразным образом. Это как бы первое, стартовое, основание для жизнедеятельности животных вообще: геновым образом в них записываются и программа их возникновения, и некие стандартные **безусловнорефлекторные программы** их последующей жизнедеятельности в достаточно неизменной среде обитания.

Чем сложнее животные, тем больше они при своем становлении зависимы от стадного образа жизнедеятельности. Так, обезьяны значительную часть времени посвящают не поискам пищи, а специфической игре, в ходе которой активизируются безусловные рефлексы и накапливается новая программа — **программа условных рефлексов**, увеличивающая возможности выживания особи. Условнорефлекторный тип управления жизнедеятельностью животного связан со становлением отдельной особи и, возможно, тем дополнительным локальным опытом, который имеет стадо животных в конкретно данной среде. Этот опыт образует вторую, вариативную, программу выживания, которая взаимодействует с первой — безусловнорефлекторной. В соответствии с теорией Ч. Дарвина [63], полезные для данной популяции признаки, которые обеспечивают лучшее выживание ее на данной территории, сложным образом фиксируются в генной программе особи и передаются по наследству (хотя есть и совершенно другие точки зрения на процесс накопления этих признаков). Сложение генных программ при размножении создает процесс *генной эволюции* данного вида животных, в ходе которого могут изменяться как его отдельные органы (биомеханические или чувственно воспринимающие), так и их функции. Мы наблюдаем в природе сложное *взаимодействие двух типов программ*: генного, который для данной особи является константным, стабильным, пусковым, а также условнорефлекторного, обладающего изменяемым объемом, способного обратным образом влиять на генную программу. В рамках данного вида на данной территории генная программа не является неизменной — она постепенно меняется, в то время как для отдельной особи этого вида она неизменна. При достижении определенной устойчивости видов на территории возникает эффект экологически замкнутого *равновесия видов*, где каждый занимает свою экологическую нишу: эволюция выравнивается, возникает гомеостатическое

(динамическое, подвижное) равновесие, которое теперь способен нарушить лишь более мощный фактор, например человек со своей не слишком разумной деятельностью [100; 156].

В целом поведение животного в самом простом виде детерминировано (опосредуется, определяется) синтезом двух типов программ: безусловнорефлекторным (генно унаследованным) и условнорефлекторным (приобретаемым при жизни) — это, как известно, блестяще показали академик И.П. Павлов и вся знаменитая русская научная школа его времени [172].

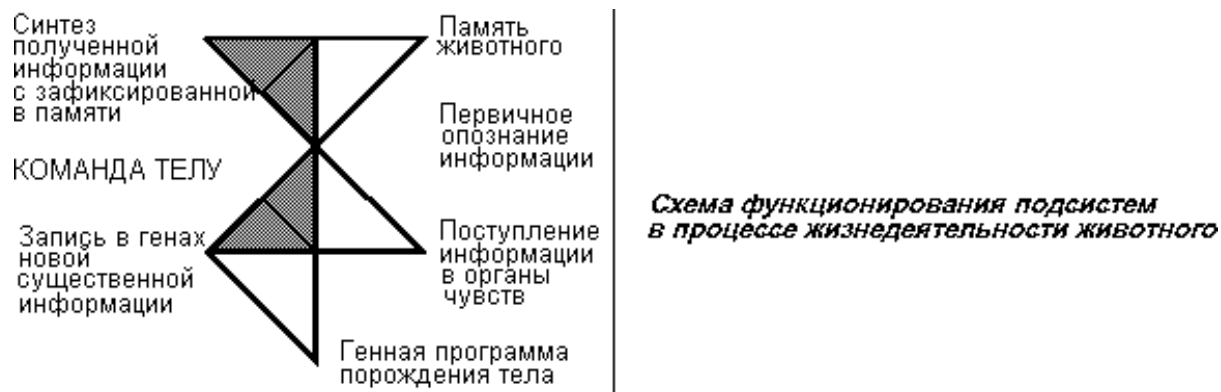

Рис. 52.

При всей соблазнительной простоте изложенного не все так просто. По всей видимости, в организме всегда были сложнейшие и скрытные резервные системы. Так, психологами выявлен отдельный механизм опознавания образов, который является домозговой, специфической функциональной системой, вынесенной к органам чувств, — это так называемая *кратковременная* зрительная память опознания, по В.П. Зинченко. Вероятно, не только зрительная, но и все иные чувственные подсистемы имеют подобного рода короткопериодные функциональные подсистемы. В самом же мозге (и в памяти) откладываются более сложные и более *долговременные* условнорефлекторные образы, которые по отношению к поведению животного, к его жизнедеятельности выступают стандартными программами. Вообще в этом смысле организм опосредован целой иерархией иерархий, состоящих из программ разных временных типов — от сверхкороткопериодных до сверхдолгопериодных, выходящих за пределы жизни конкретной особи.

Следует отметить еще одну способность высших животных, которая легла в основу появления речи у человека. Находясь в стаде, отдельные особи обмениваются звуками, а также специфической телесно производимой и воспринимаемой информацией (например, волки метят свою территорию и по запахам различают ее). Возможность звукового информационного обмена в стаде, очевидно, уже зафиксирована в геноме животного, поэтому с момента рождения он воспринимает звуки стада и выделяет их из общего звукового фона. Но самое важное то, что эта программная запись не фиксируется внешним образом и не выражает ничего, кроме сугубо “чувственной” информации.

Такова биопсихическая, физиологическая, основа, подкладка, которую человек получает в наследство от животных. Принципиально новых органов по сравнению с обезьянами у человека нет, но одно существенное отличие (в ходе становления человека как вида — антропогенеза) наукой отмечено: это — постепенный рост новых функций левого полушария его мозга и, как следствие, изменение его устройства. Так возникла существующая ныне специализация левого и правого полушарий. Именно эта особенность, **асимметрия полушарий**, дает нам основание для крайне интересных выводов [140].

Теорий антропогенеза — много, и все они, в том числе и самые экзотические, лишь используют известный фактический материал для подтверждения своих выводов. Наиболее известная в нашей стране трудовая теория антропогенеза доказывает, что причинами эволюции человека стали орудийный совместный *труд* людей и возникшие в процессе труда речь, *язык*. На базе труда преобразовалась биомеханика человека: появился прямоходящий человек,

изменились и усложнились функции его рук. Труд усложнил органы чувств человека: человек видит, слышит и чувствует иначе, чем его животные предки. В основе же лежит иной тип психической деятельности человека: это — двухполушарное взаимодействие, два способа отражения мира. Речевая деятельность, обмен информацией и последующая знаковая фиксация информации позволили специализироваться полушариям. Левое полушарие, выросшее из небольшой горошины, теперь по массе стало больше правого. Левое полушарие «отвечает» за абстрактное, рациональное, отражение мира — таково специфическое последствие нового типа информационного обмена. Правое полушарие осталось преимущественно «чувственным». Известны клинические случаи, когда человек по разным причинам утрачивал активность одного из полушарий: именно так была обнаружена роль полушарий в психических процессах. «Однополушарные» больные не утрачивали основной способности к ориентации, речи, обмену информацией, однако наблюдалось совершенно разное, измененное, реагирование на происходящее (менялась в том числе и реакция мозга на информацию органов чувств). По сути, у нормального полноценного человека относительная специализация полушарий обеспечивает все, что человек унаследовал от животных (условно-безусловную рефлекторную жизнедеятельность) плюс нечто новое: перенесенные в него при помощи *общественно организованной деятельности* социально-культурные программы.

Животные имеют лишь один тип наследования, генный, а человек — два типа: **внутреннее** генное наследование (генопрограмма) и социокультурное наследование (социокультурные стандартные программы), которое содержится не в человеке, а существует **внешним образом** и переносится в человека (при помощи педагогической деятельности в процессах его социализации). Стоит вспомнить явление «маугли» (около сорока детей, которые вырастали вне общества и воспитывались разными животными), доказывающее, что мышление, речь, социализированное поведение не наследуются человеком генетически.

Зафиксируем новое устройство человека на схеме:

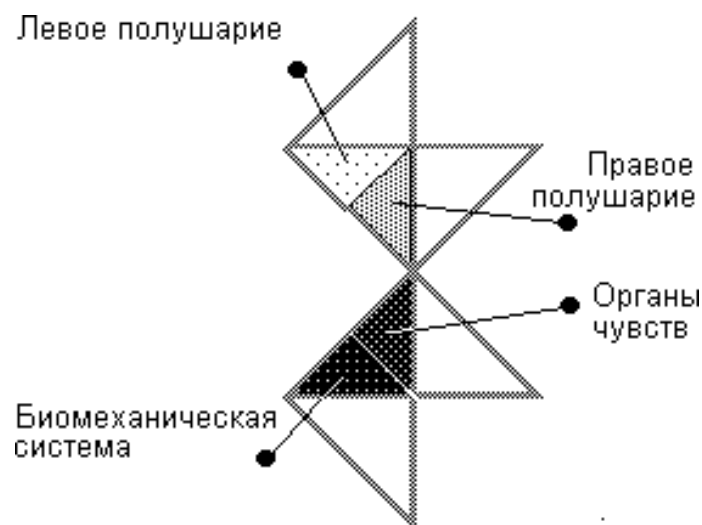

Рис. 53.

Что же возникает в новом взаимодействии правого и левого полушарий (с учетом всего унаследованного животного рефлекторного отражения)? Три новых, измененных, блока психики человека, новый тип его потребностей — социализированные потребности (двигатель его деятельности), новая способность человека — отражать мир абстрактно (при этом и его чувственное отражение ума уже невозможно представить как самостоятельное: абстрактно-чувственное, рационально-чувственное целостно):

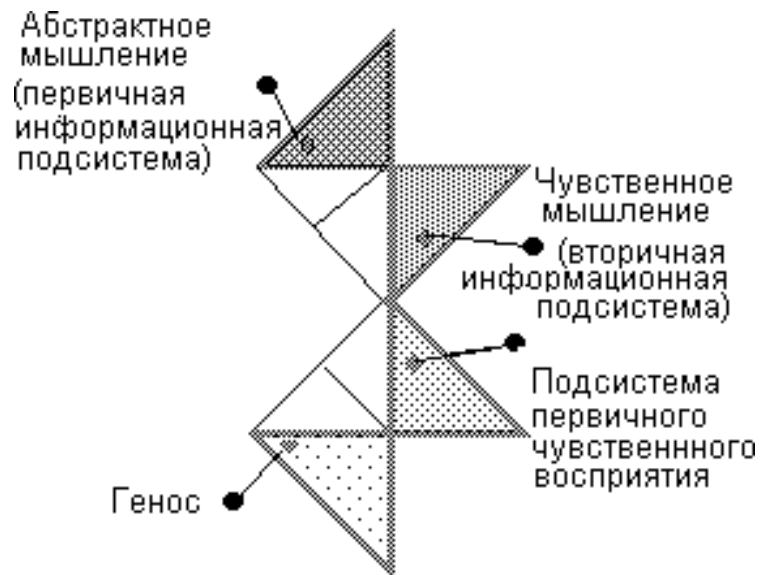

Рис. 54.

Новый тип отражения создает условия для формирования у человека ИНФОРМАЦИОННОЙ подсистемы его психики. Измененный двухполушарной деятельностью старый механизм создает возможность для формирования у человека ОПЕРАЦИОНАЛЬНОЙ подсистемы его психики. Ниже мы еще будем объяснять подробно, почему речь идет об операциональности как о специфически расчлененной программируемой действующей способности человека. Это создает **спектр** новых человеческих способностей:

Рис. 55.

Стоит отметить чрезвычайно интересный феномен, который мы сейчас рассмотрим на схемах: человек становится как бы "зеркально отраженной системой" — его верхняя (характеризующая деятельность мозга) часть симметрично отражает нижнюю. Это — широко известное явление изоморфизма. Изоморфизм состоит в том, что знания человека образуют как бы "новый генос", но такой генос (такую информационную запись в памяти), который концентрируется не в теле человека, а в "теле" общества. Это — знаково зафиксированные знания и социокультурные программы общества, его информационный (вещественно-информаци-

онный) потенциал, накапливающийся в истории постоянно и циклически. Есть и еще один тип изоморфизма, который мы обнаружим в обществе, — технос, являющийся изоморфным отражением (по функциям) тела и мозга человека.

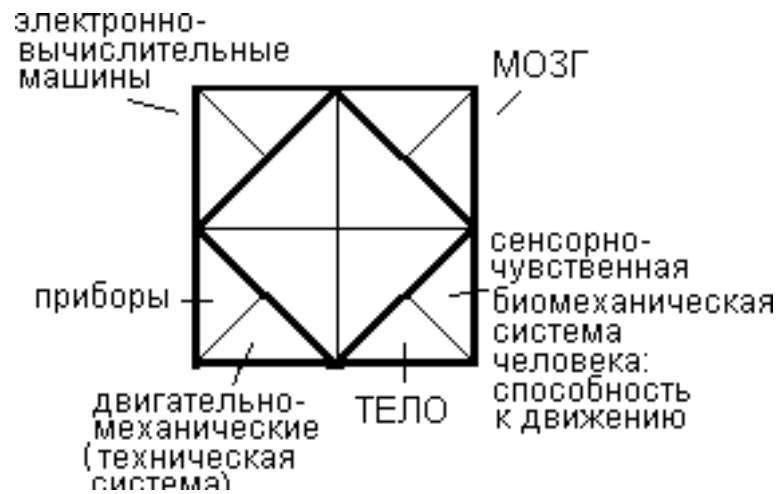

Рис. 56.

Можно выделить три типа технических систем общества: это — технические системы, компенсирующие телесные ограниченности человека (1), чувственные его ограничения (2) и ограниченность его интеллекта (3), что и зафиксировано схемой.

Мы уже говорили, что для включения в деятельность человек должен обладать готовностью осуществлять *данную* деятельность (именно

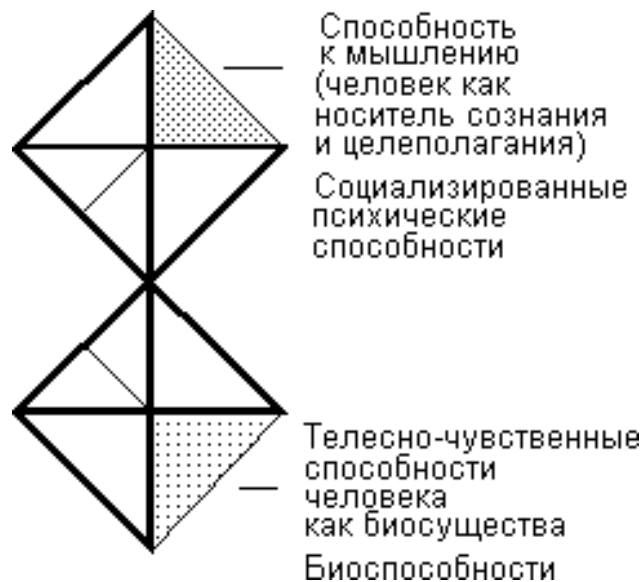

Рис. 57.

Присутствующая и у животных **мотивация**, выраженная в жизнепотребностях, приобретает у “животного общественного”, у человека, совершенно иной характер: его **мотивационная подсистема** становится не внутренне опосредованной, а в значительной мере социально опосредованной, опосредованной социальными отношениями.

Рис. 58.

Стоит отметить чрезвычайно интересный феномен, который мы сейчас рассмотрим на схемах: человек становится как бы “зеркально отраженной системой” — его верхняя (характеризующая деятельность мозга) часть симметрично отражает нижнюю. Это — широко известное явление изоморфизма. Изоморфизм состоит в том, что знания человека образуют как бы “новый генос”, но такой генос (такую информационную запись в памяти), который концентрируется не в теле человека, а в “теле” общества. Это — знаково зафиксированные знания и социокультурные программы общества, его информационный (вещественно-информационный) потенциал, накапливающийся в истории постоянно и циклически. Есть и еще один тип изоморфизма, который мы обнаружим в обществе, — технос, являющийся изоморфным отражением (по функциям) тела и мозга человека.

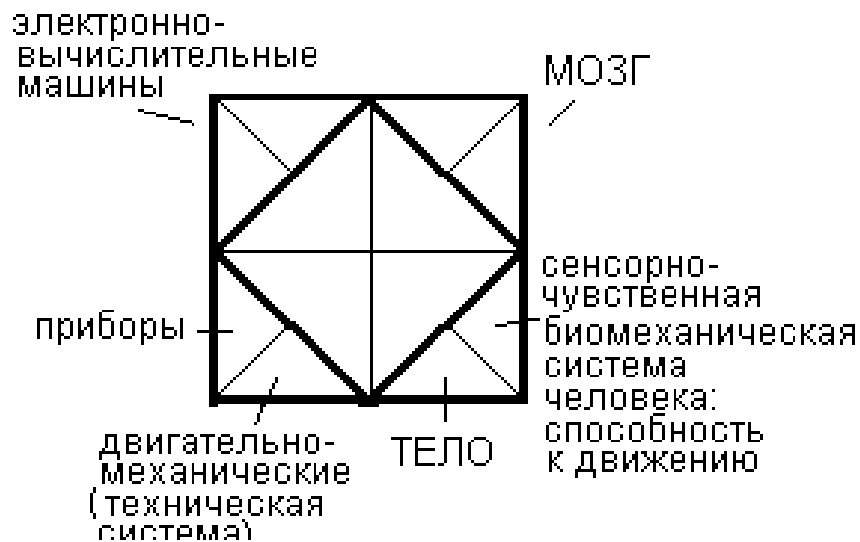

Рис. 59.

Можно выделить три типа технических систем общества: это — технические системы, компенсирующие телесные ограниченности человека (1), чувственные его ограничения (2) и ограниченность его интеллекта (3), что и зафиксировано схемой.

Мы уже говорили, что для включения в деятельность человек должен обладать готовностью осуществлять *данную* деятельность (именно данную, то есть определенную, частичную; отсюда следует, что в любой частичной деятельности и человек выступает как частичный человек: включен не весь его потенциал, а часть потенциала — человек превращается в субъекта

деятельности). Готовность представляет собой специально сформированную до деятельности (в процессах социализации человека) ориентированную систему его потребностей (ХОЧУ) и способностей (МОГУ = ЗНАЮ + УМЕЮ). Это, по сути, все, что можно сказать о человеке как о субъекте деятельности вообще, неспециализированном субъекте. Ибо, чтобы ответить на вопрос о типах его специализации, мы должны понять те возможные *общественные функции*, которые человек способен выполнять как субъект деятельности.

Упомянув вторичную отраженность субстрата человека в техносе, мы тем самым охарактеризовали вторую составляющую системы деятельности — средства деятельности. Техника — орудия человека, средства его деятельности. Технику, и этот процесс углубляется, окружает информационно-вещественный потенциал деятельности: система знаний, система социокультурных программ и их специфическая обращенность на практику. Отразим это схематически:

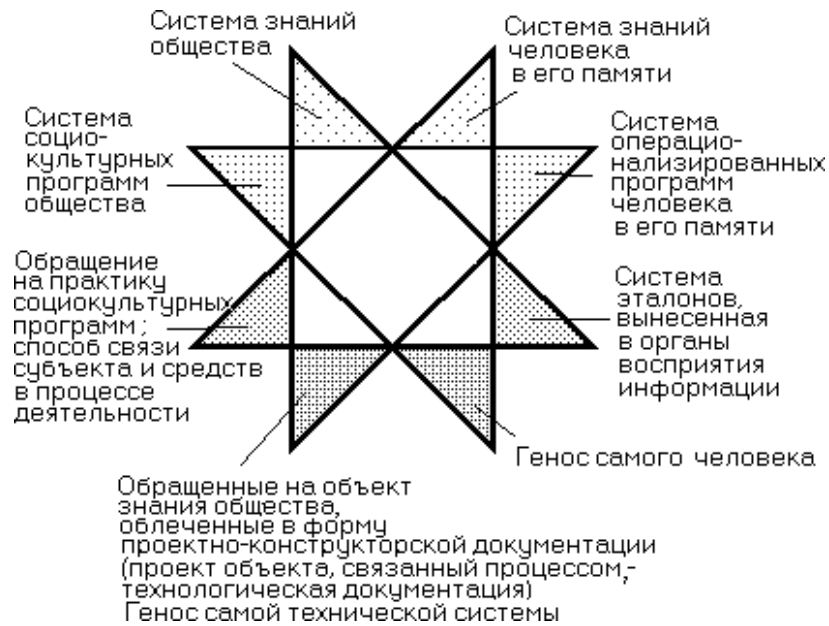

Рис. 60.

Ту же схему можно использовать и для иллюстрации изоморфизма, своеобразной “зеркальности” систем человека и общества. Напомним, что в данном случае речь идет об информационной наполненности функциональных систем. По поводу сходства генетических программ техники и человека можно заметить, что они подчинены одним законам.

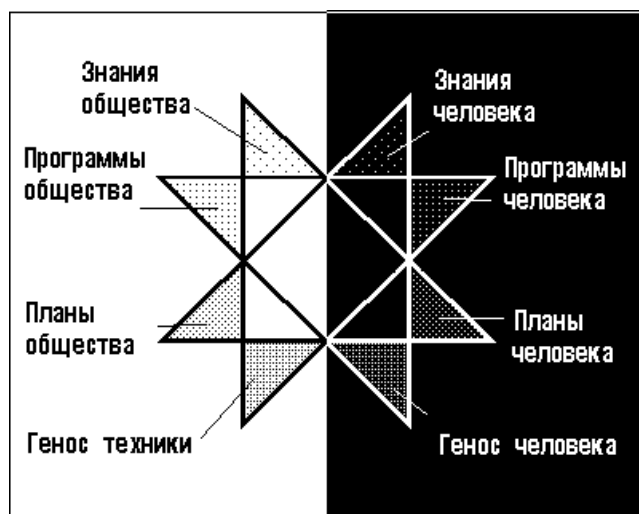

Рис. 61.

Пока мы ничего не говорили о деятельности в ее функциональном аспекте — только о потенциале ее в человеке и в обществе. На этом уровне можно проследить, как схожим образом осуществляется синтез информации в человеке и в технических системах.

Первичное условно-безусловное рефлекторное отражение унаследовано человеком от животных и функционирует внутренним образом, обеспечивая действующую способность человека на биоуровне. В то же время в мозгу его уже происходит оперативный синтез как подсистемы его знаний, так и подсистемы, содержащей социокультурные программы деятельности (в подкладке ее — рефлекторное отражение):

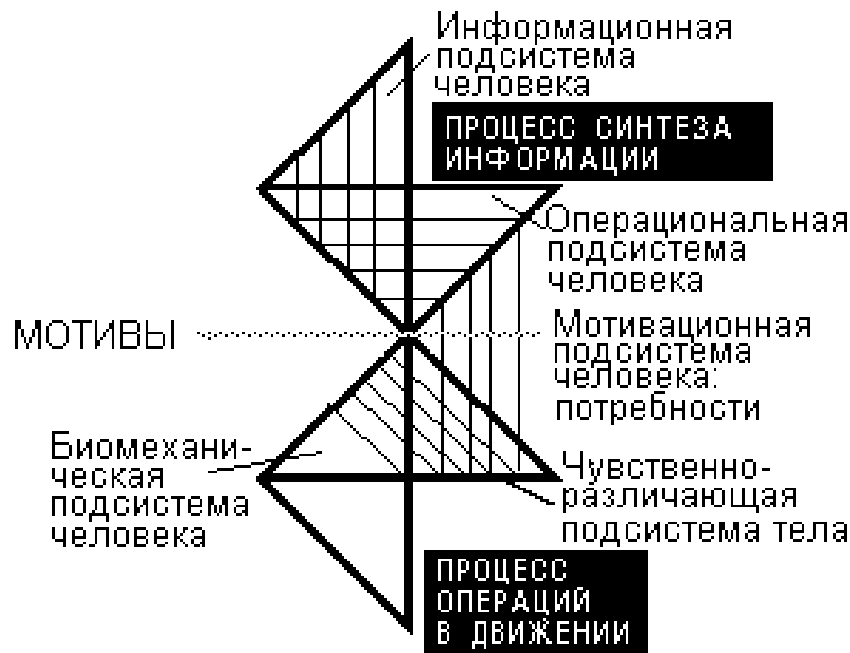

Рис. 62.

Очевидно, при таком синтезе мы вправе ожидать нового, так называемого *эмерджентного*, качества, которое не обнаруживается в потенциальном состоянии (эмерджентность — это новое, порождаемое качество системы, которое возникает в ней как в системе, но не содержится по отдельности в компонентах системы). Это новое качество — **мотивация деятельности**, деятельно активная форма потребностей человека, которая имеет множество модусов (модифицированных состояний): влечения, желания, стремления и т.д. Важно отметить, что в создании мотивации деятельности участвуют все подсистемы человека (что отражено на вышеприведенной схеме). И так же, как в потребности человека входили его социализированные жизнепотребности, снято, они содержатся и в мотивации деятельности.

Характеризуя мотивацию как действующую потребность, мы должны указать, что она в деятельности (не в самодеятельности) закладывается в процессах социализации внешним образом, потенциально (или в форме игры, имитирующей деятельность, или в частичной, неполной, развивающей, социализирующей учебной деятельности, или стихийно), актуализируется управлением (в самодеятельности — самоуправлением), в силу чего мы говорим о целесообразном характере деятельности. Мотив содержит цель, но мотив содержит и программу деятельности, ее операции во времени; в принципе, мотив намного богаче и едва ли не беспределен.

При употреблении мотивационных модусов чаще всего говорят об *установках* субъекта, и этот единый термин психологической школы Узнадзе удачно вскрывает суть дела: управленческие установки должны дать в субъекте деятельности адекватно мотивированную **направленность** как установки субъекта **на деятельность**, его “хочу”.

Интересно, что в технических системах мы имеем дело с тождественными процессами синтеза информации, в то же время они не могут обладать всем тем информационным богатством,

которым обладает психика человека, содержащая в себе свернутую эволюцию живого и неживого. Насколько известно, нет пока таких самоорганизующихся технических систем, которые синтезировали бы в себе новые программы своей работы. Кроме того, не существует и особого слоя эволюционной памяти и эволюционно свернутых программ, задающих сверхсложность саморазвивающейся техники.

Если говорить о компьютерах, то можно отметить: в них происходит синтез логических знаний, содержащихся в памяти машины (и эта память уже значительно превышает человеческую), и алгоритмических программ. Выходной результат в ЭВМ — это информация, которая, кстати, может применяться разнообразно не только для техносистем, но и как направленная на человека. Уже давно есть обучающие и игровые машины, машины, применяемые для управления и науки, но все больше они многофункциональны. По аналогии с человеком, тенденция развития всех машин идет к замкнутой на себя и обращенной на природу и общество технической суперсистеме замкнутого типа. Со временем неизбежно появятся самопрограммирующиеся компьютеры, исполняющие и те функции человека в практике, которые пока он выполняет при посредстве или без посредства ЭВМ: планирование и проектирование, в том числе создание новых поколений компьютеров. Если предположить, что такая суперсистема возникнет, она будет иметь все функции человека, кроме одной: у машинной системы не может возникнуть эмерджентного качества в виде своих потребностей (отрицание этого тезиса — излюбленная тема фантастов). Человек пока создает самоорганизующийся технокомплекс для удовлетворения своих потребностей, а к бунту машин относится с усмешкой. Ну и, разумеется, процессы, происходящие в машинах, не приводят к возникновению мышления, ни в его абстрактной форме, ни тем более в чувственной. Машина в миллионы раз быстрее совершает те же логические операции, что и человек, но это только те операции, которые *познаны* самим человеком, изъяты из его рационально-чувственного целостного отражения как фиксированные процессы. Покажем это на схеме:

Рис. 63.

1. Деятельность со стороны человека как субъекта: мотивированный (направленный) синтез информации с обратной связью от органов чувств, превращенный в операционализированные, в соответствии с программой и планом деятельности, движения человека. Деятельность субъекта как целесообразное взаимодействие.

2. Синтез информации в технических системах как зеркально отраженный неполный синтез информации в человеке.

В совокупности процессов синтеза информации в компьютерах и роботов с их двигательной системой (даже с обратной связью) происходит создание того или иного изделия или осуществление определенной операции. Говоря о тенденции развития технических систем, укажем на ее предел: это — самопроектирующиеся и самообучающиеся технокомплексы, то есть, по сути, технокомплексы, проникшие с обратной связью в свой «генос», но имеющие программой потребности общества:

Рис. 64.

Интересны перспективы подобной системы, с точки зрения ноосферного равновесия, которое человек должен научиться поддерживать на Земле в своих же интересах: суперсистема техники в этом случае начинает ему мешать на Земле, и в идеале он вынужден будет вынести ее в космос. Техносистема неизбежно потребляет природу как свой объект, и возникающая экологическая деятельность, экологическое мышление человечества пока ничего не могут поделать с упрямым детерминизмом истории: человеческие сообщества уничтожают сферу своего обитания поодиночке, получая предупреждения от природы в виде озоновых дыр, потепления климата и т.д.

Высшим проявлением системы средств деятельности по логике истории становится **самозамкнутый технокомплекс**. Существование его на земле гипотетично хотя бы потому, что полностью, абсолютно безотходного производства не бывает: при попытке добиться полноты в этом процессе происходит экспоненциальное нарастание затрат при, в общем-то, минимальных результатах. По-видимому, некоторое время обществу придется переключиться на экологическую деятельность в рамках земли: очистить свои океаны, свою землю и воздух, восстановить искусственно утраченное равновесие в живой и неживой природе. Это уже происходит в таких развитых странах, как ФРГ, которая постепенно переходит к “постиндустриальному обществу”. Но пока это не приобретет планетарного масштаба, все попытки лишены глобального смысла в силу мощных взаимовлияний: можно очистить свой Рейн, но невозможно уберечься от чужого Чернобыля.

Программирование деятельности

Возникает естественный вопрос: каким же образом осуществлялась деятельность до возникновения управления техникой при помощи ЭВМ, до возникновения приборов и самой техники? Ответ прост: в качестве средств деятельности выступал сам человек, его частичность. Мозг специализированного человека выполнял функции теперешних компьютеров, руки специализированного человека, энергия тела человека, органы чувств человека создавали историю человеческих сообществ.

Постепенно заменяя себя техникой, человек освобождался. И, лишь создав систему саморазвивающихся технических систем, он освободился полностью. Но, поскольку этот процесс не окончен, человек все еще продолжает выступать как средство.

Специфически человеческий, или человеко-орудийный, синтез информации фиксируется человечеством в виде процессуального обеспечения деятельности, высшим типом которого пока является понятие **программирования**. Программирование можно охарактеризовать как процессуально определенную целереализацию, зафиксированную во внутренней программе деятельности человека, а в обществе — в его информационных носителях. Вектором, направляющим программирование в обществе, является *система его целей* (преображенная в деятельность система социальных отношений). Мы уже говорили, что подобным образом создается вектор и в самом действующем человеке: *обращением в деятельность его системы потребностей*.

Если начинать с самых общих положений, то возникновение вектора цели связано с определенными, исторически накопленными, духовными “способностями” общества (аналогично — в человеке: с его духовными, мыслительными способностями), с одной стороны, а с другой — системой его *возможностей*, способностей материально-технического, энергетического потенциала, что в человеке аналогично его телесным способностям чувственного и биоэнергетического, биомеханического свойства.

По отношению к деятельности программирование осуществляется внешним образом, т.е. в обществе. Культура общества (независимо от этапа его развития) представляет собой совокупность **двух блоков** нейтрального типа: это — блок общественных знаний и блок общественных “социокультурных программ” (представляющих собой знания, структурированные в связи с деятельностью). Необходимо подчеркнуть еще раз “независимый”, нейтральный, характер блоков. Аналогичным образом происходит процесс и в человеке. Потенциально ни его знания, ни переданные ему социокультурные программы не носят никакой окраски. Но, как только возникает деятельностный синтез их (как до деятельности, так и в ней самой), мы можем наблюдать вполне определенно ориентированную направленность, выражаемую в виде действия мотивационной подсистемы личности, ее целей. Поэтому, кстати, и *распознать цели личности* можно по ее словам и по ее делам, (которые могут совпадать, а могут и не совпадать). Как сказано Христом, по плодам их узнаете, т.е. по *результатам деятельности*. Если же сравнивать программы личности с программами общества, то они соотносятся как динамическое со статическим. Программы личности (не субъекта) носят творческий (в потенциале) характер, новаторский, направленный на непрерывное усовершенствование статично зафиксированных социокультурных стандартных программ общества. Подобное мы с вами наблюдали во взаимоотношении “особь — генофонд” в животном мире. Если говорить упрощенно, можно заключить: социокультурные программы общества и являются абиотически зафиксированным “генофондом” общества. Вот как выглядит данное утверждение на рисунке:

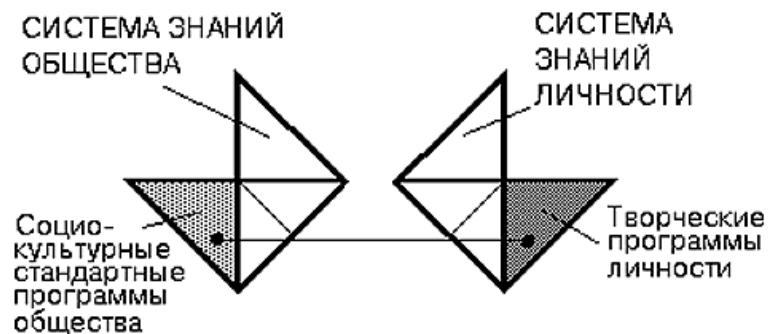

Рис. 65.

Изложим традиционную точку зрения на соотношение знания, метода и установок. Мы уже упоминали, что синтез знаний и программ в человеке порождает специфическое эмерджентное качество — установки, имеющие активную, направляющую силу. Аналогичным образом это можно рассмотреть и в обществе, где синтез обеспечивается специальной деятельностью, результатом которой является система общественных установок. Знания играют в обществе роль опережающего отражения, и само по себе знание нейтрально. Высшим его ярусом является философия, выполняющая две функции: мировоззренческую и методологическую. Вектор мировоззрения направлен из среды в мир, на познание универсума. Методологическая функция возникает, как только мы начинаем обращать наше накопленное знание на практику, поворачивая вектор на деятельность. Свойство теории обращаться в метод является тем свойством, которое придает знаниям уже не нейтральный, а направленный характер. Рациональное знание, соотнесенное с вектором целей общества, демонстрирует нам ИДЕАЛ данного общества. Не сама по себе методологическая трансформация теории, а именно система наложенных на нее идеалов и делает методологию ценностно ориентированной.

Но к этому вопросу можно подойти и иначе. Знание нейтрально. Следует еще ответить на вопрос: что есть знание? Однако мы этого здесь делать не будем. Отметим лишь, что существует специальная работа по формированию знания. В обществе живут идеалы, которые образуют собственное поле. Оно может соприкоснуться с полем знания, но может жить и помимо него. Идеологемы овладевают субъектом деятельности. Методология же не обязательно есть методологическая трансформация теории. Ее тоже можно представить как отдельную, не связанную со знанием и идеологией работу. Эта точка зрения ничем не хуже и не лучше предыдущей.

Но следует различать то, что происходит в обществе, и то, что происходит в человеке. В процессах развития человека через передачу ему знаний и социокультурных программ транслируются и общественные идеалы, которые для него обращаются в его внутренние, личные идеалы. Все три процесса пока не дифференцированы. Но их можно и развести. Момент совпадения или несовпадения, соотнесения общественных идеалов с личностными в науке фиксировался в этико-эстетических понятиях: мораль и нравственность, эстетический идеал общества и личный вкус.

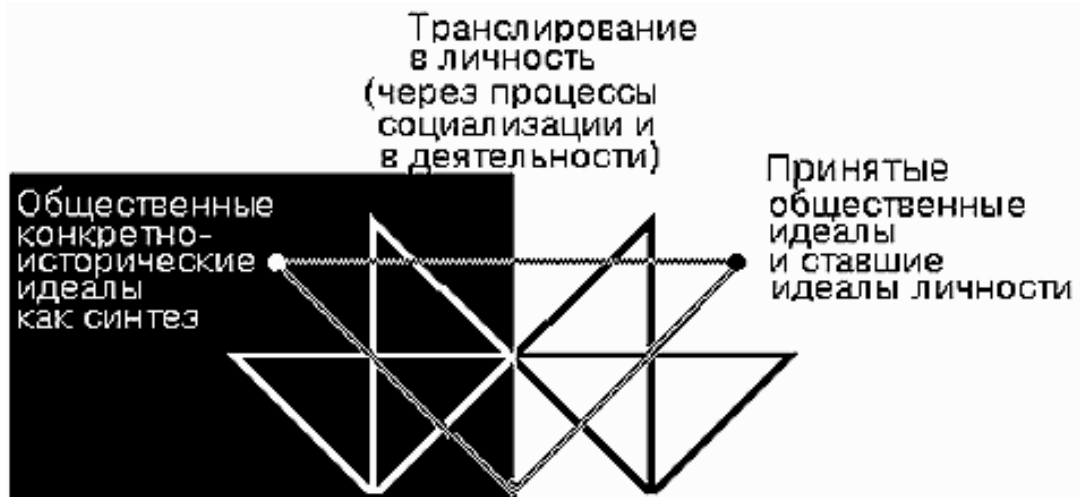

Рис. 66.

Мы уже упоминали, что социальные отношения, взятые как вектор, направляющий деятельность, демонстрируют нам систему целей общества. Социальные отношения фиксируются системой общественных идеалов. В качестве идеального, то есть наиболее абстрактного выражения, проявляются в человеке его потребности. Чтобы внести полную ясность, зафиксируем на схеме, как проявляются все эти моменты в совокупности:

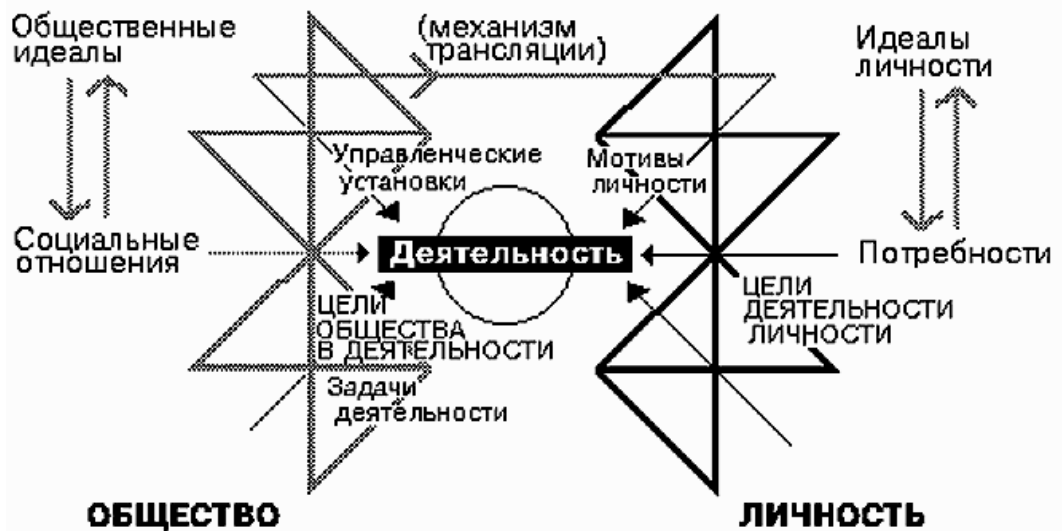

Рис. 67.

“Идеальное окружение” деятельности интересует нас сейчас только с одной позиции — с позиции программирования деятельности. Первичная основа для программирования — появление ПРОБЛЕМЫ в процессе взаимодействия человека с объектами его деятельности. Проблема, понимаемая как противоречие, возникающее в деятельности, воспринимается в информационной подсистеме человека в виде ГИПОТЕЗЫ по поводу ее разрешения, гипотезы, приобретающей в нашем плане теоретический, абстрактный, сущностный характер. Многократно проверенная, устойчиво окруженная доказательствами и фактами гипотеза фиксируется обществом в виде ТЕОРИИ. Далее ход нам известен: теория, обращаемая нами на практику, предстает как МЕТОДОЛОГИЯ, и мы уже можем говорить о ПРИНЦИПАХ. Система понятийного знания (теория), таким образом, трансформируется в систему принципов деятельности (метод). Именно здесь мы получаем наложение на данную операцию системы общественных идеалов, но происходит это (для точности) в ином слое. Далее система принципов превращается в СПОСОБЫ — систему действий по реализации задач. Наконец, обращенная в непосредственную практику система действий является в виде МЕТОДИКИ — системы операций по реализации программ в практике. Теория, метод, способы, методики — это пока функции науки, функции научного обеспечения деятельности. Зафиксируем это схематически:

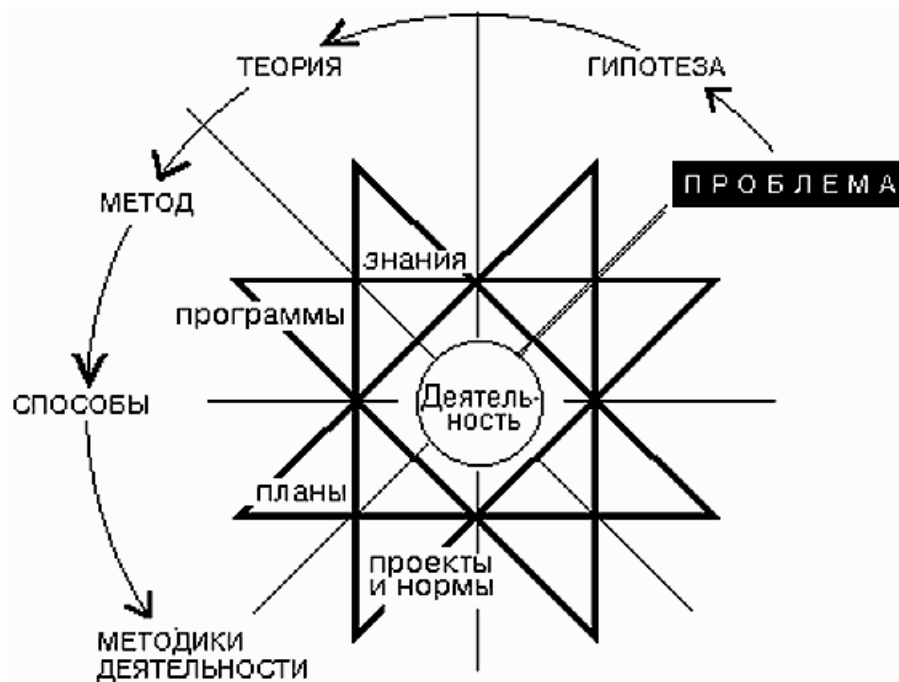

Рис. 68.

Для участия в деятельности в качестве субъекта личность должна обладать готовностью к ней, и это первый, важнейший, шаг обеспечения деятельности — подготовка субъектов в соответствии с целями деятельности. Теперь отметим последовательность: чтобы готовить кадры, нужно иметь развернутую и зафиксированную систему целевого обеспечения деятельности как по отношению к средствам (предметным и методическим, последние мы как раз и учли), так и по отношению к целереализующей внешней системе — к управлению, что отражено в среде деятельности в виде управленческих установок и задач практики, а это и есть проявление целей.

С позиции управляющей системы, к субъекту деятельности обращены управленческие установки. Они выражаются в двух видах нормативности: это — нормативные предписания (жесткого, обязательного типа, фиксирующего лишь стандартную программу и не предполагающего сотворчества, творческих проявлений субъекта) и нормативные рекомендации (мягкого типа, учитывающие определенную собственную активность, применение творческих программ субъекта, желательного типа). В субъекте нормативные установки управления могут найти отклик или не найти — это зависит от совпадения или несовпадения с мотивацией личности. Как показали социологические исследования, у нас в стране реализовывалось около тридцати процентов нормативных установок. Например, из десяти постановлений правительства в брежневский период выполнялось только одно, что убеждает в несовпадении общественных целей (они могут быть легко извращены в случае бюрократического управления) с потребностями людей, из-за чего нормативные установки не принимались (в виде адекватной мотивации) субъектами деятельности. Система управления демократического типа, тяготеющая к самоуправлению (полному совпадению целей общества с потребностями личности, внутренне мотивированной деятельности субъекта *самоуправляемого*), более эффективна.

Проектирование и программирование

Вернемся к технологии программирования. Цель деятельности, ее вектор только направленность на получение результата деятельности. Вектор проявляется двояко, первоначально — как идеальное образование, опосредованное целью. Альтшуллер удачно охарактеризовал его (для технических систем) как ИКР — идеальный конечный результат. Если мы имеем дело с будущим материальным результатом, мы должны его увидеть, идеально представить. В голове субъекта деятельности результат существует уже до деятельности. Модель результата базируется на способности нашего познания (рационально-чувственного) проникать в сущность явлений, в будущий предмет нашей деятельности, в силу чего мы говорим об ОПЕРЕЖАЮЩЕМ отражении.

Эта познанная сущность идеально преобразуется в соответствии с нашими целями. В науке она отражена таким образом, каким связана с явлением в бытии предмета. Именно идеальное преобразование предмета и делает науку непосредственной производительной силой: чем глубже мы познаем сущности, тем безошибочнее и безотходнее будет наша непосредственная практика. Уже здесь намечаются два принципиально разных момента: проектирование и программирование.

Проектирование представляет собой такую специфическую деятельность, которая создает модель идеального конечного результата в форме материализуемой модели: это — макеты, проекты, чертежи, пояснительные записки и т.п. В соответствии с теорией проектирования (хотя она только складывается как целое), существуют и ее внутренние операции: дивергенция — всестороннее раскрытие реальной проблематики, трансформация — выработка ряда концепций, конвергенция — обращение двух предыдущих этапов к реальной технологии производства, практики, адаптация концепции к практике. Важно отметить, что мы можем говорить в данном случае о любой деятельности, а не только о связанной с промышленным производством. Почему именно так: все чаще начинают появляться проекты принципиально нереализуемые или реализуемые без производства, связанные с сугубо процессуальной организацией и ее результатами. Тем не менее мы говорим о проектировании, для этого создается проект. Кроме того, мы говорим о применении познанной сущности целостного типа, а она включает в себя не только абстрактно-теоретическое отражение, но и эстетическое, в связи с

чем вместо одностороннего инженерно-технического проектирования все более прочные позиции занимает дизайн. Дизайн связан с системой потребностей человека, в этом смысле он и выступает как целостное в проектной деятельности.

Кстати, в системе Р.И. Никифорова проектной деятельности отведено именно такое место, какое и мы описываем: Наука -> Педагогика -> Проектирование -> Практика и соединяющее их все управление.

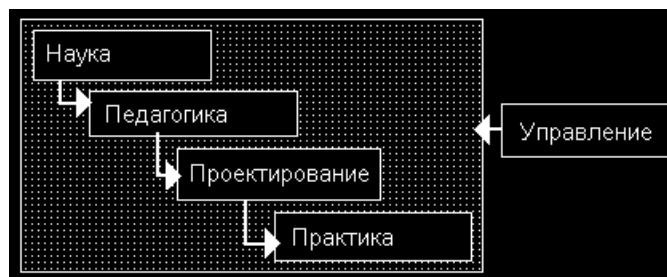

Рис. 69.

В системе родовых деятельностей Р.И. Никифорова отличие только в одном: он относит проектную деятельность к родовым деятельностям, в то время как в концепции ГИСИ это — **форма обращения познания на практику, опосредованная целью**. Если говорить о практике, то там проект как модельный идеальный конечный результат выступает уже в связанном виде: в связи с процессами деятельности и их расчлененностью. В силу этого различаются: конструкторская (общая модель) и технологическая (расчлененная по операциям модель) документация, сборочный и все прочие чертежи и т.д. Модельная документация и является тем самым “геносом” техники, о котором мы упоминали. Как по генетической программе растет человек, так и по этой модельной программе из предмета, объекта деятельности, можно получить результат — материализованную цель. Почему мы говорим здесь лишь о материальном производстве? Это позволяет аналогия с телом человека: техносфера = “тело” общества.

Полученный в проектировании модельный ИКР является только тем потенциалом, который в ходе процесса деятельности материализуется. Это значит, что если в проектной документации отражена связь “РЕЗУЛЬТАТ — СРЕДСТВА деятельности”, то для осуществления деятельности субъектом нам понадобится еще одна описанная связь “СУБЪЕКТ — СРЕДСТВА деятельности”, грубо говоря, план работы. То, что в проектной документации фиксируется как модель объекта (промежуточные результаты в виде узлов, деталей, агрегатов и т.д.), здесь должно быть зафиксировано в таком виде: некий субъект за “энное” время в определенных условиях должен получить некоторые промежуточные результаты (известные нам из проекта). Это и есть определенная программа операций субъекта, представляющая собой обращенную на практику, отраженную в практике программу управленческого субъекта. Легко понять: на место субъекта можно подставить технику (что человек и делает все чаще). В данном случае решающее значение имеет программа управленческого субъекта, на месте которого может быть человек-оператор или компьютер, и тогда мы получаем запрограммированную техносистему.

Первичное понятие о функциях управления

Итак, сама программа деятельности содержится в управляющем блоке и представляет собой синтез знаний и социокультурных программ общества, связанных определенной целью. Если мы имеем дело с человеком, то до деятельности программу необходимо в него адекватно вложить (необходимость подготовки субъекта к деятельности, необходимость педагогической деятельности). Человек программируется так же, как машина. Функция управления в деятельности сводится к АКТУАЛИЗАЦИИ готовности субъекта, превращения его потенциальной готовности в действующую способность субъекта. Субъект управления действует по программе данной деятельности и в связи с целями ее. Субъект деятельности также действует по ней, если управленческие нормативные установки адекватно приняты и мотивированы.

В чем состоит необходимость управления в обществе? Ответить можно, рассмотрев функции управления в обществе:

- 1) в создании программ, реализующих цели общества (планирование);
- 2) в организации системы деятельности до ее начала: это — подготовка и наделение необходимыми свойствами всех компонентов системы деятельности (организация);
- 3) в управленческом поэтапном воздействии на субъекта деятельности (руководство);
- 4) в обратной связи от субъекта деятельности (иногда — от всех компонентов) в связи с промежуточными результатами — сравнение получаемого с запрограммированным (контроль);
- 5) в регулировании (определенный разброс свойств системы деятельности, неидеальная управляемость всеми компонентами приводят к отклонению промежуточных и конечного результатов от целей данной деятельности, что требует осуществления этой особой функции управления — регулирования, управленческого воздействия на систему по доработке результата до соответствующего целям уровня.

В совокупности у управленческой деятельности только и есть, что эти пять функций: планирование, организация, руководство, контроль, регулирование. Все прочее, выделяемое в литературе по управлению, есть модификации названных функций, операции управления. Функций — пять, операций — множество.

Стратегия, тактика, оперативность

С учетом многоступенчатой системы управления в обществе по достижению суммы его целей (обращение управленческой деятельности на себя, управление управлением) возникают иерархические структуры, у которых, как минимум, три яруса: стратегия, тактика, оперативное управление. Они различаются по степени детализации целеполагания и по длине циклов их руководящего воздействия на деятельность. Они связаны и с научным обращенным знанием: стратегия — с методологией, тактика — со способами, оперативность — с методикой (операциональностью) конкретной деятельности. Общее, особенное, единичное — это стратегия, тактика и оперативность в управлении.

* * *

Мы уже вплотную приблизились к тому, чтобы воссоздать всю систему деятельности в ее целостности. Изобразим ее схематически, причем в той последовательности, в которой она создается в практике.

3.2. Метод суперпозиционного экрана

В работе “Формула история” мы поставили задачу *синтеза* многочисленных отраслей, скажем, идеального мира. В ходе решения задачи мы используем **единый экран**, куда выводятся модели. Экран “многогранен”: он одновременно описательный (слово), числовой (число) и плюс к тому геометрический (пространственные модели) и временной (циклические модели). На этот экран мы пробуем выводить не только знания, но и результаты понимания и рефлексии, имеющие иной характер: они относятся скорее к *средствам* получения и демонстрации знаний. Если подойти к демонстрации всего рабочего арсенала с позиции общей теории деятельности, то можно обсудить не только продукты, но и средства деятельности, позволяющие получать эти продукты.

Уточним, о какой деятельности идет речь. По классификации М.С. Кагана, — о *познавательной*, по классификации Л.А. Зеленова, — о более широкой по смыслу *деятельности отражения* (включающей научно-теоретическую и художественную), по классификации А.И. Субетто, — о совокупности *гностических деятельностей* (это — 4 подтипа). Обобщим названные разновидности термином “идеальная деятельность”: это — деятельность, объектом и продуктом которой являются преимущественно идеальные образования (о ее типологии — разговор позже). Здесь мы имеем дело скорее всего с платоновским “миром идей” и с той схемой, которая предваряет наше взаимодействие с этим миром (с посредниками в виде Слова и Числа).

В любом из вариантов содержательного наполнения подобной деятельности можно говорить о *способах осуществления деятельности*. Сюда входят методы, приемы и средства и т.д. Если подходить предельно широко, то нужно учитывать идеальные и материальные средства деятельности (носители), если сузить проблему до интересующих нас вопросов, то достаточно сконцентрировать внимание на *идеальных средствах* осуществления этой идеальной деятельности.

Что является наиболее важным в нашем поиске? При большом количестве фокусов (полифокусное представление ядра предмета общей теории деятельности) мы ищем тот *синтетический* (и инвариантный для данного случая) *язык*, который делает возможным соединение и удержание разнородного и разнопланового содержания ОТД в некотором единстве, в том числе и формальном.

Воспользуемся аналогией. Чтобы удерживать все ветви, относимые к предмету социальной философии (а это — основная тема нашей серии работ), необходимо иметь точное представление о стволе этого дерева. Он по своей функции (удержание многого разнородного) должен быть более объемлющим, более “сильным”, чем все его ветви. И потому этот ствол во многом будет выглядеть абстрактным по отношению к более конкретным отраслям знания в рамках социальной философии (социология, социальная психология, антропология и т.д.).

Пойдем уже знакомым путем взаимоотображений, который приводит нас к выделению инвариантных составляющих. Чтобы получить прочный ствол, мы будем извлекать из каждой науки ее достаточно простой инвариантный каркас и “складывать” (связывать) все эти каркасы воедино, чтобы получить в результате каркас универсальный, способный удерживать при “развеске” на нем все, интересующее нас.

Рассмотрим, следуя принципу аналогии, несколько близких приемов из разных областей деятельности.

В живописи широко применяется “прием лессировок”, когда краску кладут тонким полупрозрачным слоем (как правило, на лаке), а поверх следует новый слой и т.д. Постепенно, слой за слоем, получается изображение, напоминающее стереоскопическое. Например, данный прием использовал Леонардо да Винчи, создавая “Джоконду,” — вот почему при малейшем изменении положения наших глаз относительно картины лицо Моны Лизы всякий раз меняет свое неуловимое выражение.

В работе армейского штаба существует операция *наложения нескольких слоев полупрозрачной кальки* с деталями ситуации на одну и ту же карту (общая стратегическая картина), позволяющую на этой основе принимать соответствующие управленческие решения. Прием удобен, ведь некоторые кальки можно оперативно менять, ориентируясь на поступление

новой информации, а целое хорошо просматривается. Это своего рода “интерфейс”, выполнявшийся ранее вручную.

В.Л. Глазычев применял в своих работах метод "*пакета слайдов*" — взгляд сквозь него позволял достаточно всесторонним образом раскрывать проектную ситуацию [49]. Этот “принцип пакета”, кстати, был начальным этапом и наших рассуждений, пока не обнаружилась его глубоко онтологическая специфика, составляющая в том числе и его ограниченность.

На той же идеологии построены и многие компьютерные программы со *слоями и каналами*, способными совмещаться при помощи команды в единое изображение. Поскольку этими программами пользуется весь компьютерный мир, то это позволяет назвать пакетный принцип широко распространенным в информационных технологиях.

Таким образом, *принцип пакета прозрачных слоев*, способных совмещаться в нечто единое, работает в управлении, проектировании, искусстве (художественной деятельности), в том числе компьютерном.

Чтобы данный принцип работал, должны быть основания в нас самих. Будем исходить из предположения, что наше сознание во многом устроено аналогичным образом (хотя, наверное, мы не знаем и никогда не узнаем, сколько *слоев подсознания* участвует в принятии наших интуитивных и даже “волевых” решений, — их иногда насчитывают до сорока и более). Эти *слои* по принципу те же прозрачные *кальки*, или *слайды*, или *каналы*, но название их не так важно: принцип един. Важно другое — и это существенное ограничение: прием слоев статичен. Между тем наше сознание живет во времени, поэтому здесь в качестве аналогии скорее подойдет не квантовый “*принцип пакета слайдов*”, а некий “*принцип пакета киноленок*”, ибо речь пойдет о синхронизации и любого одномоментного среза (онтологический взгляд, сущность), и всей истории (взгляд во времени, в существовании). Соотношение сущности и экзистенции наиболее фундаментально для философии XX века.

Если довести нашу мысль до *конечного состояния в качестве исследовательской методологии*, то работа по социальной истории должна представлять из себя, как минимум, пакет *синхронизированных* локальных историй. Например, история искусства, история искусствознания, история эстетической мысли, история философии в менталитете движутся вполне синхронно (хотя и не жестко синхронно). Но как это представить *и порознь, и вместе*? Это — проблема выражения, а значит, и композиции.

Итак, у нас есть две взаимосвязанные задачи: отображение на едином экране *онтологических пакетов понятий* и отображение *синхронизированного целого* индентифицированных и маркированных исторических фактов из разных областей. С первой — мы сейчас разберемся, а в отношении второй задачи следует признать: синхронизацию как действие (как демонстрацию метода) удастся, пожалуй, представить только ближе к концу серии книг. Ради этого мы и строим большое-пребольшое здание, значительная часть которого всегда будет оставаться невидимой.

Можно задаться вопросом: нов или не нов метод, которым мы воспользуемся? Мы же пребываем в убеждении, что **в области идеального** новых методов не существует: у всякого метода — свой генезис, свои прародители, свои исторические взлеты и падения (вплоть до, казалось бы, полного исчезновения). Единственный прогресс, который есть в идеальных методах, состоит, видимо, в их дифференциации. Инструменты нашего проникновения в идеальное становятся все тоньше — и не более того.

Онтологическое суперпозиционирование

Синтетическая методология, которой мы посвятили наши последующие работы, содержит принцип **онтологического суперпозиционирования**. Этим принципом мы уже неоднократно пользовались, но пока он был двухслойным. Далее мы вкратце повторим некоторые существенные положения и начнем с примера.

Длительное время нам никак не удавалось привести к единому знаменателю эстетику Н.И. Крюковского [116] и эстетику Л.А. Зеленова [81], потому что они исходят из разных посылок: Крюковский говорит об “эстетическом отношении”, а Зеленов — об “эстетической деятельности”. В первом случае мы получаем динамическую концепцию, а во втором — системно-

статическую. Лишь выведя обе концепции на единый **онтологический экран**, мы нашли решение по их синтезу.

Чтобы пояснить это на схемах, потребуются три действия, которые мы представим как разные “кальки” (“пакет трех слайдов”).

Итак, действие первое: мы выводим на экран **первую кальку** — схему, проясняющую специфику “эстетического отношения” в трактовке минского эстетика, логика и филолога Н.И. Крюковского [116]:

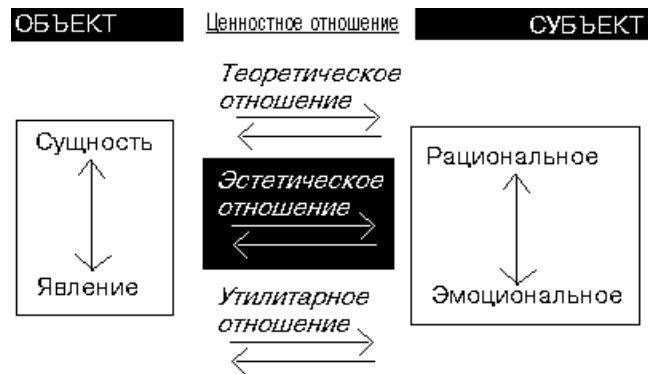

Рис. 70.

Задачей введения этой схемы было определение специфики эстетического отношения как целостного, и данную функцию схема выполнила. При всей внешней усложненности она очень проста: взяты *объект и субъект*, между ними установлено *ценностное отношение*. Для выделения ярусов отношения объект раскрыт как одно противоречие (сущность — явление), а субъект — как второе (рациональное — эмоциональное). При этом, развернутом, взгляде у двух взаимодействующих систем (объект — субъект) намечаются *три яруса* отношений. Крайнее сверху отношение (где “сущность” объекта взаимоотношается с “рациональностью” субъекта) — **теоретическое**. Второе крайнее отношение, снизу (“явление” в объекте соотносится с “эмоциональным” в субъекте), — **утилитарное**. Оба отношения — односторонние: и объект в них участвует одной стороной, и субъект. Только **эстетическое отношение** целостно, ибо субъект *выступает как единое рационально-эмоциональное существо* и относится к объекту, *взятому в единстве сущности и явления*. Разумеется, и Крюковский говорил об этом: крайние отношения не существуют в чистом виде — это скорее такие пределы, как “робот” и “животное”. Следовательно, схема устанавливает *пределы шкалы эстетического*.

Попытаемся упростить все эти сложности. Мы оперируем противоречием “общество — человек”: это — довольно сложная диалектическая пара (подразумевающая *соотношение: “целое — часть”*). Она порождает третье, и это третье есть двусторонний “**канал связи**” человека с обществом, эстетический канал. Раскрывая первую и вторую стороны как собственные дополнения, мы тем самым обнаруживаем и это третье, структурно следующее за ними, — в результате оно предстает как простейшая трехъярусная иерархия.

Перейдем к превращению этой первой кальки в *инвариант*. Перед нами — **человек и мир** вне его. Между внешним миром и человеком (как биосоциальным субстратом) с самого момента его рождения стоит общество, с его культурой и деятельностью, и без общества нет человека по определению. То, что на схеме Крюковского обозначено как *эстетическое отношение*, на самом деле есть *вообще любое деятельностное отношение*. И у такого отношения есть естественные пределы в виде рационально *отражающей* (теоретической, или научной) деятельности человека и его материально-производящей деятельности (*производственной деятельности*). В середине мы получим канал связи (тоже деятельностно отраженный). Это приводит нас к хорошо известной любому советскому психологу тройке “**труд, общение, познание**”, где иерархия подана снизу вверх.

Среднее составляющее, *общение или коммуникацию*, можно трактовать и свернуто, и развернуто — во множестве ракурсов [131]. Развернуто понимаемая коммуникация может

получить, как минимум, два деятельностных проявления (раздвоение середины). Таким образом, мы совершаем уже привычный **переход от тройной модели к модели четверки**. И тут вступают в силу все известные нам общественные и прочие сущностные “четверки”, способные работать *в инвариантном режиме*.

Четыре вида деятельности

Исходная четверка типов деятельности М.С. Кагана [93] возникла из тройки, которую мы приводим на схеме рядом. То же можно использовать по отношению к человеку, выстроив модель как древнегреческую иерархию гармонической личности и типологический квадрат античной аксиологии:

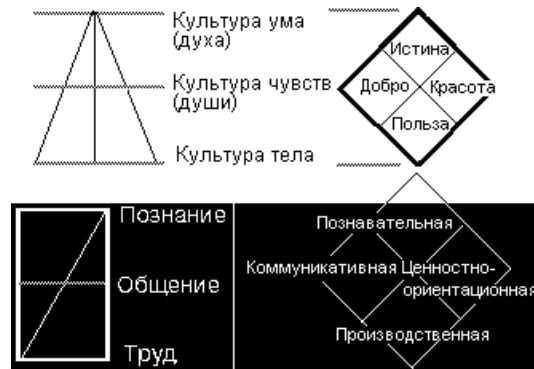

Рис. 71.

Мы получаем, по М.С. Кагану, из единой коммуникационной деятельности (**деятельности общения**) *ценностно-ориентационную и коммуникативную деятельности*. Что это за раздвоение и в чем его суть, понять, в общем-то, несложно, ведь М.С. Каган изначально базируется на аксиологии, а если говорить о ценностях, то можно сказать: мы наблюдаем все те же **четыре типа ценностей**. Исходное *ценностное отношение*, которое мы видим на схеме, переведено в деятельностное и подано как типологическая четверка.

Рис. 72.

Итак, поместив на исходную *кальку 1* — схему эстетического отношения Крюковского *кальку 2* — схему типов ценностей, мы обнаружили пока только одно: за “эстетическим отношением” скрываются, по крайней мере, **два аксиологических отношения**: эстетическое и этическое. Следовательно, если говорить о методе, Крюковский применил иерархическую тройку, а Каган на то же место подставил четверку. И мы говорим, что в обоих случаях мы можем воспользоваться уже известным нам из предыдущего изложения набором инвариантов тройки или четверки.

В инвариантном *повернутом квадрате* в центре схемы теперь могут фигурировать несколько схем, готовых к содержательному сопоставлению: схема “четырех первостихий”, схема четверки ценностей и схема четырех видов деятельности (по М.С. Кагану):

Рис. 73.

Мы ставили задачу демонстрации **структурного инварианта**, который при таком сопоставлении вполне очевиден. С позиции средств идеальной деятельности, все эти пары, тройки и четверки имеют совершенно одинаковое назначение: это — инварианты. Применение конкретной числовой закономерности продиктовано той логикой, которой она обладает. Мы совершили (вместе с Крюковским!) переход от единичного к удвоенному (“общество — человек”), далее — к троичности (“общество — канал связи — человек”). Раздвоив срединное третье, мы вышли на совокупность инвариантных четверок.

Следующих шагов может быть два. Введя пятое, мы получим систему художественно-конструкторской деятельности, по Л.А. Безмоздину [14] (на самом деле это вообще любая деятельность по производству будущего, как мы покажем ниже). Отразив ее, введя противоположное этой, пятой, деятельности, получаем объемную шестерку точек: две квадратные пирамиды.

Квадрат порождает (фиксирует) четыре качества, а затем мы будем иметь дело с его удвоением. Тогда первичная четверка типов деятельностей может выглядеть так:

Управленчески-педагогическая	Отражательная (научно-художественная)
Производственно-экологическая	Телесная (медицински-физкультурная)

Рис. 74.

Ту же четверку можно рассмотреть и в морфологическом плане. С точки зрения материальности, в обществе нет ничего, кроме "второй природы". Например, духовная культура (социофонд) всегда материализована, и ее носители — объекты "второй природы". Всякая книга как овеществленность есть продукт технических систем. Типы техники сочетаются с типами человеческих функциональных систем:

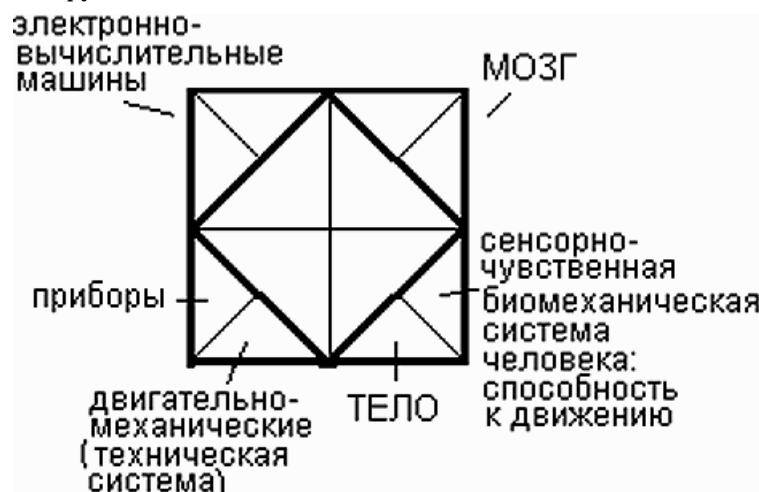

Рис. 75.

Четырем самостоятельным функционально-морфологическим образованиям соответствуют три вида техники. Информационные машины не компенсируют функций правого полушария мозга человека. Иными словами, техника не способна пока моделировать и функционально компенсировать человеческую целостность, сверхсложность нашего подсознания, с его многими уровнями, "защитую" в нас спираль генезиса всех вложенных миров, с ее информационными и прочими тайнами.

Восемь родов деятельности

Переход от четырех типов к восьми родам состоит в *модификации* исходной четверки при помощи пары.

Например, при создании своей теории деятельности Л.А. Зеленов [84], основываясь, в принципе, на "Человеческой деятельности" М.С. Кагана [93], ввел существенный *дополнительный принцип*. Он указал, что схема четверки бедна как всякая универсальность и **родовые деятельности** можно рассматривать еще и в такой мерности, как деятельность **по изменению** и деятельность **по сохранению**. Таким образом, Л.А. Зеленов совершил *действие по модификации типологической четверки дополнительностью (двойкой)*, получив восьмерку:

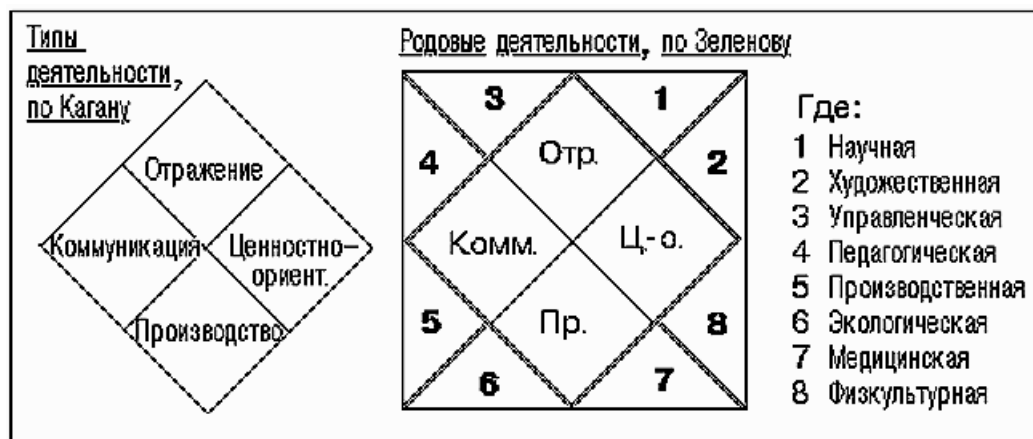

Рис. 76.

Данная схема обладает замечательным свойством: кагановская четверка (на самом деле в инварианте это может быть *любая типологическая четверка* вообще, что видно по кальке № 2) сохраняется не тронутой в ядре, а восемь зеленевских *родов деятельности* успешно *раскладываются из неё* как бы "наружу". Действие по удвоению добавило в мир схем еще один уровень, охватывающее кольцо на плоскости. Это породило прием *вложенных закольцованных модификаций*. Но, что характерно, сама модель не выходит за пределы плоскости и потому производна от четверки.

Продолжая исходную линию размышлений, возвратимся к первой схеме "эстетического отношения" Н.И. Крюковского. В своей восьмерке родовых деятельностей Л.А. Зеленов восстановил то единство *общества и человека в деятельности*, которое в модели М.С. Кагана было неявным. В образовании *восьмерки родов деятельности* участвуют, как минимум, две пары противоположностей: "человек — общество" и "духовное — материальное". И третья дополнительность, о которой мы только что говорили, может быть понята, например, как пара "изменение — сохранение".

Таким образом, достаточно инвариантная восьмерка получена здесь как удвоение столь же инвариантной типологической четверки. Это — очень простой и последовательный *ход по раздвоению*, проведенный трижды. В кагановской четверке мы наблюдаем *виды*, а в зеленевской восьмерке — систему *родов* (видо-родовая таксономическая последовательность).

Вот один из вариантов выведения восьмерки родов (авторство Нижегородского философского клуба), построенный на основе дихотомической многоуровневой логики:

Рис. 77.

Можно ту же схему трактовать и в "китайском" виде, получая "2x4" противоречий:

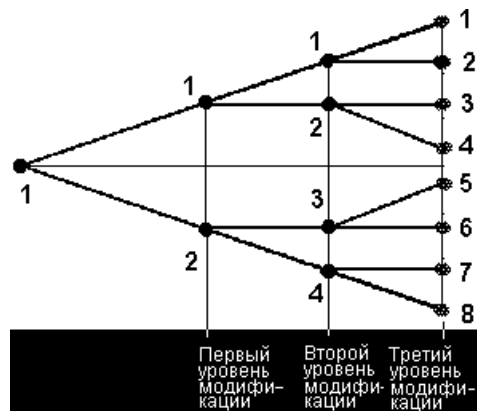

Рис. 78.

В первоисточнике, где восемь родовых деятельностей описаны очень подробно, а способы их выведения даны во всех возможных вариантах, содержится еще ряд возможностей. Но, в принципе, восьмеричную типологию удобнее всего рассматривать как два квадрата, находящихся во взаимодействии. Тогда появляются деятельности первичные и вторичные (мужские и женские, динамические и статические, изменяющие и сохраняющие). Причем если исследовать динамику деятельностей, то обнаружится: "активные" — выходят на первый план в начале витка спирали цикла (мужская часть витка), а "сохраняющие и обеспечивающие" — в конце витка (женская часть цикла).

Первичное "два" в "восьмерке" проявлено трижды. Одна из двоек в нашей звезде может быть трактована как *правое — левое* начала: **культура общества** (сохранение, "внутри") и **культура человека** (изменение, активность "наружу"). Консервирующая составная часть оседает в культуре — в неживых носителях. На той же схеме вторая "двойка" отражает функционально-морфологическую пару "женщина — мужчина": функционально выделены роль женщины как "хранительницы очага" и изменяющий компонент, принадлежащий мужчине. Не потому ли женщина рассматривается в неразвитых культурах в ряду "еда, одежда, вещи", то есть как часть материальной культуры, как обеспечивающая сохранение функция общества, а мужчине придается набор "экстравертных доблестей", постепенно перемещающихся в истории

от телесных к чувственным и интеллектуальным? Наконец, третья двойка — информационно-вещественная, мы говорим о ней чуть ниже. Это тоже своеобразный путь анализа — синтеза (2x2x2), три двоичных мира.

Используем эту, дважды квадратную, схему, например как морфологическую, где представлены *типы морфологии человека и техники* (как компенсатора недостаточности человека, откуда и зеркальная симметрия относительно вертикали):

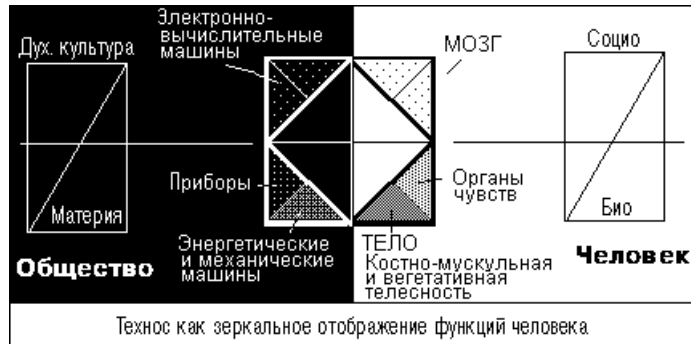
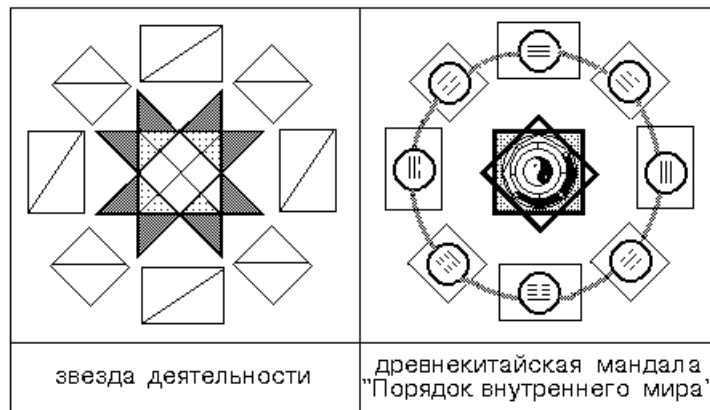

Рис. 79.

Как видим, здесь присутствует все та же **сцепка противоречий** Крюковского, на самом деле мы можем при желании обнаружить четыре сцепленные оси и систему противоречий на них. Кстати, это довольно часто встречается в такого рода схемах самых разных научных школ — выделяют нечто важное для данного ракурса, а многое неявное как бы игнорируется.

Если мы отвлечемся от таксонов деятельности и изучим *логику* образования восьмерки, то перед нами предстанет древнейший инвариант, известный в истории классической китайской философии [111], — **мандала "Порядок внутреннего мира"** (причем мы выстраивали ее по той же логике трех удвоений, что и древние авторы).

Восемь видов сцепленных противоречий - инвариант.

Рис. 80.

При раздвоении **четверки стихий** в китайской системе возникает дополнительность в виде еще одной характерной четверки:

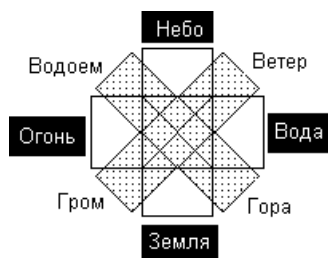

Рис. 81.

Ход напоминает раздвоение, произведенное Аристотелем, при котором образуются такие *контрастные (дополнительные) качества*, как **сухость и влажность, тепло и холод**. Отличается только основа, примененная при третьем раздвоении, о чем подробнее речь будет идти ниже.

Восемь типов, отраженных в китайской мандале, состоят из так называемых триграмм. Триграмма построена на основе своеобразного двоичного кода, в котором представлены два универсальных начала: *непрерывность* Ян и *дискретность* Инь. Графически это представлено отрезками (один из них — **непрерывный**, второй — **прерывающий линию** посередине) и похоже на принцип азбуки Морзе. При переводе на язык европейской логики можно увидеть три шага по раздвоению, в качестве оснований избрана пара Ян и Инь, очень сложная по набору значений, но в принципе — “противоположность”. Непрерывность и дискретность — значения, выраженные графически-символьно. *Непрерывность в пределе* — это время, а дискретность в пределе, соответственно, пространство (хронотоп).

Интересно отметить, что внутри самой классической китайской философии есть два аналогичных по смыслу начала: Лао Цзы основал даосизм, а Конфуций — нумерологию; Дао есть *путь*, то есть непрерывность, а нумерологическое Число — предельно простая абстракция дискретности (кстати, ряд исследователей доказывает, что даосизм возник позднее конфуцианства и как реакция на него). В Греции, на месте этой пары, — Платон и его ученик Аристотель (прямо как на фреске Рафаэля!).

Что мы можем иметь в случае с выведением видов и родов деятельности? *Три содержательных шага по раздвоению на противоположности*. В теории деятельности Л.А. Зеленова (и ФК ГИСИ) все три шага описаны достаточно разнообразно [84; 154]. Кстати, это очень редкий в науке случай, когда теоретик не ограничивается одним содержательным вариантом, а анализирует богатое смысловое множество возможных выводов, доводя его до содержательного исчерпания.

Сопоставим еврологику трех раздвоений и мандально-центрическую логику:

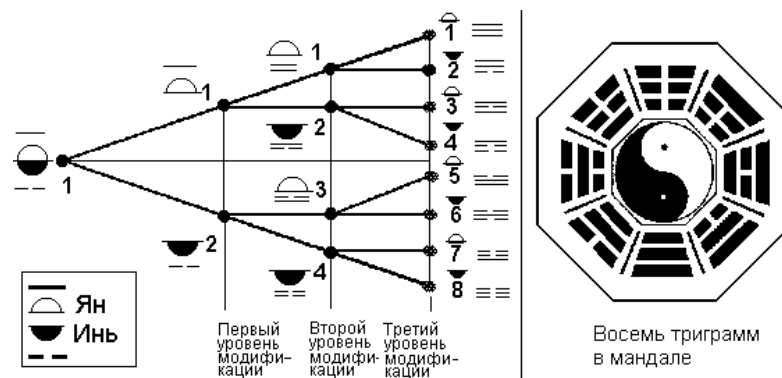

Рис. 82.

Восемь триграмм в мандале, как легко убедиться, образуются как комбинаторный перебор *всех вариантов* на трех уровнях модификации. Это — очень важный момент, потому что и сам прием **трех уровней модификации** имеет содержательное наполнение. Это, как минимум, все те значения, которые мы выстраивали при связывании основных иерархических и циклических троек. В философском ракурсе это — “общее — особенное — единичное”, а в системном — “надсистема — система — подсистема”.

Возникает набор модусов с некими парными контркачествами, повторенными на трех уровнях иерархии. Причем те предельные значения, которые содержатся в китайской мандале, не существуют в чистом виде в европейском варианте философии (хотя частных проявлений — много). Смысл китайского приема “триграмм”, если возможно вообще их соотнести, как минимум, состоит в трех шагах европейской логики парных модификаций.

Тот факт, что перед нами — глубинный мировоззренческий инвариант, позволяет надеяться, что мы получим дополнительные возможности в трактовке свойств имеющихся схем на основе восьмерки. Это уже **инвариантный ракурс суперпозиционирования**,

скажем, очень важная “дельта плюс” самого нашего метода. Прежде всего она позволяет нам *переносить свойства, если инвариант структурно един* (а вот это уже требует доказательств, это — отдельная аналитическая работа, не терпящая дилетантизма).

Отметим особенность, подмеченную Кобзевым [111]: восьмерка в китайской нумерологии связана с *пространством*, это — куб двойки, первого земного числа (со *временем* связано число двенадцать). А из геометрических фигур с пространством связан *квадрат*, и земное (со временем — круг, и небесное). В основе и восьми, и двенадцати — **инвариант квадрата, четыре типа**. Но в восьмерке квадрат удвоен (земной двойкой), а в двенадцати — утроен (небесной тройкой). Этот набор символических значений не расходится и с евротрадицией, где “роза ветров” с восемью лучами обозначает земное пространство. Таким образом, типология на основе восьмиугольника (куб двойки) есть три измерения пространства, находящихся в этом кубе.

Здесь следует уточнить содержание применяемого нами понятия “инвариант”. В Европе **понятие закона** выработано на границе Нового времени, а в Китае уже в XI веке неоконфуцианцы использовали **универсальный моделирующий принцип** “ли”, единый и в то же время присущий каждой вещи [111, 28]. Именно это понимание ближе к графико-числовому инварианту, который является наиболее важной частью, ядром нашей системы типов отображения. Нумерология китайского образца — “особая теория символизационных пространственно-числовых структур” (учение о символах и числах) — во многом схожа с пифагорейско-платонической *аритмологией* или, в терминах А.Ф. Лосева, *структурологией*. Для структурологии центральными являются категории Символа (образа) и Числа [139, 10].

“Звезда деятельности” как восьмерка родов деятельности

Восьмиконечная “звезда” может быть в качестве матрицы применена для выделения восьми родов деятельности [81]. Подчеркнем: *не типов, а родов*, потому что это не первый, а второй уровень модификации:

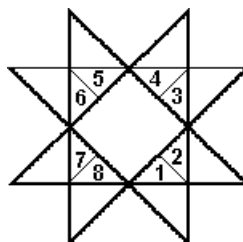

Рис. 83.

Цифрами обозначены:

- 1 — физкультурная деятельность;
- 2 — медицинская деятельность;
- 3 — эстетическая деятельность;
- 4 — научная деятельность;
- 5 — педагогическая деятельность;
- 6 — управленческая деятельность;
- 7 — производственная деятельность;
- 8 — экологическая деятельность.

Четыре кагановских (или наших, расширенных) типа деятельности находятся здесь внутри пустого центрального квадрата. Эту, переходную от четырех к восьми, схему мы уже приводили и не используем далее, чтобы не загромождать и без того не простое суммарное построение.

Теперь скажем о существовании родовых деятельностей, сначала — вкратце, потому что далее им будет посвящен весь второй раздел.

Суть собственно человека — **в производстве ментальных моделей**, это может делать только он. Высшая предназначенность человека — творить в науке и искусстве. Все остальное есть лишь необходимое, которым мы обеспечиваем главное назначение. Разумеется, в истории — все наоборот: самыми почетными, с точки зрения социума, всегда были управленцы (фараоны,

короли, цари, императоры и все им подобные, рангами пониже) и “денежные мешки”. Однако продвижение человечества вперед обеспечивали и обеспечивают люди из сферы духовного производства.

В преобразовании данной схемы в полный вид насчитывается несколько шагов. В целом мы идем по пути *утроения* общей схемы. В геометрическом плане это происходит так же красиво, как при изготовлении популярных сегодня восточных бумажных игрушек. Из одного пояса треугольников (морфология) мы получаем “вывернутую изнутри” восьмиугольную звезду.

Введем третий круг и развернем его функционально-информационно:

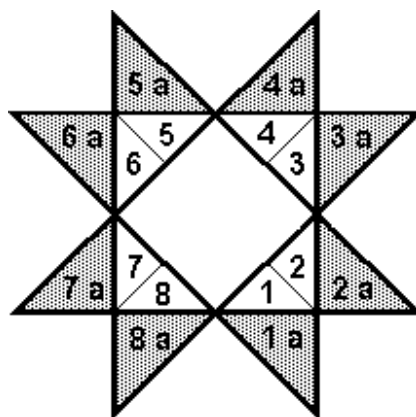

Рис. 84.

Где:

1 — тело; 1а — генос, порождающий это тело, и его надстройки (органы чувств и мозг), потенциальная функция геноса;

2 — органы чувств; 2а — чувственные, “родовые”, эталоны человека (первая сигнальная система и ее функции);

3 — правое полушарие мозга; 3а — собственные эталоны и алгоритмы деятельности (вторая сигнальная система и ее функции); операциональная подсистема (2а+3а) человека; уровень собственных программ человека;

4 — левое полушарие мозга; 4а — знаниевая подсистема человека и ее потенциальные функции;

5 — ЭВМ, “думающие” машины; 5а — базы данных ЭВМ; знания общества и их потенциальные функции;

6 — *отсутствие технического объекта* (типа ЭВМ); 6а — алгоритмы и нормы деятельности, программы ЭВМ (типа 5) и их функции; здесь же — уровень программ общества;

7 — приборы и приборные комплексы; 7а — планы деятельности, функция плана — последовательность шагов по реализации целей деятельности во времени;

8 — энергетическая и механическая техника, ее комплексы; 8а — конструкторская документация как “генос”, из которого возникает техника, его потенциальная функция.

Мы проделали следующее: описали вокруг центрального понятия “деятельность” несколько сфер, что в совокупности соответствует определению “*среда деятельности*” [81]. В свою очередь среда, освоенная деятельностью, охватывается сферой “*мира*” — познанной нами части универсума и, наконец, самим *универсумом*. Это — три уровня вложенности.

Если мы обратимся к наиболее общему пониманию вертикалей, горизонталей и наклонных, то перед нами предстанут прежде всего разные *пересекающиеся оси*, на которых мы расположили наши противоречия. Например, обе пары Н.И. Крюковского расположены на горизонтальной оси — ее мы можем идентифицировать с *осью текущего времени* (экзистенции). А вот соединение Человека и Общества сущностно: оно носит всеобщий, *онтологический характер*. Перед нами — два отдельных **акта наложения слайдов**, или, по нашей терминологии, “**суперпозиционирования**” ($1+2=3$; $2+3=5$):

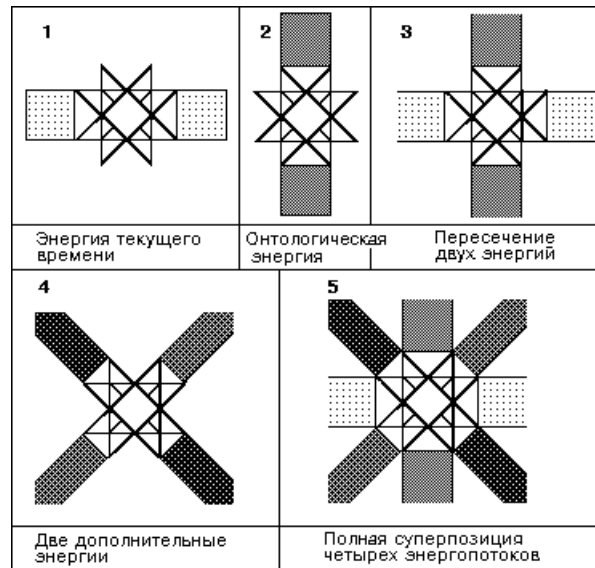

Рис. 85.

Оси, представленные как “энергопотоки”, содержат пары, фиксирующие начальное и конечное. Здесь же присутствует дополнительный крест, повернутый на 45 градусов. Весь этот набор приемов мы уже использовали ранее, дополнив его вложенными уровнями.

Трактовок такой схемы может быть очень много, ведь мы перешли на довольно высокий уровень абстрактности. На суммирующем экране предстает *одно изображение*, а под ним, как минимум, в четыре слоя — “кальки”, или “слайды”. Каждая модель, и суммарная тоже, может быть рассмотрена, исходя из установленных ранее подходов:

- это *разные виды энергии*;
- это *совокупность таксонов*;
- это *морфологическая конструкция целого*;
- это *набор связанных функций*;
- это *набор разновидностей информации, обеспечивающей* исполнение той или иной функции.

И многое другое.

Наша схема симметрична относительно вертикальной оси, потому что человек, с его подсистемами, морфологией и функциями, относительно изоморфно отображен в обществе. Биологическое и живое продублировало себя в абиотическом неживом: генос человека — в геносе техники, программы человека — в программах деятельности и техники, знания человека — в знаниях общества.

Наша схема относительно изоморфна и по отношению к горизонтальной оси, но эти отображения связаны с иерархией. Первая иерархия для данной схемы — “информация — энергия — вещество”, а также любая другая иерархическая тройка (“надсистема — система — подсистемы”, “будущее — настоящее — прошлое”):

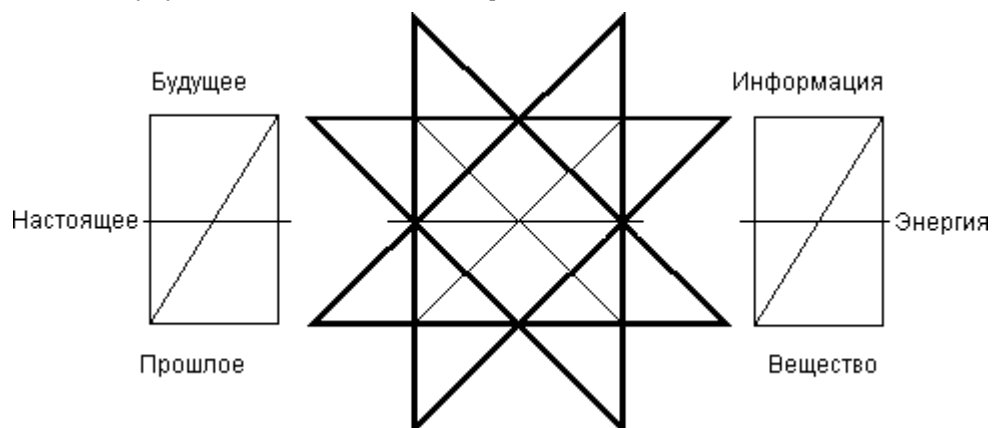

Рис. 86.

Например, мы не раз отмечали, что *генос* и *знания* обладают не актуальными функциями, а лишь потенциальными. В этом смысле они отображены симметрично относительно горизонтальной оси. Но знания есть нечто потенциальное *из будущего* (для будущего), а генос — потенциальное *из прошлого*: это — две программы наследования. То, что они связаны с надсистемой и подсистемой, прекрасно описано у А.И. Субетто [197], который так же выделяет их в любых системах. Наш пример из системы деятельности подтверждает это.

Смысл числа и речи достаточно проясняется в связи с раскрытием "трех миров": Мир Логоса (идей) — вверху, и он связан с будущим; Мир Вещей — внизу, и он связан с прошлым (он и есть прошлое); между ними располагается энергия, *деятельность*, жизнь — настоящее.

Смысл звезды деятельности в целом заключается в том, что это — универсальный экран, на котором вложенным образом представлены уровни: **вещество — энергия — информация** (морфология — функция — информация).

Отметим в завершение, что значимыми здесь являются все оси, в том числе диагональные, в принципе, мы это уже продемонстрировали, исследуя генезис человека общественного. Но и это лишь незначительная часть возможностей, содержащихся в многослойной и многоуровневой "звезде деятельности". Многое из ее трактовок содержится в наших прочих книгах, пересказывать которые мы здесь не станем.

Модель деятельностного универсума

Обращение к *деятельностному полю* необычайно важно при любых попытках построить историю общества. Социум в каждом его аспекте, а мы рассматриваем их достаточно много, в конечном итоге будет отражаться в своем динамическом ядре, в деятельности, — вот почему вопрос с самим определением и модификациями деятельности столь важен в данном случае. Мы подойдем к этому постепенно. А пока вспомним, что исходными и здесь у нас были **три типа (труд, общение, познание)**, из которых выросли **четыре** кагановских вида деятельности и которые путем удвоения у Л.А. Зеленова превратились в **восемь** родов (типы — виды — роды).

Приведем еще одну нашу итоговую схему, содержащую ту же восьмерку в 4-х типах.

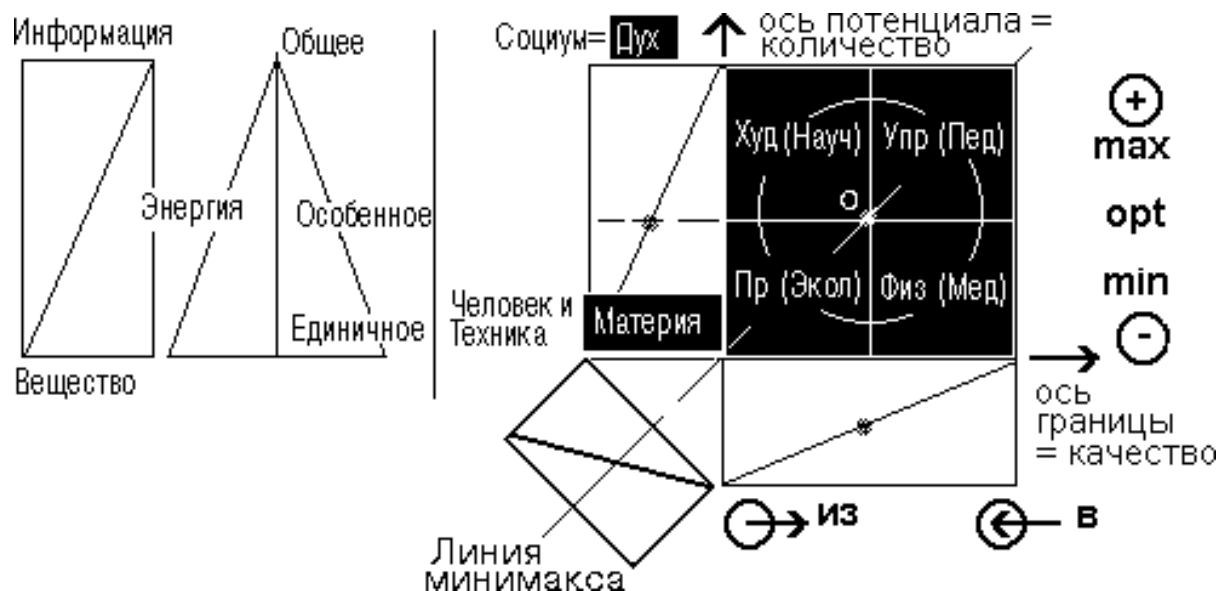

Рис. 87.

Начнем снова с того, что четыре типа деятельностей в своем инварианте идентичны всякой иной типологической четверке. Образование *четырёх типов* происходит по принципу двойного удвоения: сначала мы рассматриваем единое (деятельность), затем две ее стороны в мере (количественную и качественную, первое раздвоение). После этого раздваивается и

количество = энергия (положительный и отрицательный потенциал = информация и вещество = социум и человек = общее и единичное), и качество (через категорию границы: *изнутри — наружу, снаружи — внутрь*). Эта всеобщая схема (в случае с деятельностью) и показана на схеме.

Ось, обозначенная как "линия минимакса", имеет свойства *настоящего или текущего времени*, поэтому на ней расположены актуальные, действующие в настоящем времени **производственно-экологическая** и **управленчески-педагогическая** деятельности. Остальные деятельности потенциальны: отражательная (*духовная*) деятельность — **художественно-научная** — обращена в будущее (на то, чего нет, ибо она модельная), а субстратная деятельность — **физкультурно-медицинская** — обращена в прошлое, на *материю* самого общества (на ставшее, на его *субстрат*).

Мы получили **два вида потенциальности** и **два вида актуальности**, обладающих к тому же дополнительностью по принципу "извне — внутрь и изнутри — наружу".

Есть одно замечание по поводу данной типологической четверки, представляющей собой упрощенную до типов восьмерку родовых деятельностей: *материя общества* на этой схеме типов деятельности представлена неполно, потому что кроме **биосубстрата** в обществе есть и **абисубстрат** (техника). Если художественно-научную и управленчески-педагогическую деятельности человек *вроде бы* способен осуществлять и без техники (хотя это и не так), то в производственно-экологической — изначально действуют человеко-технические системы, постепенно проникающие во все разновидности деятельности. В предыдущих схемах эта *разорванность, дуальность*, субстрата общества отчетливо прослеживается.

Но это значит, что мы в типах деятельности не учитываем особую деятельность по развитию (изменению и сохранению) *технического субстрата* общества. Она тоже должна быть отнесена к деятельности потенциальной, деятельности, ориентированной на *прошлое*. По аналогии с физкультурно-медицинской (изменение и сохранение биосубстрата) деятельностью ее следует развести на две: на **деятельность по изменению техносубстрата общества** и на **деятельность по сохранению (ремонту, поддержанию в рабочем состоянии) техносубстрата общества**. Но тогда этот специфический набор деятельностей мы должны изъять из производственной деятельности, что, кстати, и естественно: дополнительной к *производственной* является *экологическая* деятельность, деятельность *по сохранению* равновесия природного субстрата, а значит, производственную мы должны трактовать как деятельность *по изменению* того же, природного, субстрата. На нашей схеме производственно-экологическая деятельность находится *в текущем времени*, а изготовление, изменение и ремонт техники (так же, как изготовление, совершенствование и ремонт человеческого биосубстрата) — за его пределами, и это так на самом деле.

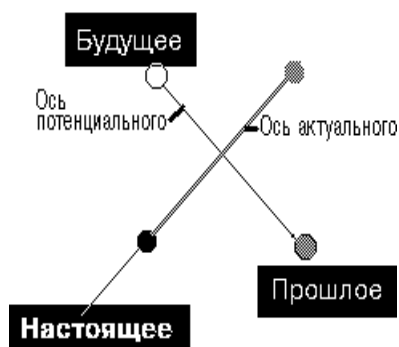

Рис. 88.

В нулевой точке пересечения двух осей и на схеме типов деятельности располагается "**деятельность вообще**"; причем это не абстракция, а очень емкое понятие, стягивающее на себя множество связей. В текущем времени она обеспечивается самыми главными для социума — управленческой и производственной — деятельностями (они восполняются педагогическим производством, производством *социосубстрата человека* + воспроизводством субстрата природы в форме экологической деятельности). Из прошлого эта пара должна *уже быть*

обеспечена здоровым биосубстратом (физкультурно-медицинская деятельность) и вторым субстратом — техническими системами, социальным субстратом для которых являются *программы их деятельности* (а основой появления программ для технических систем являются “деятельность отражения” и проектирование). Эта деятельность вообще в генетическом плане может быть трактована как синкретическая прадеятельность, породившая весь деятельностный универсум. Генетические модели мы рассматриваем ниже.

Отражательная и **продеятельность** обеспечивают нашу *деятельность вообще* из будущего. Следующей в этой связке идет **педагогическая деятельность**, создающая в качестве продукта *готовность к деятельности*, социальность человека. Она тоже не входит в число действующих, она *находится за актуальными деятельностями* (управление + производство), обеспечивая их. И, наконец, субстратная деятельность трех типов (направленная на субстрат природы, субстрат техники, биосубстрат человека) обеспечивает деятельность *из прошлого*. По поводу педагогики возникает интересный вопрос: какой модус времени ей приписать? Обнаруживается ее двойственность: с одной стороны, педагогика передает прошлый опыт, но, с другой стороны, воспроизводя социальный субстрат, она тоже “проектирует” будущее: какими будут заданы модели в педагогике, такое будущее и получит общество. Резонно предположить, что проективные свойства приобретены этой деятельностью недавно, а *свойство проективности* видоизменяется в истории.

Из сказанного следует еще одна очень важная мысль: эстетическая деятельность есть не только специальное поле искусства, где поддерживается целостность, но и универсальная *проектная деятельность*, содержащая эту целостность. Дважды отражая мир (в науке и искусстве), мы должны придать качество проективности полученным моделям. Набор **продеятельностей** есть особая форма деятельностей, обращенная на *текущую во времени* деятельность. **Продеятельности** поставляют модели из будущего, адаптированные к потребностям настоящего времени, к потребностям деятельности модели, они иные, если сравнить их с научными. Причем они замыкаются с потенциальными деятельностями, расположенными *в прошлом*, — техносубстратной и биосубстратной деятельностями. И такое “замыкание” (суть НТР) очень важно.

Две эти новые деятельности (**продеятельность** и техно-субстратная деятельность) не желают помещаться на плоскости четырех типов деятельности, образуя собственную ось, перпендикулярную типологической плоскости:

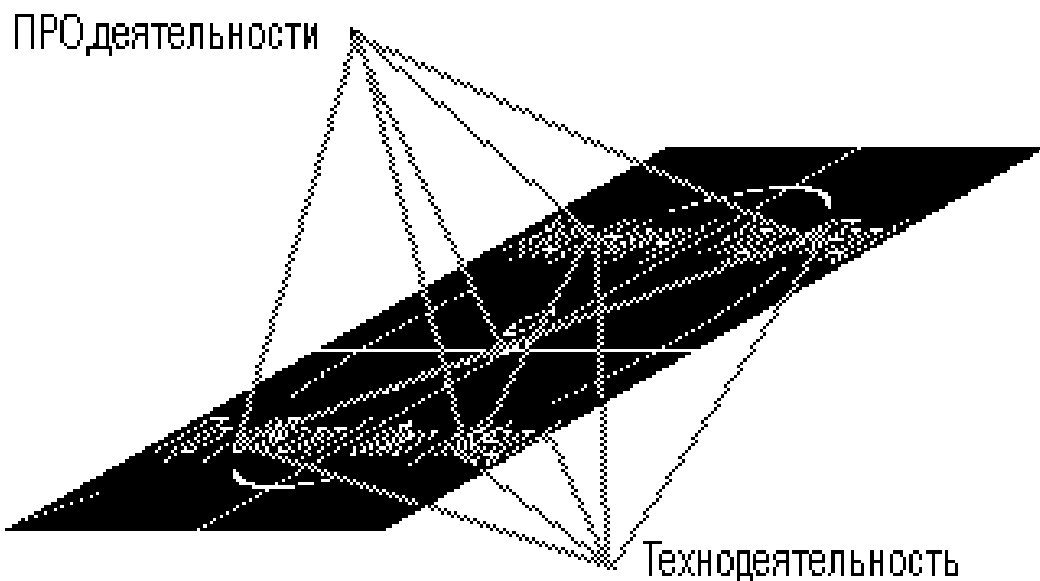

Рис. 89.

Прием построения одной пирамиды на основе деятельностной четверки М.С. Кагана применил в свое время Л.А. Безмоздин [14]. Но Безмоздин говорил исключительно о

художественно-конструктивной деятельности (по сути, проектной), в то время как мы различаем целые четыре основные **проедательности** (или **футуродейтельности**) плюс пятую — технопроектирование. Связка **проедательности** с восемью ранее выделенными *родами* дает такие специальные формы, как:

пронаучная — **про**гнозирование;

проэстетическая — **про**рочества, **про**рекания, утопии (синкретические **про**отражения) и дизайн;

с **про**изводством связаны **про**ектирование и **про**жектирование;

проэкология — **про**екты воспроизводства природы и **про**гнозы ее развития;

профизкультура — **про**екты производства человека в его биопсихической полноте;

промедицина — **про**филактика и т.п.;

программирование и планирование — функции *управления*, различающиеся по степени общности и вынесенные в будущее;

пропедагогика — **про**екты "образовательного общества".

В нашей **футуродейтельности** как *развивающейся* можно выделить деятельность по *изменению* системы футуродейтельности и по ее *сохранению*.

То же мы говорим и о технической **постдейтельности**. Она является зеркальным отображением футуродейтельности, поэтому сюда никак нельзя включить *неизменный биосубстрат* человека. С человеком пока невозможно проделать те же преобразования, что с веществом природы; кроме того, человек до сих пор совершенно не познан для того, чтобы мы могли что-то в нем преобразовать (в его биосубстрате). С живым веществом более простого типа (флора и фауна) мы выполняем некоторые операции по селекции, но даже это живое мы с трудом можем включить в нашу "вторую природу". Ничего основательного пока *спроектировать* здесь не удалось, не говоря уже о человеке. Поэтому мы проектируем пока лишь социальность человека и реализуем это в педагогической и управленческой деятельности. Данная операция только-только осваивается человечеством (управленческое проектирование, идеологическое проектирование, педагогическое проектирование и т.д.).

Из всех *наличных субстратов* только абисубстрат и субстрат культуры подвержены нашим преобразованиям. Это, кстати, говорит о том, что у человечества остается, как минимум, два резервных направления для *технического* (в греческом смысле) освоения мира дальше: биотехника и антропобиотехника. А пока мы имеем дело с абιο- или, условно говоря, "некротехникой", ведь мы привыкли считать абιοмир мертвым, хотя сейчас происходит осознание, что и он не так уж однозначен.

Техническая *постдейтельность* связана прежде всего с футуродейностями, а также — со всей четверкой типов на плоскости. Есть *техника для* науки и эстетических видов деятельности, есть техника для управления и техника для педагогики, есть известная техника для материального производства и техника для нужд экологии; активно развиваются: техника для физкультуры и технический мир медицины.

Это — ракурс "техника для", а есть *еще и морфолого-функциональный ракурс*, отраженный непосредственно на плоскости типов: техника компенсирует *три вида ограниченности человека*: информационная техника — *ум* в его рациональной форме, приборы — органы *чувств*, вещественная и энерготехника — *тело*, энергетические и двигательные системы человека.

Перед нами — еще одна тройка "вещество — энергия — информация", в которой *информация есть будущее* (футуродейтельности), *вещество есть прошлое* (постдейтельности), а *энергия, настоящее*, есть наши деятельности на типологической плоскости, то есть *деятельность* по определению есть настоящее. Но мы буквально только что говорили, что и на типологической плоскости есть деятельность отражения с некой *футурофункцией* и субстратно-человеческая деятельность — с *постфункцией*. Это отличие отражения от проектирования и технодеятельности от субстратно-человеческой деятельности позволяет выстроить иную схему приоритетов, иную плоскость: **проектирование — управление — производство — технодеятельность**.

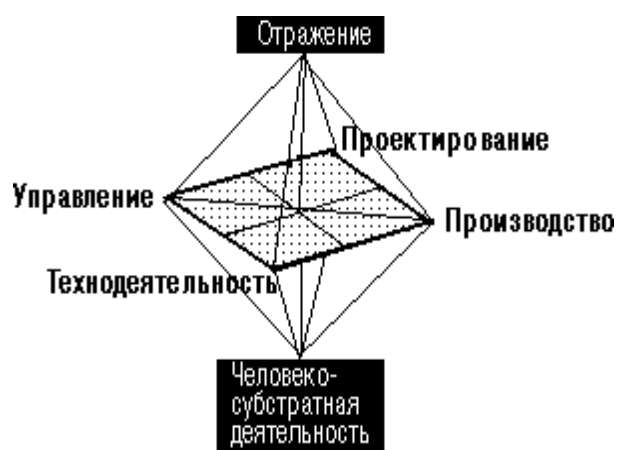

Рис. 90.

Вторая плоскость сечения (**проектирование — отражение — субстрат техники — биосубстрат**) в этой, двойной, пирамиде деятельности приводит к вопросу: в чем отличие “проектирования” от “отражения”? Понятно, что в активности: проектирование *творит* будущее, это — разновидность будущетворения. Мы получаем в этом срезе странное *внеактуальное* деятельностное образование, выступающее в качестве потенциальности для текущей деятельности.

Проектирование является своеобразной противоположностью технодеятельности (как отражение субстратной, человеческой). Возникает вопрос, склоняющий к утверждению: не является ли проектирование формой, способом “отражения” техники? Возражением может быть лишь тот факт, что проектирует пока человек. Однако *самопроектирующаяся техника* не за горами. А технодеятельность почти наполовину (а может, и больше) уже находится в руках техники.

Когда мы ведем речь о “проектировании”, то имеем в виду не всякое **будущетворение**, а деятельностное, ориентированное на актуализацию. Но если это так, то сюда же должна относиться и *магия*. А вещественность (тело) магического мира — невидимое (хотя, может быть, и видимое, однако мы не понимаем, что видим). Но это так, к слову, хотя для искусства *проективная функция магии* имеет очень важное значение. Именно этим, таинственным, синкретическая магия отличалась от науки, именно поэтому магия так переплелась с искусством.

Разведем по трем ортогональным осям складывающийся универсум деятельности (эта схема в своей инвариантной модели очень похожа на трехмерные модели цвета). Вот две из них:

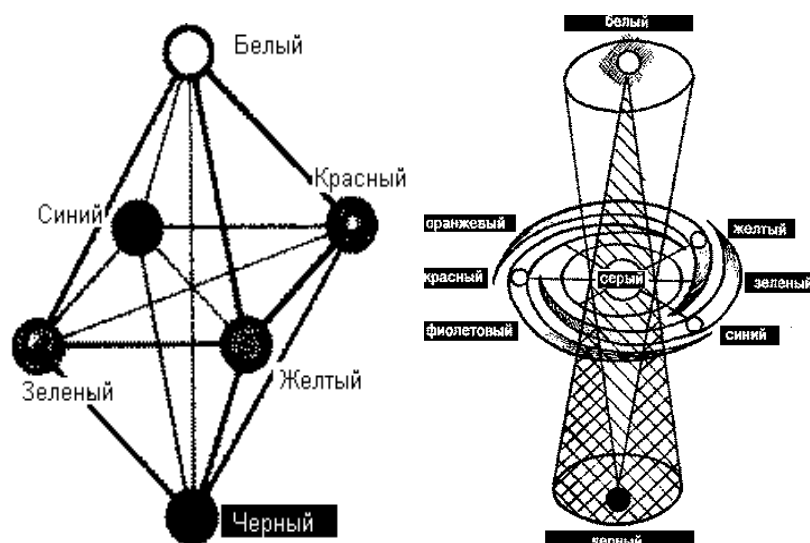

Рис. 91.

Каждая ось на схеме деятельностных типов у нас имеет идеальную (*информационную*) и материальную (*вещественную*) стороны, а пересекаются они в *энергетической* середине, где и представлены в разнообразии. Это интересно соотносится с цветом (разнообразие, спектр энергетике) в середине, с идеальностью белого и с материальностью черного в культуре. Следовательно, схемы обладают некоей структурной инвариантностью.

Вернемся к деятельности. Во-первых, у нас есть **деятельностная ось** (“управление — производство”). Во-вторых, есть **онтологическая ось**, включающая на одном полюсе отражение, а на другом — отражающий биосубстрат человека. Третья ось содержит в идеальной части проектирование, а в материальной — техносубстрат. Вспомним, что всякая *информация есть будущее*, всякая *материя есть прошлое*, а *энергия* (деятельность) в середине — *настоящее*. Выстраивается новая последовательность.

В **идеальном мире** у нас обнаруживаются три вида деятельности: **деятельности отражения** (научная и эстетическая деятельности), **деятельности проектирования** (рациональное и художественное проектирование = дизайн), **деятельности управления** (управленческая и педагогическая деятельности).

В **материальной сфере** — три производства: **деятельности по производству людей** (физкультурная и медицинская деятельности); **деятельности по производству вещей** (производственная и экологическая деятельности); **деятельности по производству техники** (совершенствование техники и её поддержание в рабочем состоянии).

Относительно полноты набора модусов можно сказать, что здесь есть варианты, исходящие из исследовательской задачи. Мы уже говорили о существовании *проблемы генерального набора таких модусов* и в данном случае предлагаем свою версию.

В полном типологическом виде (аналогично схеме М.С. Кагана) мы получили **шесть неразвернутых типов деятельности**, выстроенных в объемную модель.

На уровне родов можно остановиться на **десяти типах** (8 родовых, по Зеленову, + проектная и техносубстратная) или выделить все **двенадцать полных видов деятельности**, разводимых при помощи пары “изменение — сохранение” из шести типов. Для практики вопрос типов, родов и видов деятельностного универсума нешуточный: что учтешь при проектировании, то и твое, что заложишь, то и получишь на выходе.

Перекрестный перенос внутри суперпозиционной схемы

Чтобы различать приемы, возникающие при использовании суперпозиционных схем, произведем последовательное выделение наиболее важных возможностей данного приема.

Мы рассматривали пока три чужие схемы (три исходных слайда): схему эстетического отношения Крюковского, схему деятельностных модусов Кагана — Зеленова и инварианты, связанные с четырьмя первостихиями. Ничего принципиально другого здесь не было, и все дополнительные сведения мы получили методом “перекрестного опыления” этих трех главных схем-слайдов. В итоге мы вышли на инвариант, на котором построены и мандала “порядок внутреннего мира”, и модель “звезда деятельности”.

Такой способ суперпозиционирования мы называем прямым, ведь никакого особого вскрытия структурного инварианта и его дополнительного анализа мы здесь не проводили. Зато вполне очевидно, что мы свободно переносили **свойства** с одной схемы на другую, а в сумме — на итоговую. Прием переноса свойств мы не демонстрировали для всех возможных вариантов, это не входит в нашу задачу в данном случае. Но понять, как это делается, в принципе, уже не составляет труда: происходит *перенос по осям*. Его можно обозначить в вариантах: горизонтальный осевой перенос, вертикальный осевой перенос, перенос по восходящей диагонали, перенос по нисходящей диагонали, послойный комплексный перенос.

Данный способ переноса мы называем “перекрестным опылением”. Здесь еще не в полную силу включается метод отдаленных аналогий и ассоциаций, хотя его работа видна: мало кому придет в голову поместить рядом и сопоставлять столь *разное*. Мы помещаем разные схемы рядом пока лишь на основе **геометрического сходства схем**. Идея может показаться странной, однако, прежде чем все это проделать с такой легкостью, мы годами подбирали ключи к этим схемам и анализировали их сущность, что, конечно, в данной работе осталось “за кадром” и представлено в других наших книгах и статьях.

Прямой перенос — очень эффективная методика. Научиться ей просто, то есть мы хотим сказать, что перед вами — готовая исследовательская и педагогическая *технология*. Единственное, что представляет опасность при прямом переносе на геометрически идентичных схемах, — это непрофессионализм, поверхностность (но это надо преодолевать всегда). Можно высказать уверенность, что данный метод способен замечательно быстро завоевать мир знания и способов оперирования им, но столь же часто, как победы, он может приносить и совершенно смешные сочетания несочетаемого. Пройдя волной по этому миру, он вскроет его "геометризованный тезаурус". Древние придавали большое значение символам, имевшим геометрические ключи (а значит, и свои законы, шифры, коды и так далее).

Если обратимся к исходным трем "слайдам", то обнаружим, что мы проделали здесь уже целый ряд *операций перекрестного переноса*:

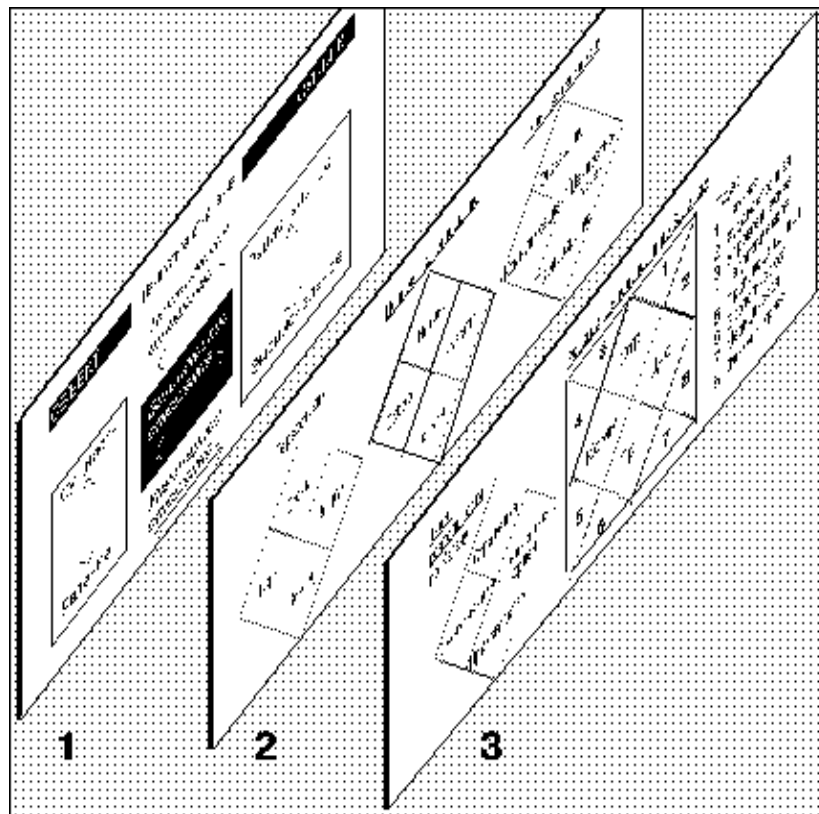

Рис. 92.

С первой схемы на обе другие мы перенесли идею "раздвоения и познания противоположных сторон" — *раздвоенного как дважды раздвоенного*. Со второй схемы мы перенесли идею существования не только горизонтального, но и вертикального *раздвоения раздвоенного* — так возникла *четверка*. С третьей схемы мы перенесли на все прочие идею *третьего раздвоения* — и тогда появились четыре оси и восемь противоречий. Вернувшись назад, мы говорим: все это присутствует и на первой, и на второй схемах, но неявным образом. Такой обратный ход мыслей ни из чего не вытекает, его можно назвать даже *интуитивным*, хотя на самом деле здесь прослеживается эффект принципа **герменевтического круга**.

Интересно отметить, что в итоге нашей суперпозиции, когда мы вышли на инвариант древнекитайской мандалы "порядок внутреннего мира", был сделан весьма значительный шаг вперед. Мы ввели такую плоскость рассмотрения, которой нет ни в одном первоисточнике, включая и древнекитайский.

Проделав многоступенчатый *дивергентный анализ*, усложняющийся по ярусам, мы произвели и обратный *конвергентный синтез*, в результате которого **приписали простому свойства более сложного**. Подобный ход можно изобразить двояко, на плоскости и в объеме, но суть одна:

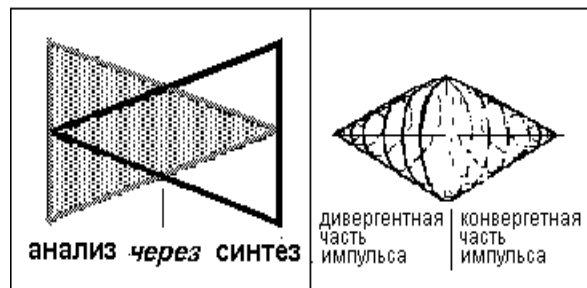

Рис. 93.

В результате мы получили простой геометрический инвариант, несущий на себе **пакет инвариантных смыслов**. Но для того, чтобы понять, каким образом возникает этот пакет, нам необходимо пройти по пути раскрытия совокупности законов системогенетики, которые служат основой для выделения спирально-периодического строения любой классификации (таксономической системы), в том числе и онтологической.

Когда мы говорим о множественности, иерархичности и вложенности миров, то привлекаем **закон спиральной фрактальности системного времени**: вся спираль системной эволюции имеет свойство повторяться в каждом акте порождения (в системном наследовании и в жизненном цикле системы) с "обратным сжатием" [197].

По отношению к рассмотренным трем вертикальным ярусам это означает, что *внешнее* вложено во *внутреннее*, всеобщая эволюция мира сохранена в единичном и в его эволюции (спираль *системофилогенеза* вкладывается во внутреннюю структуру спирали *системоонтогенеза*). Здесь, как в знаке Монады Дай Дзи, все противоположности вложены.

Далее мы неоднократно будем обращаться к описанному здесь принципу, обогащая его раз шаг за шагом все новыми и новыми приемами. Поскольку их очень много, они как бы растворены в книге, собирать их вместе значило бы написать просто другую книгу или, скорее, даже справочник.

Но одно замечание в плане последовательности изложения внести стоит. Когда мы будем переходить на более сложные (уровневые, альтитудные) образования, принцип суперпозиционирования в онтологической форме будет все так же сохраняться. Он является чем-то немного другим, чем толерантность и "**вложенность**" систем разного уровня друг в друга, хотя бы потому, что мы завязываем связи в наших вложенно-наложенных схемах иными способами. Суперпозиционирование открывает нам путь и к **мерогенезу** (о нем мы тоже не говорили), но тоже не сводится к нему.

Генетический аспект, содержащийся в звезде деятельности

Начнем со схемы трех систем, имеющих отношение к обществу:

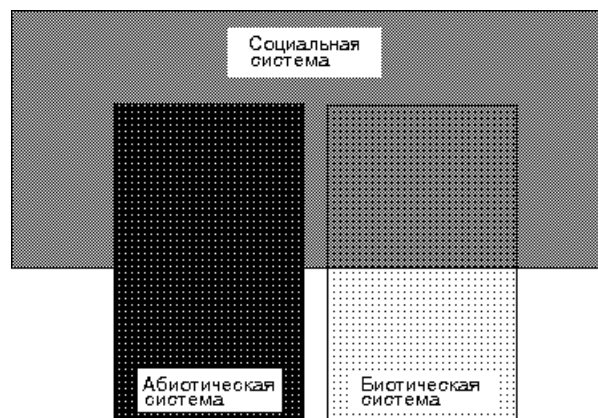

Рис. 94.

Социальные системы “паразитируют” на биооснове человека и при этом опираются на абиотические носители (технику). Общество как система устроено комбинированно-разорванным образом: *абиотическое*, общественная “вторая природа” и *биотическое* — человек.

Включив сюда еще и естественный мир, обнаружим, что он будет “зеркально отраженным” относительно человека.

На рисунках 94-95 использован не совсем традиционный тип “наложения слоев” — и он дает соответствующие, нетрадиционные, результаты. Мы провели *генетическое суперпозиционирование систем*, входящих в такое единство, как “общественная система”.

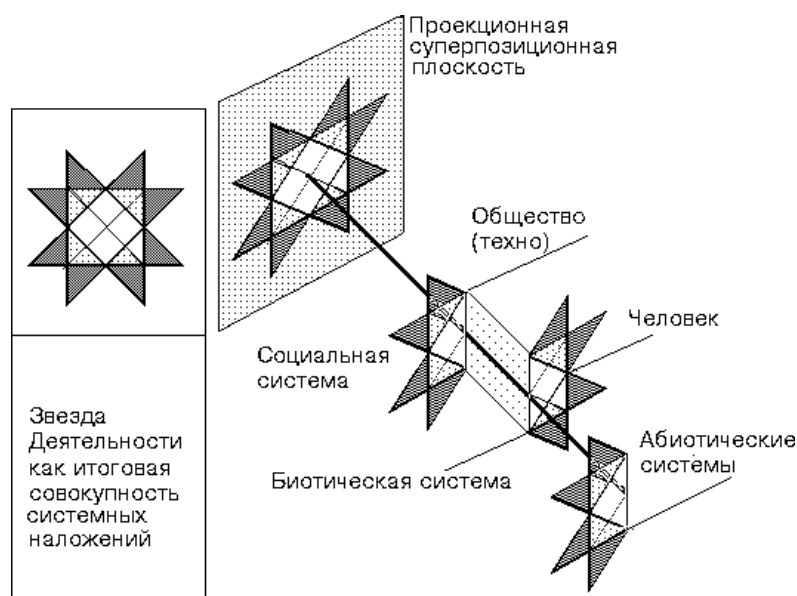

Рис. 95.

Слайды “звезды деятельности” складываются таким образом, что перед нами **исторически последовательно** предстают:

- абиотические системы;
- биотические системы, предваряющие человека;
- технические системы;
- социальные системы.

Они расположены на разных уровнях разных слоев, то есть пока не дифференцированы в пары внутри важных для нас слоев. Но их можно развести (что мы сделаем впоследствии) — и это даст нам широко известную генетическую последовательность в типах.

Вывод, к которому мы здесь пришли, несомненно, ценен сам по себе. “Общественная система” выступает как *невидимая конструкция* (механизм, конгломерат, организм или еще что-то), которая базируется (функционирует, живет и т.п.) одновременно как на абиотических системах (техника — особая и изменяющаяся телесность общества), так и на биотических (морфологически неизменные люди — особое суммарное “биотело” общества), — это формула “**технос + социос**”. Остальное принадлежит человеку (от геноса и выше) и природным системам.

Мы не придерживаемся неodarвинистских взглядов на общество и не сводим его по аналогии к “организму”, во всем подобному биологическому. На различие понятий “организм — механизм” и ряда сходных в свое время указывал еще Л.И. Мечников (“Школа борьбы в социологии”). Его выкладки и далее развитые из его теории геополитические концепции, показывают, что в устройстве и поведении общества есть лишь некоторые *элементы организмичности*, хотя и весьма специфической. Поэтому, говоря здесь об обществе как об организме, мы допускаем большую долю условности.

В духовном отношении (культура общества) этот особый организм есть нечто, произрастающее посредством людей как “**дельта плюс** системы”. Социум “ведет себя” в некоторых отношениях как организм (обладает “психикой”) и даже “мыслит” как некий организм (совокупный общественный интеллект), а конкретные люди и человеко-машинные системы (“*клетки*” этого организма) играют в нем не большую роль, чем клетки нашего организма

в нашей жизни. Эволюционирование тела техники здесь обеспечено при помощи идеальных накоплений, производимых в культуре людьми (смыкание Истины и Пользы). На эти две эволюции направлено само устройство западного общества. Что же касается человечества в целом, тут есть разнообразие вариантов общественного устройства, ведь не все типы развития общества детерминированы техносом [183].

Мы обратились к этой теме, чтобы проиллюстрировать сам принцип суперпозиционирования, и еще не раз обратимся впоследствии.

Генетическая проверка онтологических построений

Нам остается осветить еще один ход: он раскрывает весь генезис — и, таким образом, кроме онтологического суперпозиционирования в схему проникает второй важнейший принцип: *всякая онтологическая модель достоверна только тогда, когда ее можно проверить как генетическую последовательность*. Следовательно, принцип "онтологического" связывается в схематическом решении с "генетическим суперпозиционированием".

Если мы актуализируем генетический аспект восьмерки, нужно будет мысленно вернуться к той схеме, на которой мы развели во времени и пространстве Человека и мир Социума. При этом в генетическом плане мы обнаружим удивительную вещь: перед нами окажется не просто "звезда деятельности" (или древнекитайская мандала "порядок внутреннего мира"), а предстанут все шаги известного нам генезиса биологического и социального миров (а если "вторую природу" социального мира воспринимать как *некромир*, — то и более ранних, зеркально отображенных стадий генезиса мира). Пока мы не ввели подробно спиральную и дискретно-спиральную интерпретации, оставив их на плоскости. Но даже из формы разворачивания "лепестков" восьмерки во времени четко видно, что происходит развешивание этих лепестков по некоему пространственному витку цилиндрической спирали:

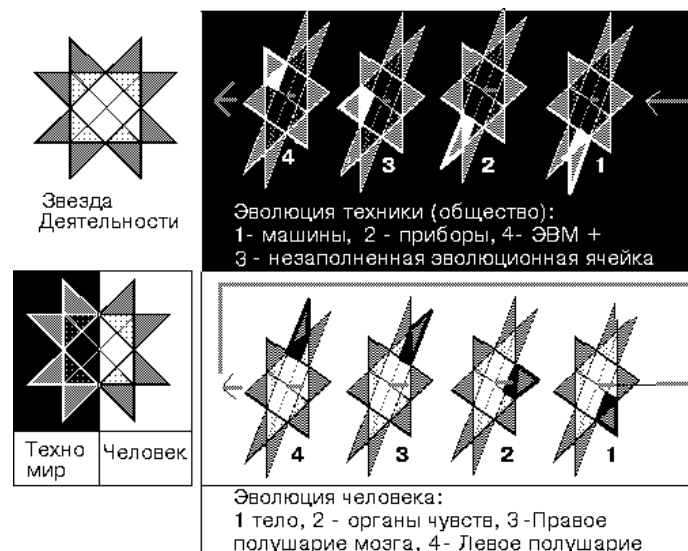

Рис. 95.

Если говорить кратко, сами системы, сходящиеся в человеке, возникают в процессе биологической эволюции и антропогенеза в последовательности: от простого (тело) — ко все более сложному (органы чувств — мозг). В момент, когда началась социализация человека, включился процесс "функциональной асимметризации" полушарий его мозга. Если мы посмотрим на технику (выступающую пока точным отображением и компенсатором недостаточности основных функций человека — телесной, чувственной и рациональной), то увидим там ту же эволюцию, в той же последовательности: от "вещественной" — через "энергетическую" — к "информационной" технике. У техноса пока нет единственного — асимметрии полушарий мозга. Нет машинных систем, идентичных по функциям и сложности "старому" полушарию мозга человека, и нет многослойной "эволюционной памяти".

Нам кажется, что тут есть и какая-то загадка, и даже некий эволюционный закон. Брошенная вперед, в авангард эволюции, левополушарная рациональность структурно проще, чем упакованная неизвестно каким количеством слоев предшествующих этапов эволюции правополушарная сверхсложность иррационального типа — ее действительный эволюционный резерв обнаруживается в моменты кризисов (архаика), когда включаются эти старые, проверенные эволюцией, программы. Таким образом, старое, предшествующее, содержит гораздо больший эволюционный резерв, чем новое. Это находит проявление в поведении человека: в моменты рационального кризиса он склоняется к так называемой “мистике”, на самом деле обращается к более устойчивой сверхсложности иррационального. То же находит проявление в динамике общественно развития, которой посвящена вся наша книга: эволюция “общественного сознания” (а точнее — всех уровней менталитета) направлена от рационального все к тому же, иррациональному. Может быть, в этом и состоит загадка странной, “рваной”, эволюции: вбрасывая новое, как щуп, далее она постепенно отступает к старым и уже испытанным эволюционным механизмам. Однако новое не исчезает, а апробируется и создает еще один потенциальный слой в пакете накоплений, в резерве эволюционной выживаемости общественной системы.

Мы обнаруживаем отражение подобного процесса и в языке: “добрые старые времена”, “новое — это хорошо забытое старое”, “дедовские способы надежнее новых будут” и т.д. Дальнейшие комментарии этого фундаментального положения представляются нам пока излишними.

Мы начали со сложного, хотя можно для иллюстрации применить “генетическую проверку” на самых что ни на есть простых схемах.

Проблема “первой деятельности” и эволюции модусов

Если мы вспомним древние *первозлементы*, то обнаружится, что четверка типов деятельности М.С. Кагана идентична им по инварианту. Сходство дает возможность задать ряд вопросов “по аналогии”.

Как в первом, так и во втором существует проблема порождения: какой “первозлемент” был изначальным, какой тип деятельности породил все прочие? Если идти от гипотетического начала генезиса деятельности в социозэволюции, то вполне можем найти общий инвариант, который и был закодирован в древнейшей четверке *первозлементов* (или, если иметь в виду энергетический аспект, *первостихий*). Схема “один порождает три” приводит нас к треугольной пирамиде, и в общем виде она инвариантна. Пирамида имеет два уровня — и это лишь начальная фаза генезиса типов, порождающая в сумме четверку.

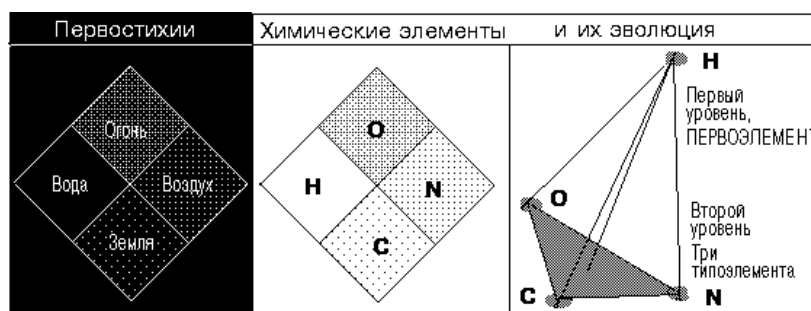

Рис. 96.

Есть такой известный психологический тест, когда из шести карандашей, не ломая и не скрещивая их, испытуемого просят собрать четыре треугольника. Перейти от плоскости к объему догадываются немногие. Предложенный здесь переход от четырех элементов к схеме “3+1” на самом деле во сто крат сложнее — это, во-первых, переход к *двум уровням организации системы модусов* (переход к иерархии уровней), во-вторых, *переход к генетической картине мира*, хотя это пока ни из чего не явствует.

С нашей точки зрения, **иерархическое и есть генетическое**, взятое с точки зрения *структуры*, то есть статической связанности компонентов. (Не путать: структурный взгляд

не сводится к генетическому, а вот иерархические модели организации структурности системы можно и нужно подвергать "генетической проверке".) Тогда треугольная пирамида, рассмотренная нами в данном примере, может предстать в то же время и как *генетическая последовательность модификаций* (где есть "первое" и "второе" по этапам генезиса).

Данному примеру можно придать характеристики — нужно точно определить, какого рода качества развиваются в новых линиях. Три основные линии в нашем случае заданы свойствами первостихий (хотя какая из них первая в генезисе, мы только предполагаем; у греков это первенство оспаривали все четыре). Напомним, первые древнегреческие философы считали основой всего существующего какое-либо единое *первоначало*, или *первовещество*: Фалес — воду, Анаксимандр — апейрон, т.е. беспредельную, неопределенную материю, Анаксимен — воздух. Они полагали, что все разнообразие явлений природы **порождается** первоначалами. Есть и обратное движение: уничтожаясь, явления и предметы возвращаются к своим первовеществам, "разрешаясь" в них. Поэтому, выделяя первое, мы можем опираться лишь на некий дополнительный признак. Например, в химической эволюции ничего проще водорода нет (ядро и электрон).

Если следовать аналогии, то можно заключить: **перводеятельность** — наиболее простая, даже в каком-то смысле самая примитивная из всех (по устройству), поэтому она и возникает в эволюции первой. Очень хороший аналог данного построения приведем из области теории цвета: соединенность двух первоначал в виде света и тьмы, которая становится основой для возникновения всего цветового разнообразия. В случае с деятельностью это — соединенность, порождающая синкретическую прадеятельность, началами которой выступают **продеятельность** и **технодеятельность** (футуродетельность и постдетельность, будущееобразование и материальное преобразование). Именно эта, центральная, перводеятельность способна разворачиваться в типы, роды, виды и т.д. Один из вариантов — разворачивание из единицы в тройку — отображает трехфазовое генетическое представление о модусах. В итоге применения формулы "из одного — три" (одна перводеятельность порождает три типа деятельности) получается суммарная четверка.

Интересно отметить следующее: для того, чтобы понять, что есть *четыре предельно больших типа* на плоской и прямоугольной матрице, нужно пройти по эволюции в обратном направлении, "снизу вверх", и в этом процессе свертки осознать "сжатие" качества в основных типах до некоторого мыслимого предела. Не исключено, что именно четверке *эволюционно первых деятельностей* такое сжатие качества присуще, — в этом случае они должны обладать рядом уникальных свойств. И если это так, то понятно, почему им придается большое значение, ведь их порождающая активность должна быть чрезвычайно великой.

Модель треугольной пирамиды имеет предельно общий и симметричный вид, а между тем она должна моделировать генезис, который всегда неравномерен. Для этого нам нужно перейти к *конической модели*, которая в данном случае отображает дивергентное разворачивание системы типов деятельности. Тогда появление трех наших качеств должно быть обусловлено еще и фазами на конусе. Мы приняли данное условие: этих фаз в цикле — три.

Сделаем мысленно второй шаг в социоэволюции и введем **третий уровень генезиса**. Идея трехуровневого иерархического суперпозиционирования делает простое и очевидное решение (модель треугольной пирамиды или конуса с тремя фазами) достаточно сложным для восприятия.

Попробуем для целей более простого отображения проделать с тройкой операцию *суперпозиционирования на трех уровнях* чисто геометрически. С треугольниками это уже легко себе представить, ибо в совокупности мы получим известное нам изображение *модуля тетрактиса* как сетку, — это треугольные "миллиметровки". Три треугольника и одна точка в центре дают нам **десятку модусов**. Еще раз осветим весь ход: единое разворачивается в тройку модусов первого уровня, а эта тройка — в модусы второго уровня (3x3). Поскольку в модусах второго уровня снято качество модусов первого уровня, то общая схема такова: "один порождает девять".

Тетрактис и Декада Пифагора, число 10, были центральными элементами его философии. Декада *совершенствует все числа* и объемлет в своей природе четное и нечетное, подвижное (динамическое) и неподвижное (статическое). Знаком Декады был тетрактис — те же самые десять точек, вписанные в треугольную структуру. Вот как выглядел **меньший тетрактис**:

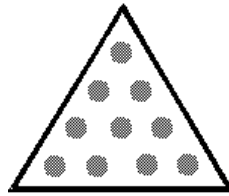

Рис. 97.

Этот знак был символом огромной важности: острому уму он открывал тайны природы. Нетрудно понять, почему: здесь с любого угла открывается ряд точек в числах 1, 2, 3, 4. Они объединены триединством, треугольником как формой, а все вещи, по Пифагору, состоят из трех. Но гораздо важнее, что это одновременно и *изображение мирового генезиса* — движение от 1 до 4, символические стадии творения. И это не что иное, как *плоский генетический ключ* схемы тетрактиса (из любого угла). Все в природе порождается через декаду, но это — Великая Тайна, которая объемлет все арифметические и гармонические пропорции. По Пифагору, все народы приходят к Декаде, а приход возвращает их к Монаде. Именно здесь срабатывает загадочное **свойство нуля**, стоящего в десятке рядом с монадой-единицей. Ноль, как мы говорили, переводит любое число на уровень выше. Это хорошо видно на счетах, которые возникли из греческой "абаки", с линеечками и камешками. Уровни на счетах вполне материальны, а "изобразить ноль" камешками не удастся, зато видны его *свойства перевода на уровень выше*, системные свойства.

Существует и второе изображение тетрактиса, в котором установлена геометрическая связь точек (хотя здесь не каждая точка связана с каждой). В этом варианте *десять точек* дают, например, девять треугольников, шесть из которых образуют скрытый объемный куб и Звезду Соломона, а при внимательном рассмотрении и еще целый букет связанных фигур (от трех-четырех до шести и более). В нем присутствует также несколько типов симметрии одновременно:

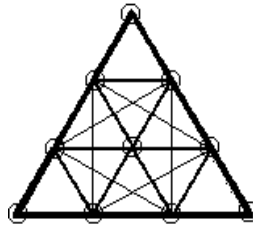

Рис. 98.

Теперь вернемся к объемному изображению. Тетрактис в представленном виде будет представлять из себя нижнюю проекцию более сложного, объемного, построения. Прделаем последнюю операцию двухуровневого генезиса и представим тетрактис в объемно-генетическом виде:

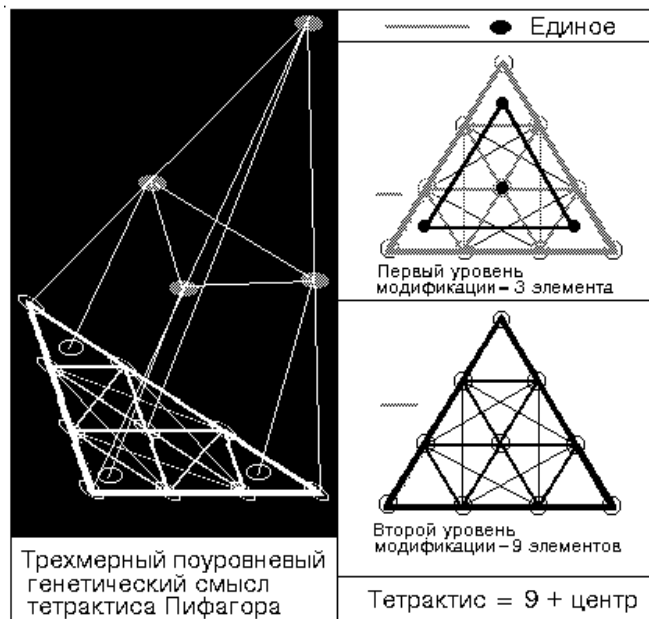

Рис. 99.

Если обратиться к нашему спиральному представлению, то можно наблюдать, как образуются все те же *два новых яруса из монады* и на каждом новом ярусе возникает “тройка” (три спирали). В цилиндрическом виде мы представляли их *фазами* (что и приводило нас к искомой “дискретной непрерывности” эволюционного ряда модусов) — здесь же мы получим *девять спиралей*, но уже **конических**, навитых на конус. Если посмотреть на конус точно сверху, по-китайски, то обнаружим так называемый “*венец спиралей*”. Венец спиралей предстает как **девять групп свойств**, описываемых сверху, то есть (в нашем понимании) довольно односторонним образом. Можно к этому добавить **фронтальную европейскую иерархию** — еще одну мерность, которую в простейшем виде представим “логическим деревом”.

Таким образом, речь идет о получении десяти модусов деятельности в генетической последовательности. До сих пор мы оперировали на наших схемах последовательностью логической, выводя типы, роды и виды деятельности в статическом пространстве.

На объемной генетической схеме тетрактиса *эволюция элементов, застывшая в структуре*, представляет собой три яруса (редукцией их является более простое представление о плоском “венце девяти спиралей”). Здесь **открывается еще и связь свойств элементов по иерархическим уровням** — следы генезиса, но это — отдельная тема.

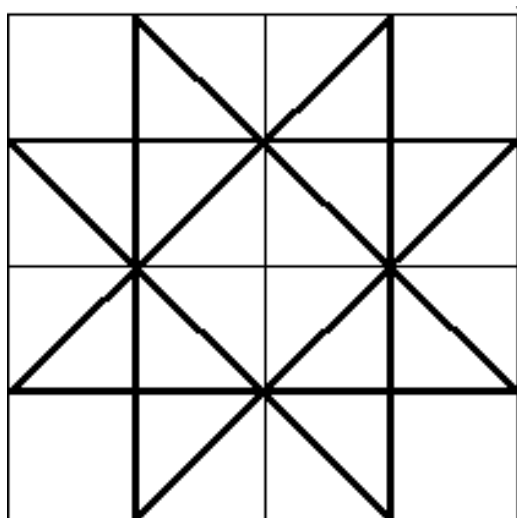
Заключение

Мы применили на суперпозиционных схемах два приема, о которых говорили в самом начале: соединили компонентный анализ со структурным (**онтоотображения**), а его — со спирально-генетическим. Причем ввели жесткий принцип взаимодозначного соответствия: все построенное в **онтоплоскости** должно проверяться и подтверждаться в генезисе.

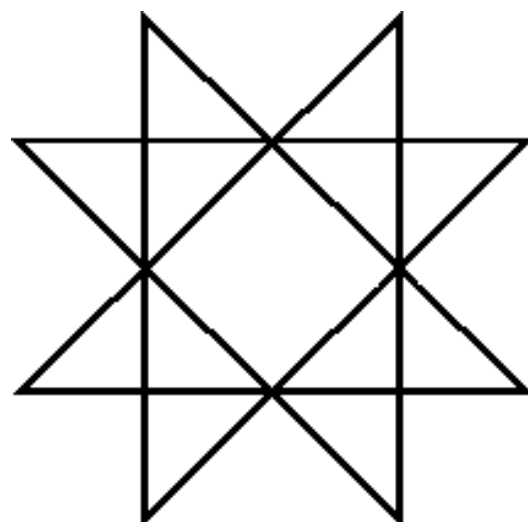
На этом наш разговор о методе не завершается. Мы пока не осветили такую его важную особенность, как **внутреннее дополнение инварианта до полноты в той же, онтологической, плоскости**. Это — тема, достаточно сложная для того, чтобы раскрыть ее сразу. Мы к ней будем подходить по частям, вводя для исследования то один, то другой, то третий ракурсы и лишь потом объединяя их на одном изображении. Если мы начнем это делать немедленно, то при общей принципиальной обедненности схем может возникнуть эффект излишне глубоких трактовок слишком простого изображения-символа.

Это очень напоминает по смыслу одну древнюю восточную притчу. Когда в пустынном месте встречаются двое мудрых, они рисуют знак, и тот, кто даст этому знаку большее количество трактовок, становится учителем, а второй — его учеником. Для евронауки это пока не слишком приемлемо, но нам позволяет проделать единый философско-системо-генетический подход, опирающийся на совокупность четырех (и даже пяти) описанных выше новых научных парадигм нашего века. Рассмотрев одно в пяти принципиально разных ракурсах (принцип парадигмальной полифокусности), мы получаем более-менее полное представление.

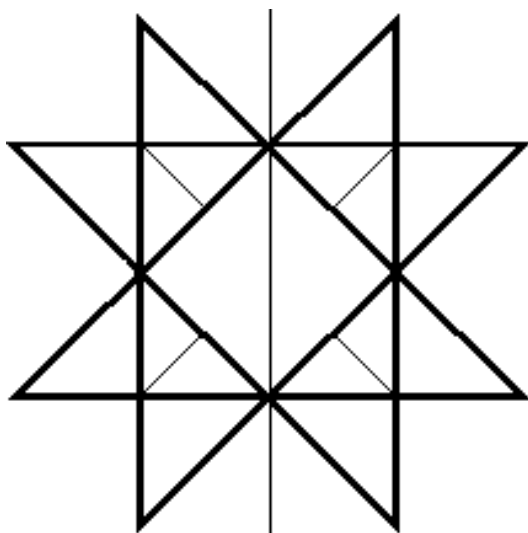
**Табл.1. ОСНОВНЫЕ СХЕМЫ С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ
ЗВЕЗДЫ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ**

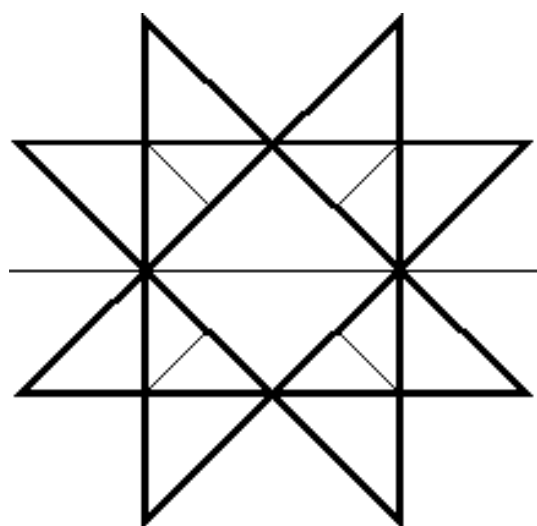
Сетка 4x4

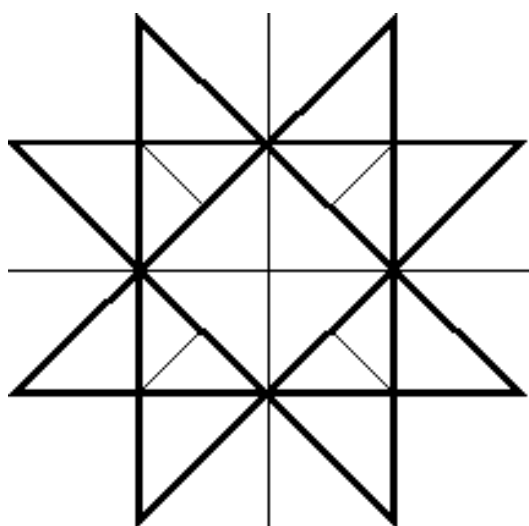
Основной вид каркаса звезды

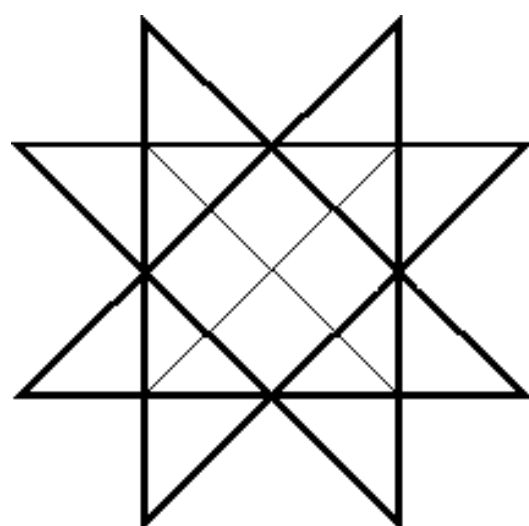
Вертикальная ось симметрии

Горизонтальная ось симметрии

Основной крест осей

Дополнительный крест осей по 45

Табл.2. ЭТАПЫ МОРФОЛОГИЧЕСКОЙ И ФУНКЦИОНАЛЬНОЙ ЭВОЛЮЦИИ ЧЕЛОВЕКА

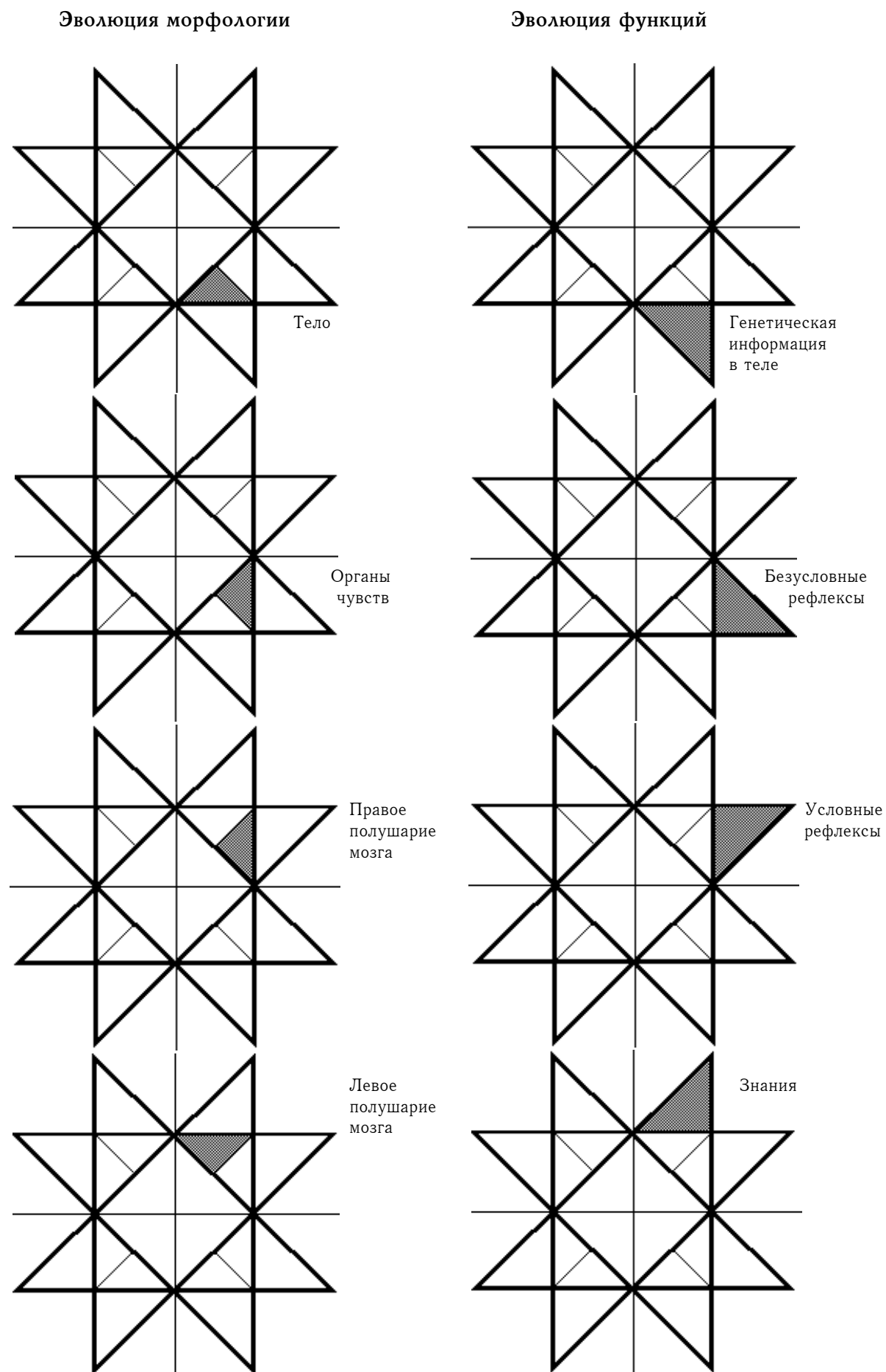

Табл. 3. ЭТАПЫ МОРФОЛОГИЧЕСКОЙ И ФУНКЦИОНАЛЬНОЙ ЭВОЛЮЦИИ ОБЩЕСТВА

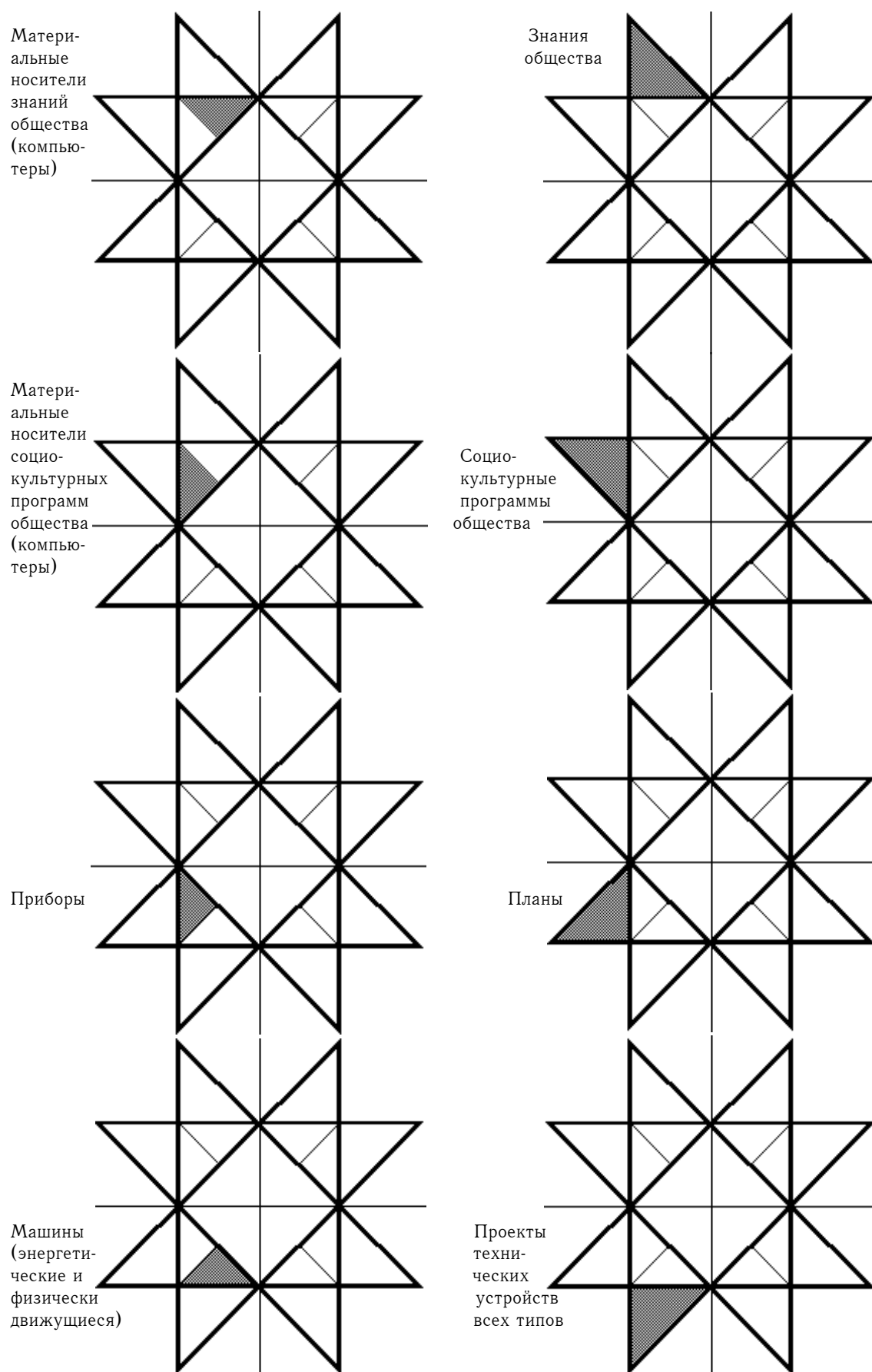
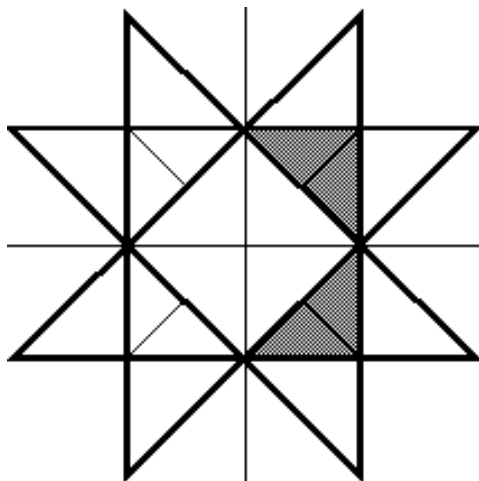

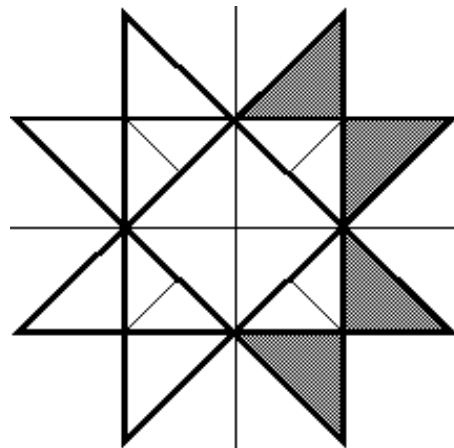
Табл 4. СОСТАВ МОРФОЛОГИЧЕСКОГО И ФУНКЦИОНАЛЬНОГО УСТРОЙСТВА ОБЩЕСТВА И ЧЕЛОВЕКА

Морфология (сома)

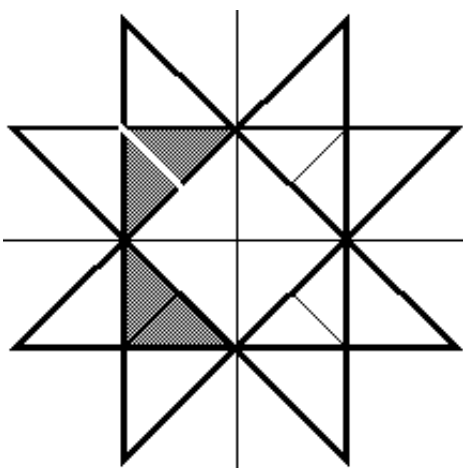
Функции (типы информации)

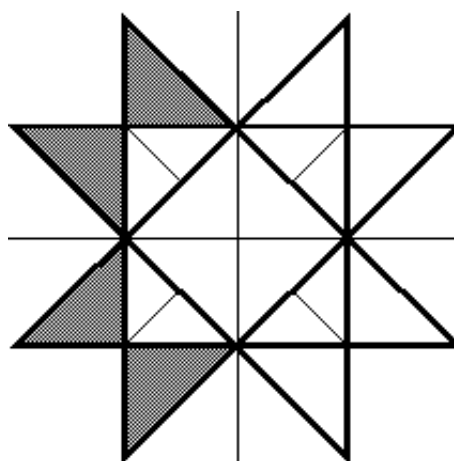
Телесность человека

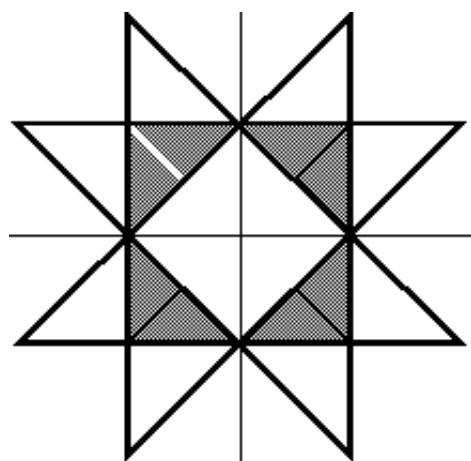
Функции человека

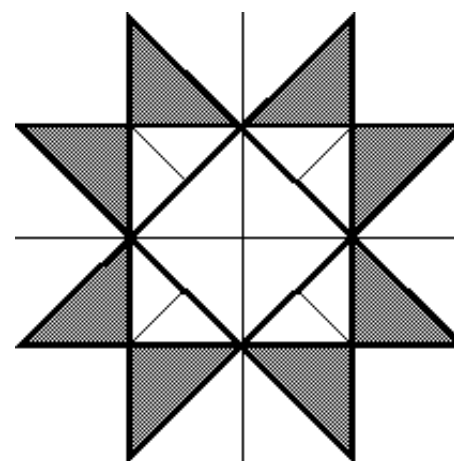
Технос как "тело" общества и носитель (сома) культуры

Функции культуры

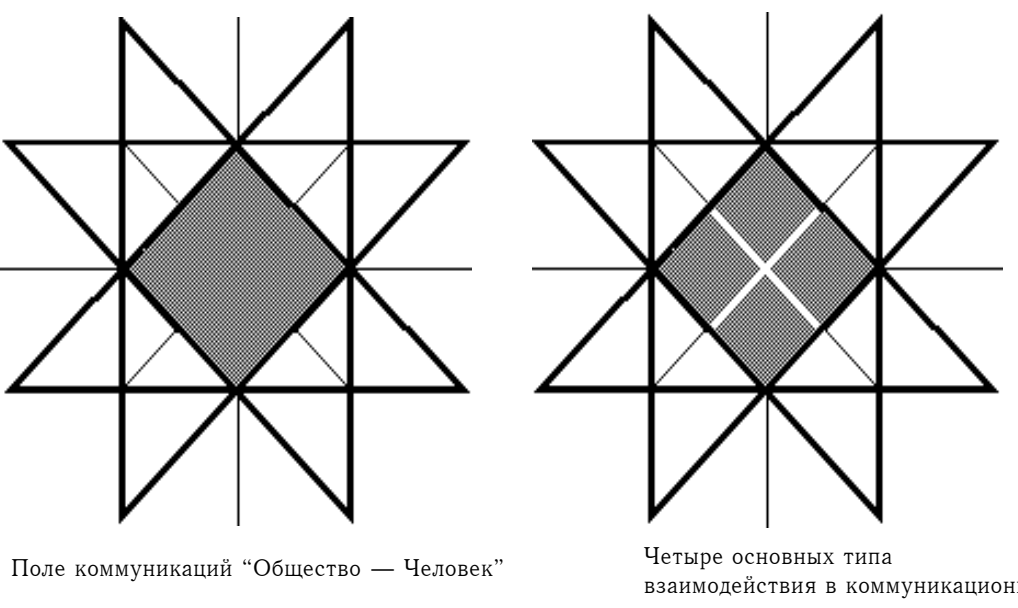
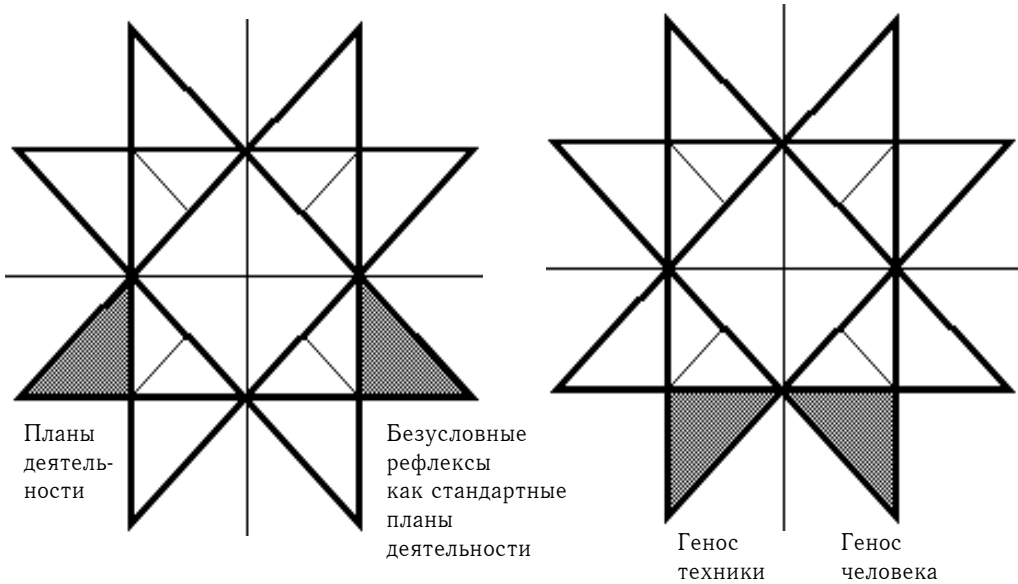
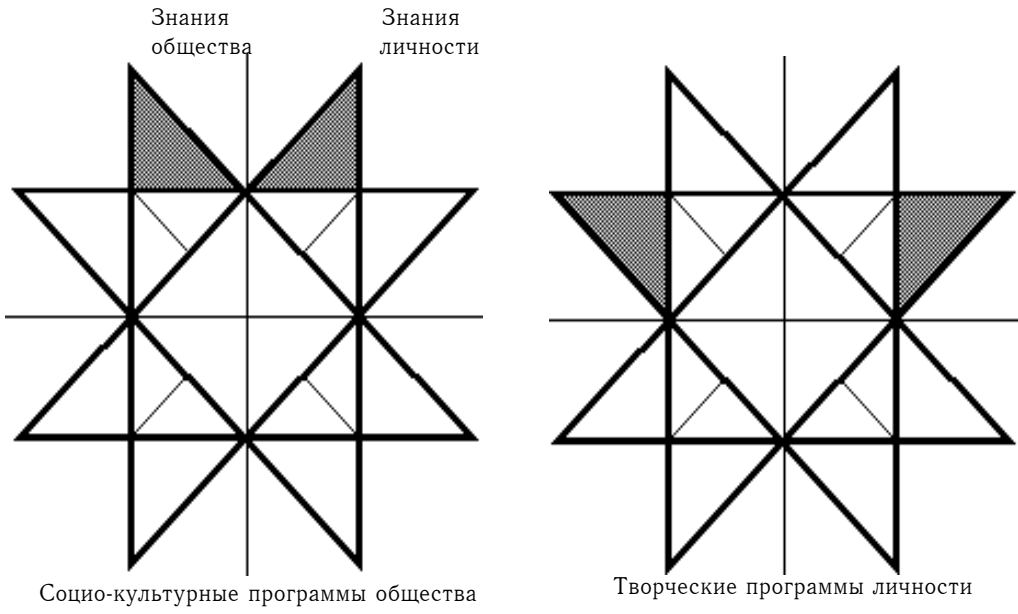

Вся морфология (человек + общество)

Все функции (человек+ общество)

Табл. 5 СВЯЗАННОСТЬ ФУНКЦИОНАЛЬНОГО УСТРОЙСТВА ОБЩЕСТВА И ЧЕЛОВЕКА

Глава IV

ФУНКЦИИ РОДОВЫХ ДЕЯТЕЛЬНОСТЕЙ В ИХ СФЕРАХ

4.1. Сферы общественной жизни

Обращение к понятию “сфера общественной жизни” необходимо нам по нескольким причинам. Прежде всего приведем соображения общего характера: методологические трансформации теории возможны лишь при достаточной ясности ее конструкции, ядра. Поэтому от родовых деятельностей, от общего определения понятий и раскрытия системы деятельности нам необходимо перейти к такой перекомпоновке, которая наиболее устраивала бы нас с позиции практики. А это возможно только при последовательном приближении к раскрытию соотношения: сфера — деятельность. Это — первое.

Второе. Демонстрационные модели, представляющие деятельность во всех аспектах, изначально строились таким образом, чтобы в них присутствовало все то, что относится к сфере. Насколько это достигнуто, можно судить по определению сферы общественной жизни:

СФЕРА ОБЩЕСТВЕННОЙ ЖИЗНИ =
СПОСОБНОСТЬ + ПОТРЕБНОСТЬ
+ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ
+ СОЦИАЛЬНЫЕ ОТНОШЕНИЯ + ИНСТИТУТЫ.

Фактически сфера общественной жизни составляет верхнюю часть нашей схемы. Сферообразующими лучами выступают наши восемь родов деятельности. Деятельности детерминированы специфическими для них способностями и потребностями (сняты в субъекте деятельности) и реально существуют в объективной системе специфических социальных отношений и социальных институтов. *Типологическая определенность сфер* добавляет нам уточняющие характеристики и самих деятельностей.

1. Сфера экономики: вся система общественной жизни, связанная с производством, распределением, обменом и потреблением материальных благ.

2. Сфера экологии: вся система общественной жизни, связанная с регулированием вещественно-энергетического взаимодействия общества с естественной окружающей средой.

3. Сфера медицины: вся система общественной жизни, связанная с сохранением и восстановлением жизнеспособности человека и человеческого рода.

4. Сфера физкультуры: вся система общественной жизни, связанная с развитием физических возможностей человеческого организма для достижения физического совершенства.

5. Сфера управления: вся система общественной жизни, связанная с сигнально-информационными формами актуализации готовности субъектов любой деятельности с целью оптимизации последней.

6. Сфера педагогики: вся система общественной жизни, связанная с передачей социального опыта человечества индивиду в форме образования, обучения и воспитания.

7. Сфера науки: вся система общественной жизни, связанная с познанием законов и свойств реального мира.

8. Сфера искусства: вся система общественной жизни, связанная с образным моделированием реального мира.

Развитие общества и развитие личности: пути

Всестороннее развитие общества есть именно РАЗВИТИЕ его восьми основных сфер. Всестороннее развитие личности есть овладение личностью этими сферами, включение в эти сферы как в деятельности, так и в самодеятельности (соотношение между ними исторически обусловлено). Всестороннее противостоит специализированному, основанному на общественном разделении труда. Возвращение человеку утраченной им универсальности возможно лишь при условии включения человека во все общественные функции, во все деятельности в качестве их субъекта и как субъекта самодеятельности. Но перед нами стоит реальное общественное разделение труда, закрепляющее и сейчас частичность наших проявлений. Каким же образом осуществим этот переход в данный момент?

Во-первых, важно свободное время как пространство для развития личности. Увы, с этим человеческим капиталом обращаются, как с бедствием: свободное время убивают, свободным временем активно распоряжаются всяческие органы, решающие “проблему занятости в свободное время”. Превосходно понимая обоюдоострый характер проблемы, западный механизм манипулирования сознанием целенаправленно свел ее к проблеме развлечений и отвлечений человека. Здесь все понятно: человек должен оставаться средством, а для этого нельзя давать ему выйти за рамку частичной общественной функции, выгодной стоящим у власти. Отвлечение есть форма нейтрализации человека, при которой ему затруднительно выйти на свои цели, цели личности (личность как субъект истории), форма, порождающая только компенсаторные механизмы (спорт и секс П.Л. Капица называл наряду с массовой культурой наркотическими средствами общества, а наркотические средства ведут к деградации человека социального, к его превращению в животное). Единственный путь — превратить свободное время в реальное пространство для развития личности. Единственная форма — присвоение себе своей всесторонней сущности всесторонним же образом через самодеятельность общественного типа.

По мере становления разных форм самоуправления эта тенденция будет проявляться и в рабочее, а не только в свободное время. Она найдет свое выражение в том, что затраты на развитие личности в деятельности начнут входить в стоимость продукции как компенсация за одностороннее общественное использование человека. В чем суть данной тенденции? Необходимое рабочее время начинает включать в себя поначалу примитивные формы компенсации: физкультурные паузы, медицинские мероприятия — рекреацию, но далее и время на самоуправление, и время на рост квалификации, и время на экологические, компенсирующие данное производство работы, и, как это ни покажется странным, время на онаучивание труда, на его художественно-эстетическое насыщение. От закона разделения труда к закону перемены труда — этот путь всеобщ. Однако сегодня его следует осмыслить заново. Ориентиры самоуправления нужно наполнить до их действительного объема. А сформироваться они могут более всего в свободное время, и не одним, а многими путями. Например: разностороннее и многостороннее развитие как переходные — ко всестороннему. Разностороннее развитие личности — это овладение несколькими видами в нескольких разных родах деятельности. Уточним: родами, родовыми деятельностями мы называем наши восемь, ибо они присущи человеку как родовому существу (существу человеческого рода). Овладение родовыми деятельностями — это овладение родовыми функциями общества, что мы и старались показать ранее. Человек в общество включается через родовые функции. Видовые деятельности внутри рода — это более частные модификации, например в художественной деятельности развиваются музыкальная, изобразительная, литературная и т.д. Совершенствовать свои разные стороны человек может, соприкасаясь не со всем спектром деятельности, а проявляя себя в одном из ее видов. Разносторонний человек — это человек, который овладел несколькими родами (более двух) в их видах. Иное дело — многостороннее развитие. Здесь дело проще: ты и художник, и поэт, и музыкант и т.д. — все в том же роде, но многосторонним образом. Так, кстати, проявляется закон зависимости видов как единых по роду: почти все известные художники, поэты, композиторы и т.д. были многосторонними личностями — достаточно назвать Маяковского или Пикассо.

Но во всем этом не чувствуется равновесие — опять какой-то многогранный флюс. Если оценивать положение с позиции человека и древнегреческого понятия гармонии человека, то нужно ориентироваться на гармонию его внутреннего развития. Гармоническое развитие человека — это соразмерное развитие трех культур: культуры тела, культуры чувств, культуры интеллекта.

Коснемся аспекта динамики процессов. В общественном развитии вообще чрезвычайно редко встает вопрос о гармоническом развитии личности. В этом нет ничего удивительного — это закономерно: общество находится отнюдь не в равновесном состоянии, оно недостаточно совершенно пока для того, чтобы избежать в своем развитии колебаний. Крайности колебаний, носящих устойчивый периодический характер, выражаются в бросках то к исключительной специализации, то к политехнизации, к универсально развитым специалистам. Лишь в 60-е годы у нас шли разговоры о сущности всестороннего развития личности, но одновременно с наступлением брежневского периода они исчезли: бюрократической системе нужны были винтики, а не всесторонне развитые личности. Сейчас проявляется чрезвычайно интересная фаза, имеющая большой потенциал: страну надо вытаскивать из кризиса. Это неизбежно делается на базе узкой специализации, но демократическая струя дает возможность (и даже делает необходимым) освоения смежных профессий в коллективе, взаимозаменяемости. Резко возрастает необходимость в методологическом оснащении деятельности, но эта необходимость пока плохо осознана: ориентация идет на технику и технологии, а не на людей. Несоответствие передовой техники неподготовленным кадрам довольно скоро дает себя знать. Пока это все происходит в производственной сфере, однако с ростом доходов и ростом квалификации появится больше свободного времени и станет большей потребностью в его освоении.

4.2. Функции родовых деятельностей в их сферах

В определении сфер общественной жизни *ядром* являются родовые деятельности. При типологическом рассмотрении деятельности мы убедились, что родовые деятельности являются неразложимыми, элементарными, константными. Поэтому мы можем обращаться к восьми родам как к такому уровню модификации, который инвариантен в истории, всеобщ во все времена и у всех народов.

Системный анализ деятельности, наличие в ее составе восьми компонентов, дают нам практическое орудие для исследования любой из восьми родовых деятельностей. Специфические функции той или иной деятельности модифицируют, наполняют собой любой состав компонентов. Таким образом, можно от уровня функций, функциональной специфики, переходить к уровню компонентов деятельности или самодеятельности. Это уже путь к практике.

Наш статический срез, “пакет слайдов”, которым заканчивается первый раздел, позволит не упустить такие существенные моменты анализа, как движущую роль отношений и потребностей, структурообразующую роль институтов и способностей, информационное обеспечение и субстратные основания деятельности.

4.2.1. Функции производственно-экономической деятельности в ее сфере

Здесь следует начать с центрального момента, от которого мы отталкивались в самом начале. Становление человека связано с его производственной деятельностью, осуществляемой общественным образом. Человек изоморфно отражает себя в общественном теле — в средствах своей материально-преобразующей деятельности. Тут его взаимодействие с предметом его деятельности приобретает посредника. В средствах материального преобразования действительности материал природы уже преобразован (от познания его свойств — к преобразованию его в средство). И эта вещественность материала природы оформлена таким образом, чтобы противодействие от средств на субъекта деятельности было погашено, предотвращено и направлено исключительно на объект в соответствии с задачами субъекта.

В этом и выражается целесообразность средств деятельности: средство становится посредником между субъектом и объектом, увеличивающим потенциал субъекта, продолжающим его телесность. Разумеется, за этим стоит познание сущности и явления предмета, позволяющее превратить неживой предмет в средство, а также использовать его в качестве объекта. Что же касается функций производственно-экономической деятельности, то они достаточно известны и легко выводимы. Во-первых, само производство, в результате которого мы получаем продукт. Продукт целесообразен, т.е. задан целью, восходящей к системе потребностей общественного человека. Следовательно, продукт производства необходим для потребления, для удовлетворения потребностей. Однако мы отмечали, что общественное производство базируется на средствах производства, которые производят предметы потребления: это — широко известное деление промышленного производства на производство группы А (производство средств производства) и производство группы Б (производство предметов потребления).

В истории, особенно в нашей с вами, за этими двумя буквами стоит невероятное кипение страстей. Достаточно посмотреть на прилавки магазинов, чтобы понять, что производство группы Б находится в явном загоне, а мы между тем являемся мощной индустриальной державой, т.е. развили в ущерб человеку группу А. Таким простым образом измеряется, что есть цель общества — человек или субъект, кем является человек — самоцелью или средством. Парадокс истории состоит в том, что, пока человек не развит, пока он средство, и производство группы А неизбежно будет отсталым, не новаторским, не прогрессирующим. Здесь сразу возникает вопрос о западных странах, в которых, как известно, изобилие. Но парадокс в том, что потребление материальных благ не есть самоцель, о чем постоянно забывают, — это только средство для развития целостного человека. Потреблением человека можно только убаюкать, запеленать, увести его от вопроса: кому выгодно? Благополучие есть средство развития, средство для цели. Сегодня, даже сегодня, понимания этой формулы нет: рывок к

благополучию большинством осознается как самоцель. Вот почему надо еще и еще раз повторять об опасности возникновения новейшей бюрократии, о возможности новой подмены целей средствами.

Итак, *материальное производство необходимо для потребления*, здесь насчитываем две функции производственной деятельности. Однако рабочий не уносит непосредственно домой произведенный продукт, чтобы им воспользоваться, он оставляет его обществу. В обмен на это общество предоставляет ему возможность денежной компенсации его труда. На полученные деньги, связанные с количеством и качеством затраченного труда, человек приобретает себе иные продукты, произведенные иными людьми. В этом — простая специфика общественного разделения труда, порождающая функцию обмена. Наконец, для того, чтобы наблюдалось соответствие между производством, потреблением и обменом, общество имеет связанную с производственной деятельностью функцию распределения, которую следует понимать широко: как распределение труда, как распределение продуктов труда и обмен.

Эти **четыре функции: производство, обмен, распределение, потребление** — и есть основные функции производственно-экономической деятельности. За ними просматривается взаимосвязь с иными деятельностями — более явная и менее явная. В целом же для осуществления функций есть единый общественный, социальный *институт материального производства*.

Если обратиться к нашей вспомогательной схеме, можно увидеть еще некоторые тенденции. Так, человек заменяет себя техникой не только при помощи простых машин, но и машинных комплексов на базе ЭВМ, которые берут на себя функции управления машинными комплексами в производстве. Именно таким образом идет процесс в развитых промышленных странах, причем перетекание рабочей силы происходит в сферу информационного обеспечения. Чем более независимым становится технокомплекс, тем больше точность и производительность труда.

Четыре функции производственно-экономической деятельности можно и более детально рассматривать сквозь призму сферы, в которой содержатся способности и потребности, отношения и институты. Но мы сосредоточились пока именно на функциях деятельности.

4.2.2. Функции экологической деятельности в ее сфере

Экологическая деятельность также константна, как и остальные семь. Однако это положение нужно дополнить: она приобретает институциональные формы только сейчас.

По свидетельствам исследователей, в египетских памятниках уже был зафиксирован вопрос о запыленности городов. С этим тоже боролись, как и мы — сейчас. Но ценность человеческой жизни в те времена была совсем иной: вопрос о неповторимости и самоценности каждой жизни не стоял. Влияние общества на совокупную экологическую ситуацию нарастало постепенно — к нашему времени оно возросло достаточно, чтобы силы человека и природы сравнялись. Вместе с нарастанием процессов отторжения вещества природы росли и процессы обратные — общественное самочувствие пошатнулось. Стали возникать экологические движения, приобретающие политическую окраску. Здесь не до классовых или групповых страстей, не до границ и их неприкосновенности: это — единственная общечеловеческая деятельность, имеющая все потенции для интернационализации через нее и иных интересов человечества. Кстати, «первый звонок», имевший самый широкий резонанс, прозвучал на западе из так называемого Римского клуба. Им была создана и смоделирована на ЭВМ модель глобального развития с реальным прогнозом, и, хотя даже у нас ее несовершенства критиковались, значение попытки признали все. Более того, это подтолкнуло ряд государств к организации своих экологических институтов.

Но, по сути, мы затронули лишь одну функцию экологической деятельности, связанную с нашими самыми простыми интересами. А функций, по крайней мере, три: природосохранение, природовосстановление и природосовершенствование (природопользование — это и есть производство). Есть еще один аспект: защита человека от природы. В перечисленных трех функциях мы защищаем себя не от природы, а от нами же измененной меры природы, частью которой являемся мы сами. Вот в указанном ракурсе и можно посмотреть на перечисленные функции:

Рис. 100.

Последовательность именно такая, потому что, начиная с самого очевидного — восстановить, человек, способный мыслить, опережающе отражать, вряд ли допустит далее бездумное (себе дороже!) изменение ее меры, он научится сохранять. Как в медицине, легче предотвратить, предупредить, чем лечить болезнь.

Обратимся еще раз к вопросу: что именно мы берем здесь за основу, в какой последовательности движемся? Мы определили понятие деятельности, выявили родовые (роды) деятельности и далее рассматриваем их **ОСНОВНЫЕ ФУНКЦИИ**. Чем хорош этот путь? Он гарантирует выводимость, постепенный выход ко все более конкретным производным от общего. Если бы мы шли от практики, мы не смогли бы определить существенные тенденции, те функции, которые еще не проявили себя на практике, и, таким образом, пошли бы по неверному или частичному пути. То же и с экологической деятельностью: почти нет на практике таких ее проявлений, как природосовершенствование, слабо выявлена функция природовосстановления. Но значит ли это, что их не будет? В истории уже все было, все многократно повторяется на новом витке и в новом качестве. По сути, нашей европейской цивилизации гораздо меньше лет, чем длительно существовавшим восточным. Если вспомнить, к примеру, Японию, тоже не самую древнюю, но достаточно показательную, можно увидеть в ее культуре глубочайшее уважение к природной мере. При огромной плотности населения и сверхбыстрых темпах развития японцы не утратили своего умения восстанавливать природу не как материю для своей практики, а как равное себе. Проявляется это не только в экзотических верандах для любования луной или микроскопическими садиками рядом с домом и совсем карликовыми — у себя на столе. Пожалуй, главное состоит в тенденции к безотходным производствам в самой стране, а если учесть ее капиталистическую политику, — в эксплуатации чужих природных богатств при крайне бережном использовании собственных. Это отношение оформлено не только юридически, но и составляет глубокую нравственную первооснову любого жителя страны. Можно было бы понять развитие природных качеств в объектах живой природы, скажем, для сельского хозяйства: человечество все время совершенствует селекцию животных и растений в данном направлении. Но никакими экономическими стимулами не объяснить выведение карликовых деревьев, на что уходят века, и сады... камней. И одно дело — пытаться объяснить это мифологическими пережитками, но совсем другое — говорить об одной из самых развитых промышленных стран мира.

Если говорить о будущем, то именно такая философия отношения к природе как к части себя, именно эстетический способ освоения природы (мера предмета в гармонии с мерой человека) и будут присущи человечеству в его развитой фазе. Ноосферная теория Вернадского приводит нас к осознанию пространства Земли как замкнутой первоначальной сферы разума, а разуму нужна не примитивная компенсация глупостей прошлых поколений, а разумно созданная гомеостатическая среда обитания. Укажем один важнейший момент, без которого экологизация культуры начнет скатываться к примитивным формам: это — формирование проблематики **СОЦИАЛЬНОЙ ЭКОЛОГИИ**. Без знаний, без опоры на них развитие экологических потребностей немощно, знание тем и сильно, что способно обращаться в метод, способ, методику. Экономика совершенно не заинтересована работать на данную сферу, плохо обстоит дело и с юридическим, правовым, обеспечением проблематики.

Вернемся к нашим схемам. Экономическая деятельность, в ее двух вариантах (группа А и группа Б), здесь выглядит так:

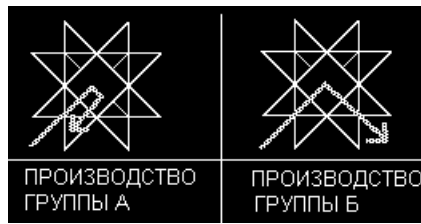

Рис. 101.

Если ввести функцию распределения и обмена, то получим, по сути, влияние на результаты деятельности управленческой системы:

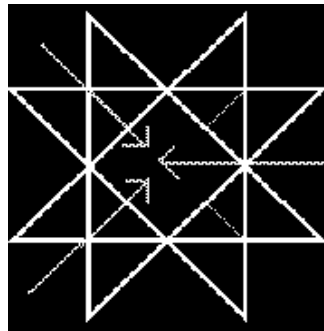

Рис. 102.

Именно то, что в данном случае она способна выступать как селектор от имени общества, а в ее составе есть свои субъекты, со своими целями (и эти цели легко подменяются личными, групповыми, коррумпированностью), требует не надзора, как считали раньше (контроль раздувает бюрократию и ведет к увеличению паразитирующих звеньев), а независимого общественного участия в этом процессе — за счет самостоятельности.

Экологическая деятельность на данной схеме выглядит так:

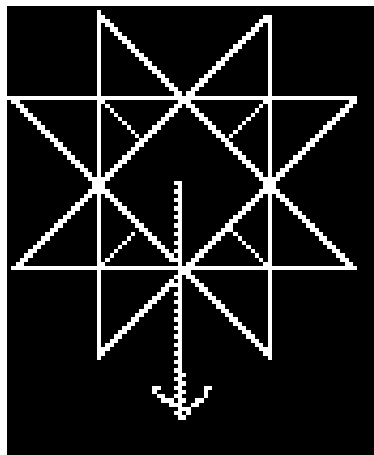

Рис. 103.

Человек испытывает неудобства от природных реакций как биосущество, а его социальность находится в некоем размытом состоянии, как потенциал ноосферного мышления. Вот почему это — деятельность становящаяся, общество пока морщится от необходимости ограничивать свои цели и тратить часть усилий на то, чтобы фактически (не себе) создавать среду. Мешает соблазн свалить на соседа, проигнорировать будущие поколения (живем один раз), обвинить

предшественников. Вообще феномен экологической деятельности вплотную сталкивает нас с проблемой нескольких времен: среди них — время природы, календарное время, время общества, время социума, время личности. Мало кому известно, что времена не только текут по-разному, но и имеют массу специфических особенностей. Например, социальное время дискретно, прерывисто и течет из будущего в прошлое через настоящее.

Экологические отношения — это отношения субъектов, где посредником выступает природа. Посредником, но не равноценным — вот в чем определенный эгоизм современного общества. К сожалению, сейчас большая часть планеты мыслит именно так. Более того: ряд общностей стоит на первобытном уровне развития, а некоторые государства фактически переживают феодализм, разьедаемый эрозией капиталистических отношений. Поэтому оптимизм проявлять не следует, особенно по поводу глобальных процессов.

Что же касается экологической деятельности, то здесь вполне очевидно: общество “слепнет” в определенные периоды истории по ее поводу, начисто игнорирует ее необходимость. Вспомните лозунги 20-30-х, вплоть до 50-х годов: нам нельзя ждать милостей от природы, взять их у нее — наша задача. И брали. Но маятник качнулся в обратную сторону — и сегодня мы проявляем милость, правда, пока не к природе, а к себе.

4.2.3. Функции физкультурной деятельности в ее сфере

Общество вынуждено (при всей парадоксальности), как и в случае с экологической деятельностью, расходовать часть своих усилий на поддержание меры биологического субстрата человека. Во все предшествующие эпохи оно делало это до такой степени инертно, если говорить о массе, что до сих пор неохотно вводит физкультурную деятельность в разряд деятельностей. С медициной — проще: субъект изнашивается, испортился (а субъект — частичный человек), его надо восстанавливать, ибо он действующая часть машины общественного производства. Столь примитивное отношение к человеку как к винтику, который можно и заменить (безработица — резерв винтиков), но можно и восстановить, привело к тому, что о человеке как о целом (в биосубстратном смысле) науки нет. Медицина ремонтирует человека по частям, ибо по частям он и изнашивается. Даже профилактика в итоге не имеет в своем центре целостность человека.

Обратимся к нашим схемам и постараемся ввести функции этих двух деятельностей, как они видятся сегодня. Мы и здесь, при рассмотрении биосубстрата (поскольку функции направлены на него), не должны уходить от целостной меры человека как биосоциального существа. Суть не в том, что многие болезни вообще порождены нездоровой социальной жизнью, а в том, что человек гораздо зависимее от своей духовности по отношению к телу, чем это кажется. Даже в лучших работах о физической культуре и медицине человек все еще воспринимается как тело — и дальше идти не стоит: человека нет. Не убеждают даже примеры, что напряжением воли отдельные люди останавливали рост раковых клеток и избавлялись от СПИДа. Больше всего копий ломается из-за соотношения (и необходимости) физкультурной деятельности и спорта. Но будем последовательны и начнем с определений.

В социальной практике физические способности и потребности реализуются в физкультурной деятельности. Центральным понятием физкультурной деятельности является деятельность по развитию физических возможностей человека и формированию физически совершенного человека. Физическое совершенство означает единство внутреннего и внешнего биологического совершенства человека.

Необходимость физкультурной деятельности определяется двумя рядами потребностей:

- а) потребностью физического совершенства человека;
- б) потребностью физической готовности ко всем видам деятельности.

Здесь наиболее важна ориентация на первичность потребности в физическом совершенстве. Обществу, в его несовершенных формах, не нужен физически совершенный человек. Ему нужен готовый физически субъект, частичный человек. Даже известное в отдельные периоды истории культивирование физического совершенства никак не было связано с идеалами гармонического человека: грекам, например, физически развитые люди нужны были как воины и работники. Вообще, в истории почти нет примеров физически и духовно совершенных людей

— наоборот, болезненные и неказистые скорее становились философами или учеными, чего-то добивались как политики и т.п. Физический труд, хотя многим это и кажется неверным, не вел и никогда не приведет к физическому совершенству. У физически работающего человека все так же происходит переконцентрация функций организма на его однообразные физические действия. Идеалом является не груда мышц, как это пытаются доказать апологеты культуризма. Идеалом является мера человека, где физическое совершенство выступает не самоценностью, а чем-то большим — гармонией тела и духа человека.

Спорт как псевдодеятельность

Только достаточная свобода, материальная независимость приводит человека к мысли о своем физическом совершенстве и уже потом — к определенным соотношениям с его духовностью. Аристократия начинает культивировать свое физическое совершенство, и начиная с прошлого века из ее недр возрождается олимпийское движение. Но, как остроумно заметил (устами своего героя Мартина Идена) Джек Лондон, спорт стал работой профессиональных бездельников — аристократии: она создала целую культуру праздного образа жизни. Собственно аристократическая спортивность не только обеспечивает ей выживание, но и подчеркивает ее отличие от простонародья, которое, разумеется, не имеет времени и возможности физически совершенствоваться. Времена спортсменов-аристократов прошли, а возникшее движение оказалось палкой о двух концах. Вообще иногда поражаешься, до чего массовая культура является зависимой, вторичной, и этого никто не замечает: она унижительно подражает аристократической, элитарной, донашивая ее одежды после использования. Ведь еще в древнем Риме появились гладиаторы, телами которых из действительно необходимой функции физического развития воинов была создана функция ЗРЕЛИЩА. Олимпийские состязания греков, где эстетический момент играл огромную роль, но вовсе не был самоценностью, римляне подменили пустой функцией — игрой вместо участия. Таков же, ни на йоту не лучше, современный спорт. Он не только не предназначен хотя бы для вторичной функции подготовки человека к осуществлению деятельности, он является явно выраженной паразитической деятельностью, которая для чего-то нужна.

Кому выгодно? Кому выгоден спорт, а не физическое совершенство человека? Тому же, кому выгодно отупление человека. К чему ведет спорт? К совершенствованию частичной физической функции спортсмена, от двадцатиборья и десятиборья, даже от троеборья спорт все более переходит к односторонним, узкоспециализированным, частичным, видам.

Это уже не бег вообще, а совершенствование бега на узкую дистанцию, не культ игры в мяч, а культ вратаря или центрального нападающего и т.д. Профессиональные спортсмены — те же гладиаторы массовой культуры, их выжимают, как мочалку, до 40 лет и тут же выбрасывают из жизни — они ни на что больше не нужны. Так, не нашлось места знаменитому Численко, и он кое-как пристроился у добрых людей, и таких примеров — масса. Искалеченная психика проявляется в асоциальности поведения бывших спортсменов, не говоря уже о тяжелых последствиях в виде профессиональных болезней (Яшин и Власов).

Если на Западе профессионал способен сколотить капитал, как знаменитый Пеле (мы экспортируем кофе с его маркой), то у нас спортсмен находится в самом двусмысленном положении. Так, молоденькая девочка выигрывает теннисный турнир, ей причитается гонорар с несколькими нулями в долларах, но ей его не дают, изымают, и начинаются ахи и охи: как же так? Интересно, как она будет смотреть на рабочего или интеллигента с его зарплатой? Количество и качество труда у них может быть даже одинаковым. Но налицо простейшая подмена: нам навязывают систему псевдоценностей, паразитический механизм, а мы уже почти сочувствуем этой девушке. И начинается: продажа в профессиональные клубы наших бывших “любителей” за валюту, тщательно поддерживаемый массовый психоз вокруг становящихся профессиональных футбольных команд, масса атрибутики, информации, сражений поклонников и надписей на домах. Совершенно явная тенденция поворота к псевдомеханизмам, отвлекающим и отупляющим механизмам из западной масскультуры переползает к нам. Это оборачивается на практике шагом назад. Некоторые предприятия, по сообщениям прессы, сократили инструкторов по физкультуре, а футбольные команды продолжают содержать на местные средства, например “Торпедо” Тольятти. Спортивные сооружения — воистину

спортивные: из них презрительно провожают неперспективных в спорте, но желающих оздоровиться людей. Как зубную боль, воспринимают в школах тренеры необходимость вести группы общего развития.

Если в 20-е годы были знаменитые рабочие спартакиады и олимпиады, как альтернатива элитарному спорту, то впоследствии все это политизировалось, даже в ГТО сталинизму увиделись скорее военизация, роботизация, подготовка винтиков. Наиболее распространенное политическое оправдание — «спорт — посол мира». Но, оказывается, спортсмены — бездарные послы, достаточно послушать их интервью, в которых нет признаков интеллекта — скорее наоборот: и двух слов связать спортсмены не могут. Даже в таких видах спорта, как шахматы, дело доходит до отвратительного сведения счетов и обливания противников на глазах у всего света ушатами помоев. Большинство спортсменов в своих поездках не только не общаются с местным населением, но и просто не выходят в город, кроме экскурсий и магазинов. Так компенсируют им их рабство — тряпками и валютными подачками. Хороши послы!

Откройте любой учебник по спортивной медицине — и вы будете поражены количеством патологий, лечить которые иногда бесполезно: например, боксеры имеют ежедневное многократное сотрясение мозга, а оно неизлечимо. Второй аргумент теоретиков спорта: спорт расширяет наши познания о границах физических возможностей, поднимает потолок, планку. Но для кого поднимается эта планка? Разве массовые результаты прыжков в высоту хоть немного продвинулись от того, что кое-кто побил мировой рекорд? Да нет, мы сто лет все на той же отметке. В романе С. Лема «Возвращение со звезд» пророчески спета похоронная по спорту — в будущем человек достиг предела своих возможностей и перестал калечить своих гладиаторов неизвестно зачем, спорт умер. Возможности человека не совершенствуются по частям: он целое. И если в производстве возникает односторонний «конвейерный человек», которого так блестяще продемонстрировал Чарли Чаплин, то в спорте — то же самое, только еще более бессмысленно: ничто не производится, кроме калек и морального уродства. Спорт является орудием политики по оболваниванию масс — это его единственное общественное предназначение.

Надо упомянуть один существенный механизм: это — слияние спорта с эстетическим, оно выражается не только в положительных тенденциях зрелищности действия, но и в атрибутике. Аэробика не прибавила ничего нового к ритмической гимнастике, пропагандировавшейся у нас в 20-е годы, но она создала свой элитарный мирок групповых аксессуаров. То же самое — гольфклубы, теннис, яхты и т.п. в прошлом аристократические виды спорта, перемолотые машиной масс-культы. Спекулируя на потребности в физической активности, особенно у молодежи, эта спортивная и околоспортивная элитарность создала целую промышленность и даже свою моду: американские конгрессмены в щегольских парадных костюмах и в... кроссовках стали одно время нормой. Кстати, яркие одежды привлекают молодежь даже больше, чем само участие в действиях. Мы наблюдаем массовое тяготение к элитарным видам спорта, которое не всегда реализуемо (на то она и элита, чтобы не допускать чернь), зато остаются спортивные аксессуары массового пользования. Это еще одна причина живучести спорта.

Физическая культура

У нас — два пути. Первый путь, и тут реальность не обойти, — компенсировать существующее разделение труда специализированными комплексами физической культуры. Ты сборщик, значит, имеешь гипертрофию определенных мышц и искажение психической жизни. Предпочитают профилактику или лечение, но это — пассивная компенсация. Надо последовательно разрабатывать, на глубоком научно-экспериментальном основании, массу специальных комплексов физической компенсаторной культуры под профессию и проектировать для них материально-техническое обеспечение.

Второй путь — это путь общественного становления физкультурной самодеятельности: от физкультурной деятельности обязательного типа (надо, чтобы жить) — к физкультуре самодеятельного типа (хочу) и затем — к форме общественной самодеятельности (мне мало, что я могу и хочу, я вовлекаю в это других, мы вместе начинаем совершенствовать нашу

общую деятельность и интенсивно растем). Камень преткновения, и это — распространенная ошибка: ориентация на личное психофизиологическое благополучие — принцип Запада. Только осознание истинных целей физкультурной деятельности превращает частный мотив во всеобщую человеческую общественную потребность. Не тело ради тела, спорт ради спорта, аэробика ради аэробики, а совершенствование тела ради совершенствования своей меры тела и духа.

Итого: можно выделить три уровня:

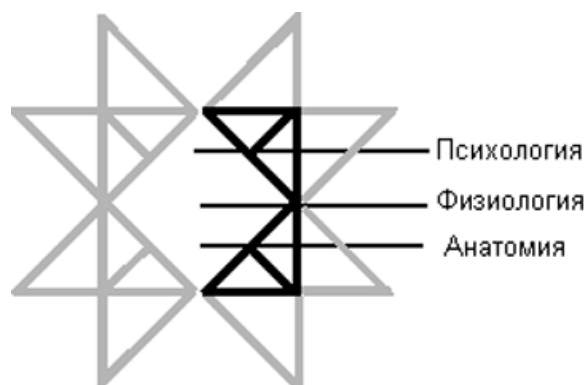

Рис. 104.

4.2.4. *Функции медицинской деятельности в ее сфере*

Но если физкультурную самодеятельность принято приветствовать хотя бы в речах, то этого вовсе не скажешь о самодеятельности медицинской. По ее поводу медицинская литература голосует единогласно: ни-ни! Это бурное отрицание происходит на фоне массовой заболеваемости и смертности от территориальных и профессиональных факторов, при поразительном бескультурье родителей, калечащих детей, при таком же диком состоянии медицинской культуры у детсадовских, школьных и вузовских педагогов. Отсутствие больниц, специалистов и лекарств почему-то никого не смущает. В чем же причины натурального «крепостного права», кому выгодно?

Иногда думаешь, что собачки умнее людей ведут себя в этом вопросе: заболевая, они все-таки занимаются самолечением, а не ждут ветеринара. Но собачкам — проще: они имеют в форме безусловных рефлексов “знание” той травки и такого режима, который ведет к выздоровлению. Человеку этот культурный потенциал надо завоевывать у общества, ибо он утратил такую способность и целиком полагается на социокультурные программы общества. А они — в руках монополии здравоохранения. Предупреждения о вреде самолечения не прибавили здоровья никому. Люди все равно бегут в аптеки, и во времена эпидемий аптека становится полем боя за дефицит, люди дают взятки (массово) и прибегают к услугам знахарей, экстрасенсов, новоявленных гуру и платят, платят, платят за свою массовую безграмотность и за грамотность и псевдограмотность монополии. Из всех видов бескультурья медицинское является самым дорогостоящим. Но все-таки кому выгодно? Выгодно медикам, их монополии. С тех пор, как медицинская профессиональность отделилась от церковных стен, ее понесло по пути собственной мифологизации: человеку внушают с младых лет, что спасители только врачи.

Медицина имеет дело с человеком, с точки зрения его биомеры, но за ее границами. И ее задача: предупредить или восстановить нарушенную меру. Это — два разных процесса, две функции, и чем больше мы приближаемся к пропорциональному преобладанию профилактики, тем меньше нужно лечить. Случайности жизни, в том числе производства, профессиональные болезни и увечья — вот единственное, где медицина должна вмешиваться в человека для его восстановления. Но, чем больше человек будет знать и уметь сам, особенно в области профилактики своих болезней, тем меньше нам нужно будет наращивать монополию медицинских учреждений. Приоритетное направление профилактики осознают, но не проводят. Модный лозунг поголовной диспансеризации и профосмотра населения оборачивается издевательской фикцией: больше трех минут на заполнение бумаги ни один врач затратит

не в силах, поток людей не позволяет. Кроить тришкин кафтан и имитировать кипучую деятельность можно сколько угодно, проблемы этим не решить.

Действительная проблематика состоит в следующем.

1. Медицинская культура каждого должна прививаться с детства и обеспечиваться педагогикой и литературой (и так далее — по пути ее самосовершенствования в групповом виде самодеятельности).

2. Профилактика должна подкрепляться статистикой вовлечения в нее масс.

3. Специальное медицинское обслуживание должно стать сбалансированным, высококачественным (технологически).

Здесь можно провести определенные аналогии общетеоретического плана. Мы берем у природы ее материал и расплачиваемся за это экологической деятельностью — мы создаем частичность человека в деятельности и расплачиваемся физкультурной и медицинской деятельностью. Причем посмотрите, насколько прямая аналогия: природовосстановление — функция восстановления жизнеспособности в медицине, природосохранение — функция сохранения в медицине (значительно скрещивающаяся здесь с физкультурой, ибо известно: физическая культура — лучший путь к здоровью), природосовершенствование — функция физической культуры по совершенствованию физической меры человека. Нет ничего удивительного во всем этом, ибо что есть человек в биологическом смысле, если не часть той же природы?

Сталкиваются эти два направления лишь в функции защиты человека от природы. Такое определенное сходство приводит к мысли, что вообще следовало бы говорить об **экологии человека**, как мы говорим об экологии культуры. Но до этого еще надо дорасти. Однако уже ясно, что решение обоих вопросов лежит не на путях частичных и дифференцируемых функций, а на путях целостности. Поскольку наука еще не созрела до создания целостной теории человека, а уж тем более до соединения теории человека с нашим естествознанием, надо хотя бы воспринимать эту тенденцию как прогрессивную для практики и на этом пути накапливать интеллектуальный потенциал.

4.2.5. Функции педагогической деятельности в ее сфере

Если провести простейшую аналогию, можно сказать: человек отражает себя в обществе изоморфно и как самоуправляющаяся система (в обществе — управленческая деятельность), и как саморазвивающаяся система (в обществе — педагогическая деятельность). Нетрудно заметить, что, в отличие от предыдущих, данные две деятельности имеют дело в первую очередь с психическим субстратом человека, с информацией и отражением в его обращенности на практику. Единство двух деятельностей состоит в общем банке культуры: обе они используют банк знаний и банк социокультурных программ, но каждая — для своих целей. Вот как условно выглядит этот процесс на схемах:

1. Изоморфизм человека (психосубстрата) и общественного:

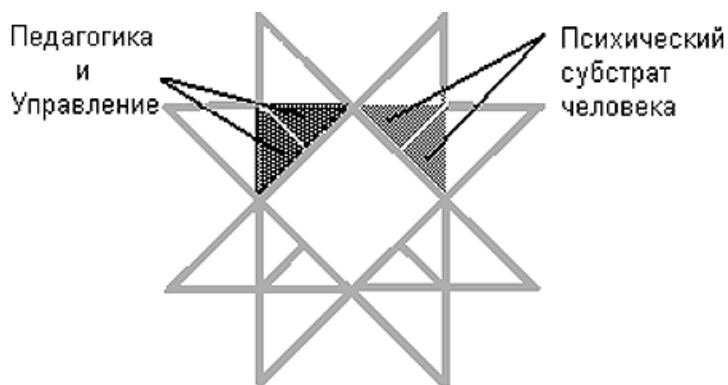

Рис. 105.

2. Синтез информации в педагогике и управлении, аналогичный человеческому синтезу двухполушарного типа:

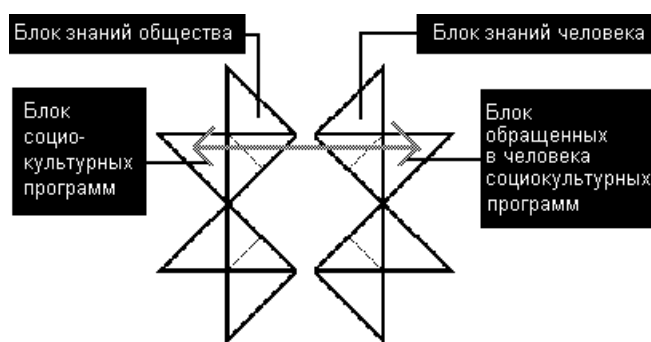

Рис. 106.

Укажем один интересный ракурс: идеалы общества не содержатся отдельно ни в знаниях, ни в социокультурных программах — они являются эмерджентным продуктом синтеза, то же — в человеке и его идеалах. Это особенно важно подчеркнуть, потому что самая большая полемика в педагогике всегда идет по вопросам воспитания и его методов.

3. Идеалы общества и идеалы личности как результат эмерджентного синтеза. Установки как обращенная в деятельность форма идеалов. Связь общественных целей (социальных отношений в основе) с целями личности в деятельности (потребностей личности в основе):

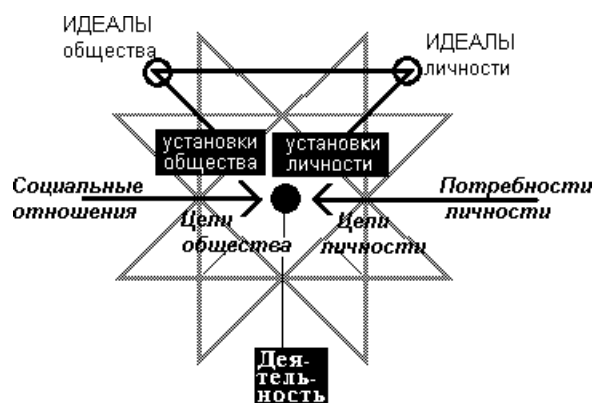

Рис. 107.

Теперь можно провести принципиальное разведение управления и педагогики. Разводятся они по обращенности и, если угодно, во времени: управление обращено на любую другую деятельность, педагогика обращена на субъекта (будущего) деятельности. По сути, обе деятельности обращены на субъекта, но **в разное время и с разными целями**. Эти цели и выражаются в их функциях, к ним мы сейчас перейдем. Но прежде — одно замечание, достаточно всеобщее для всех пар деятельностей. Управление и педагогика не только соотносятся как развитие и сохранение, но и вообще трудно разводятся в практике. Любой умный учебник по управлению не игнорирует педагогических аспектов, в практике любого педагога — масса управленческих операций. Более того, лучшая часть наших управленцев озабочена вопросами педагогики. Но между тем их взаимообращенные формы бедны и уродливы: нет толковой педагогики, подготавливающей управленцев, и самая отсталая система управления — это наше управление педагогикой. Ключ — в массовом отлучении от самостоятельности в этих сферах общественной жизни, в полном, под корень, истреблении самостоятельных начал. Здесь даже не возрождать, а завоевать заново надо. И враг здесь вечный — бюрократия. Самостоятельность и бюрократия несовместимы.

Начнем с педагогики. Педагогика занимается развитием личности для деятельности. Делает она это путем трансляции культуры общества в культуру личности. Механизмов трансляции в педагогической деятельности — три, три процесса: образование (формирование информации

онной системы человека), обучение (формирование операциональной подсистемы психики человека), воспитание (эмерджентное формирование мотивационной подсистемы психики человека).

Образование есть трансляция знаний, и на схеме все просто:

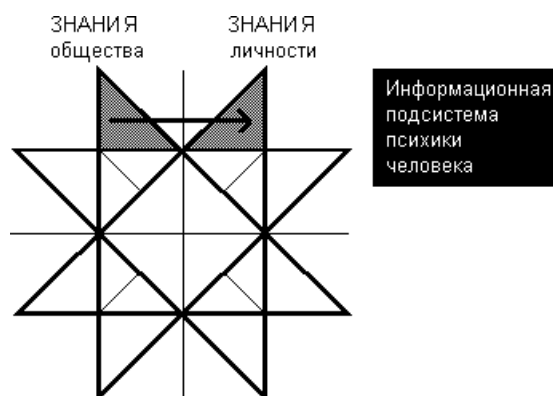

Рис. 108.

Обучение несколько сложнее. Во-первых, оно связано с целеполаганием, то есть с обращением на деятельность социокультурных программ, во-вторых, оно требует полноценного механизма связи психики с двигательной способностью (что касается и знаний — надо, по крайней мере, писать).

Здесь некоторые теоретики настаивают на подключении к данному блоку физической культуры, но это ничего, собственно, не добавляет к самому механизму: нам необходимо превратить социокультурную программу в моторный навык, связанный с этой программой. Задачи физической культуры (физическое совершенство) не могут сводиться к педагогике в ее операциональности, более того, они чаще всего расходятся и образуют дополительность: формирование частичности, навыков для определенной деятельности, должно компенсироваться уже в педагогических процессах обучения компенсаторной физкультурой. У нас же пока дело иное: обучение — само по себе, а комплекс физической культуры во всех педучреждениях — один и тот же. Но мы предполагаем, говоря о педпроцессах, что имеем дело с полноценным биосубстратом.

И, наконец, третье: мы условно выделяем обучение, ничего не упоминая о воспитании, как и в случае с образованием. А между тем в обоих случаях не может не существовать трансляции общественных идеалов и установок. Более того, никакой специальной воспитательной деятельности, а значит, и воспитательной работы как специальной нет. А между тем определенный объем установок общества так-таки транслируется в определенный объем установок личности. Многих это положение смущает, но мы-то с вами уже знаем о двух способах существования любой деятельности: это — субстратная и атрибутивная формы деятельности. Нравственная деятельность (которую упорно продолжают выделять многие теоретики, не задаваясь вопросом: что в ее субстрате?) осуществляется как аспект, грань, как сторона иных деятельностей — также, атрибутивно, осуществляется любая трансляция аксиологического, ценностного, отношения. Упущения в воспитании многие связывают с низким профессионализмом воспитателей. Но, стоит детально рассмотреть любой план воспитательной работы, обнаруживается, что мы имеем дело (отделяя управленческие и прочие мероприятия, оставляя собственно педагогику) либо с образованием (лекции, беседы, просмотры специальных передач, чтение специальной литературы — трансляция знаний), либо с обучением (обучение хорошим манерам, обучение умению вести себя — везде ряд операций, моторика). Воспитатели дублируют чужие функции и не могут этого не делать.

И, если ставить вопрос, необходимо иметь определенным образом дифференцированный и зафиксированный в формах знаний и умений объем транслируемых установок. А дальше уже можно говорить о специализации различных педагогических субъектов по поводу его трансляции. Здесь, между прочим, разговоры о воспитании подразумевают (особенно у старшего поколения) сталинскую педагогику: вот тогда был порядок, было воспитание. Но вдумаясь,

в чем это проявлялось: на место науки была поставлена догматизированная псевдонаука, постулаты которой вдалбливались (образование) при полном подавлении встречных творческих потенций (зубрежка наизусть), то же самое происходило при обучении. Никакого целостного творческого мировоззрения при таком подходе ждать не приходится — и на место знания и мировоззрения приходит вера. Принимать что-либо на веру, проверять нравственность личной преданностью вождю (кстати, то же в пародийной форме демонстрировала и брежневская система)? Это не путь к формированию целостного, развитого человека. То, что сейчас называют механизмом торможения, есть обман в том же разрезе: декларация одних идеалов (обязательно в догматической форме), проведение в жизнь противоположных. Результат — манипуляция сознанием, отбрасывающая общество во времени в прошлое. То же самое, но без такой примитивной формы, как у нас, делают японцы: они декларируют в идеологии, что строят свой тип социализма, понимая привлекательность социалистических идеалов. Даже король Марокко как-то заявлял, что строит “лирический социализм”. Так что установка, эмерджентное качество, — штука хитрая, просто так за хвост ее не ухватить. Как же быть, чтобы не плодились псевдомеханизмы и не образовывались псевдоценности? Мы, собственно, уже говорили об этом: практика — критерий истины, и здесь вопрос не в том, какие идеалы декларируются, вопрос в том, какие последствия это имеет для развития всестороннего потенциала человека. Человек — мера всех вещей. Сравнение (а сравнивать есть с чем) — основа всякого понимания и мышления, как говорил Ушинский. Не надо сравнивать уровень жизни (если судить по 20-м годам, наш уровень был чуть ли не ниже всех в мире) — надо сравнивать темпы прогрессируемости людей, темпы их развития в деятельности и степень проявленности самостоятельности. Это — лучший, если не единственный показатель прогрессируемости строя.

Итак, вернемся к схеме и выразим на ней способ образования операциональной и мотивационной подсистем человека:

Начнем с процесса обучения.

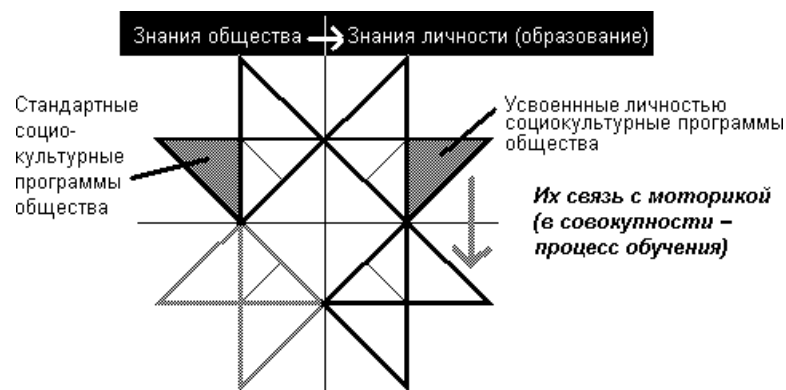

Рис. 109.

Теперь — процесс воспитания:

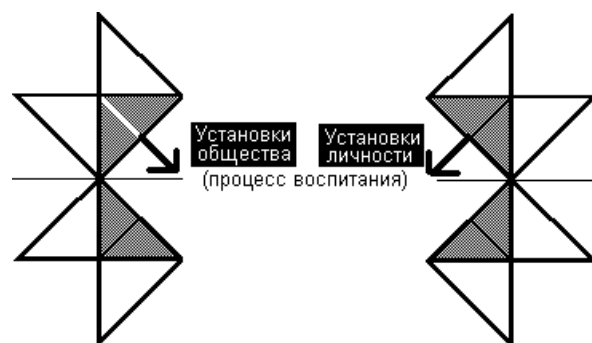

Рис. 110.

Иногда говорят, что лучшим педагогом является жизнь. Однако эта точка зрения ни к чему не ведет: на нее можно списать огрехи, но нельзя построить педагогику. Совсем другое дело — точка зрения на педагогику как особую форму жизни у Д. Дьюи, но об этом нужно говорить отдельно.

Развитие человек сам должен взять в свои руки. Это означает, что оно не только не является стихийным (такого не было, за исключением деклараций отдельных теоретиков), напротив, оно должно направляться обществом в интересах человека. Проблема же состоит в том, что в понятии «формирование» игнорируется второй компонент:

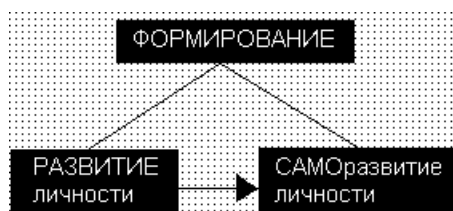

Рис. 111.

Без встречного процесса саморазвития никакая личность вообще сформирована быть не может, но именно этот процесс совершенно задавлен, забит, отброшен нашей педагогикой как мешающий ей. В то же время вспомните любого великого педагога — и вы обнаружите, что он создавал прежде всего нормальное течение процессов саморазвития личности и опирался на них, достигая глубины. Профессиональное бессилие нашей педагогики — в ее результатах: как в педагогах, которые в массе приходят к ненависти к детям и учащимся, так и в учащихся, которые так же ненавидят школу. Абстрактные призывы ко взаимной любви, звучащие в прессе, не поддерживаются реальной организацией педагогических процессов. Почему? Потому что ни один из институтов общества не страдает так от отсутствия критериев развития человека, как педагогика. Ее бросает то в жар трудового обучения, то в холод элитарного развития интеллигенции, то вдруг оказывается, что все дети равны, то обнаруживается, что есть и генетические задатки талантливости, а отсюда — полшага до расовой или кастовой системы обучения.

Но унизительнее всего даже не положение учащегося, а положение семьи: на ее глазах детей последовательно уродуют, а она, хоть и чувствует это, ничем помочь не может. Элементарных навыков педагогической культуры, способности и потребности осуществлять педагогическую деятельность (самодеятельность) никому из членов семьи в обществе не прививали. И вот образуются родительские объединения, и сами родители начинают не только компенсировать недостатки школы, но и напрямую бороться с ней. Опять-таки самодеятельность поодиночке ни к чему не приводит, в лучшем случае родители прилагают немалые усилия, чтобы вырастить элитарное дитя дома. Именно групповая, коллективная форма отстаивания своих человеческих потребностей, превращенная в формы коллективной самодеятельности на базе педагогики, дает хорошие результаты: такая самодеятельность напоминает перекрестное опыление, при котором приобретенное одним становится достоянием всех, а рост общего потенциала происходит в форме геометрической прогрессии. Но известные пока родительские объединения не выходят на все виды деятельности, не выходят на всестороннее развитие. Почему это так необходимо? Да потому, что развитие всех сторон человека делает его единственно целостным механизмом, где все его стороны в нужный момент способны подключиться к той или иной деятельности.

Иногда задают вопрос: может быть, общество лучше знает, чего ему надо от человека, вот оно и готовит людей под свои потребности? Здесь явно сквозит рабская психология: это должны быть интересы человека. Но мало ли, а вдруг всесторонне развитый человек не захочет тачку возить, а нам надо. Не захочет, он явно придумает что-нибудь получше. Заставить человека катать тачку может лишь несовершенное общество, а любое разумное — даст ему здесь возможность для проявления своего ТВОРЧЕСКОГО ПОТЕНЦИАЛА, который образуется на основе стандартных социокультурных программ общества путем саморазвития. Саморазвитие, то есть самообразование, самообучение, самовоспитание, — вот к чему должны стремиться

наши педагоги. Превращение человека в саморазвивающегося человека — вот идеальный конечный результат института педагогики общества.

Три педагогических процесса, три функции педагогической деятельности: образование, обучение, воспитание. Эти три процесса создают ГОТОВНОСТЬ ЛИЧНОСТИ К ОСУЩЕСТВЛЕНИЮ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ, эти три процесса формируют культуру личности — как присвоенную личностью культуру общества. В этом выражается внегенетический характер социального наследования в обществе. Педагогика — наука и искусство.

Вопросы психологического порядка и (если брать шире) неравномерности становления биопсихического субстрата человека на протяжении его жизни являются той основой, на которой может быть выстроен грамотный педагогический процесс. Это — вопрос соответствия метода (со стороны педагога) специфической фазе в развитии (со стороны развиваемого, объекта педагогики). Педагоги даже проходят в учебных заведениях небольшой курс возрастной психологии, но уже здесь коренится ошибка: человек должен учитываться как целое, то есть и психологически, и физиологически, и анатомически. Сейчас появляются отдельные публикации, свидетельствующие о том, что перемена доминирования в развитии систем организма, а отсюда и возрастные психологические особенности связаны с целостностью организма. Так, в кризисологии, в специальной науке о возрастных кризисах, фиксируются определенные циклы развития (около 7 лет), имеющие восходящую и нисходящую фазы (по 3,5 года) и свое доминирование. Необоснованность большинства школьных программ приводит к тому, что именно при доминировании правополушарной деятельности (дети 1—2-х классов), там, где явно тяготение к сюжетности, сказке, фантазированию, чувственному восприятию мира, детям навязывается рационалистический тип мышления: вводятся мнимые числа, понятия математики из ее высших разделов и т.п. Готовность ребенка не ложится на этот метод — начинается педагогическое насилие, калечится психика.

Мы упоминали, что и производственная, и экологическая, и медицинская, и физкультурная деятельности не только онаучиваются, то есть вырабатывают свое знание и обращенное методологическое знание, но и активно синтезируются с эстетическим. Но там мы имели дело с материальным субстратом — здесь же происходит сугубо идеальный процесс развития личности. И тем не менее существует даже такое выражение, как “искусство педагогики”. Здесь несколько важных аспектов. Во-первых, использование всего арсенала искусства как универсального поля трансляции установок (и знаний, и социокультурных программ) от общества в личность развиваемого. Другой аспект в том же русле — это обязательное встречное движение от развиваемого, его саморазвитие в форме деятельности в искусстве, приобретение как знаний, так и навыков создания и восприятия художественных образов. Практика доказывает, что восприятие искусства без встречных процессов элементарного производства художественного продукта не эффективно. Именно эстетическое (не только художественное, но и художественно-утилитарное) развитие личности формирует те важнейшие каналы, по которым транслируется вообще всякая аксиологическая система установок. Эстетически неразвитый человек глух не только к искусству: он глух и к нравственности, и к идеологии.

Во-вторых, если говорить об искусстве педагогического процесса, то важно понять: педагог должен уметь организовывать его по законам художественной композиции. Практика лучших педагогов доказывает, что способ построения лекции, урока, занятия на семинаре совершенно аналогичен построению романа, кинофильма, радиопередачи. Известный американский специалист Д. Карнеги, анализируя свой профессиональный опыт в построении лекционного материала, обнаружил, что в основе его стихийно найденной закономерности лежит такое же золотое сечение, которое обнаружил С. Эйзенштейн при анализе своего фильма «Броненосец Потемкин». Суть такова: восприятие и его законы едины. Искусство научилось на них ориентироваться, и его арсенал в этом смысле и нужен человечеству в его практике, в любых других деятельности. И снова-таки это не благое пожелание, а инструмент, овладеть которым несложно, но принципиально необходимо так же, как и системой целей и функций педагогики.

Наконец, третий аспект. Это — проникновение эстетической составляющей во все другие компоненты деятельности: эстетизация средств педагогического воздействия, эстетизация среды, эстетизация самого субъекта (педагога, лектора, ведущего семинар специалиста), эстетизация условий деятельности. Это тоже незаметный, но важный момент эстетического развития.

Этапы социализации человека

Здесь не обойтись без уточнения онтогенеза личности, так как мы употребляем понятия “личность”, “человек”, “индивидуальность” как однопорядковые, а это — понятия разные. Становление личности как субъекта общественной жизни в широком плане, как субъекта исторического процесса происходит в процессе социализации личности, ее вхождения в социальную жизнь. Вот стадии и результаты процесса социализации:

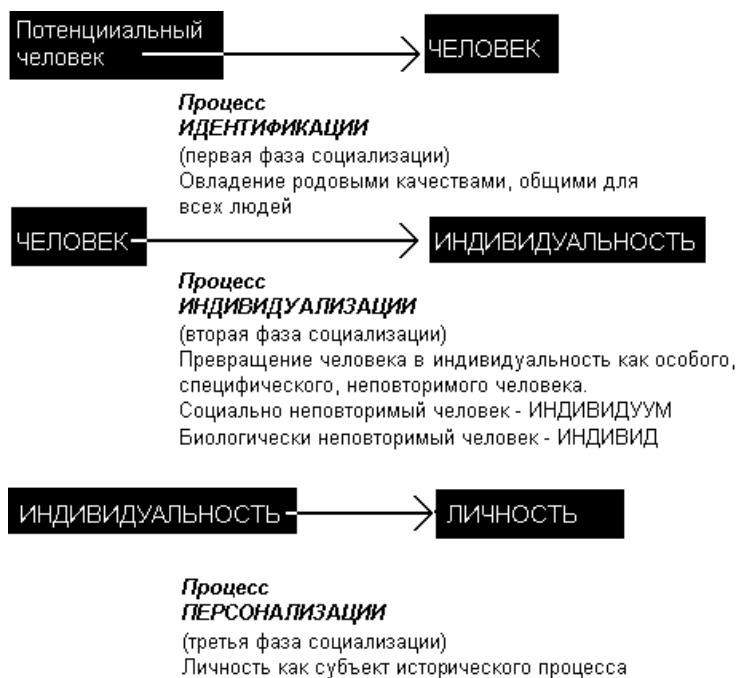

Рис. 112.

Таким образом, мы видим три фазы социализации и как результаты этих фаз три модификации бытия человека.

В чем важность выделения трех процессов для педагогики? В том, что мы постоянно наблюдаем в результатах всего института педагогики: она не доходит до проблемы формирования личности. По сути, она никогда и не сможет этого сделать, пока процессы развития не будут подкреплены процессами саморазвития личности, ибо личностью человек в значительной мере становится сам. Но для этого он должен получить такую стартовую культуру, которая выступала бы достаточным базисом для успешного развития процесса.

Как только субъект начинает осознавать себя частью человечества, а свои цели формулировать в соответствии с целями истории, мы получаем личность. Интересы личности могут не совпадать с интересами его класса, с узкими задачами его времени, личность может вообще оставаться в одиночестве, но, преследуя общечеловеческий интерес, постигая смысл истории, личность движет историю.

Личность отличается тем, что ее культура делает ее независимой в постановке целей, ее смысл жизни есть смысл истории. Недаром в последнее время бытует печальный афоризм: индивидуальностей стало много, но личностей не видно. Увы, наша педагогика едва ли доросла до формирования индивидуальностей, да и то в лучших своих проявлениях, но вопрос о формировании личности выхолостился, исчез из нее.

Ценностное и оценочное отношение

Культура постоянно связывается в нашем сознании с ценностным отношением, поэтому определимся предварительно именно в этом вопросе. Отношения человека и предмета носят

объективный характер, в том числе и ЦЕННОСТНОЕ ОТНОШЕНИЕ “человек — предмет” объективно. Объективно ценно все, что работает на векторность прогрессивного развития. Совершенно иное дело — наше субъективное отношение к ценностям объективного плана. Здесь мы имеем дело с ОЦЕНОЧНЫМ ОТНОШЕНИЕМ субъекта к объективным ценностям. Субъект может принимать или не принимать объективных ценностей — это его дело, его взгляд на вещи. Отразим это на схеме:

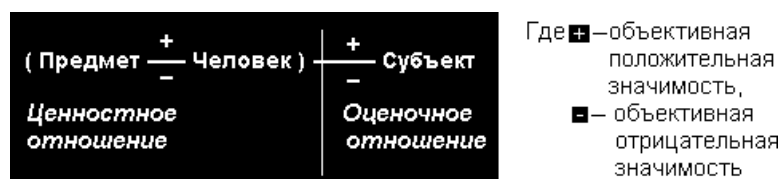

Рис. 113.

В чем тут дело? Субъект, как мы неоднократно подчеркивали, не целостный человек: это — частичный человек, субъект есть функция человека. Историческая специфика разделения труда приводит к деформации субъективного оценочного отношения (групповой интерес, частичный интерес) по отношению к объективному ценностному. Объективная ценность — это ценность, исторически совпадающая с общечеловеческой. Поэтому значимым (положительная объективная ценность предмета для человека) является только общеродовое, общечеловеческое, а незначимым (отрицательная значимость предмета для человека) является объективно все остальное.

Ценность воспринимается нами в модификациях: предмет мы рассматривали с точки зрения меры предмета (единство количества и качества) так же, как и человека — с точки зрения меры человека (единство количества и качества), а соотношение мер — как раскрытую ценность.

Педагогическая деятельность и культура

Теперь мы можем перейти от функций педагогической деятельности к самому существу. Педагогическая деятельность есть деятельность по созданию готовности личности к деятельности. Она транслирует культуру общества в культуру личности. Но мы ни словом не обмолвились о том, что же такое культура. Мы говорили лишь о механизме трансляции, о функциях.

Во-первых, зачем личности культура? Для деятельности. В своей деятельности личность, обладая готовностью к ней, создает прибавления к культуре общества, обогащает ее. Это — непрерывный процесс накопления и трансляции культуры, имеющий явно выраженную тенденцию перехода от дискретности (научили в школе или в ВУЗе — и далее на этой базе субъект осуществляет деятельность в обществе) к непрерывному развитию (постоянное развитие человека и в производстве — повышение квалификации, и вне производства, иначе личность регрессирует). Западная система экономики просто вынуждена это делать: непрерывное развитие работников подхлестывается конкуренцией. Но и она здесь сталкивается со всеобщим моментом целостности человека: невозможно качественно развивать специалиста как специалиста, не развивая его всесторонним образом и за пределами специальности. Непрерывное развитие нужно воспринимать не как уступку упрямой человеческой природе, а как единственную цель, которая только и может привести к интенсивному росту и производительности труда в том числе. Отразим это на схеме:

Рис. 114.

Обратимся к определению культуры. Культура — это искусственные социальные образования, использование которых может придавать им объективные значения ценности или антиценности [М6; 85]. Сама по себе культура — это ценность, созданная во имя реализации родовых сущностных сил человека. Но различные исторические социальные силы могут использовать достижения культуры для позитивных или негативных целей (мотивация). В силу этого культура имеет две формы бытия: позитивную и негативную. Именно цели делают культуру позитивной и негативной. Порох есть объективная ценность, но зачем тебе порох? Лук есть позитивная ценность, но для чего тебе лук и стрелы: для охоты или для войны? Отрицательной, негативной является, таким образом, не сама культура (ее явления — **культураемы**), а способ ее использования, например фашистское использование, не совпадающее с направлением прогресса истории.

К антикультуре относятся субъекты, отрицательно использующие культуру и результаты их негативной деятельности. В уже известном нам плане в культуру входят все компоненты деятельности (субъект, объект, средства, процессы, система, среда, условия, результаты), а также все социальные образования (социальные институты и отношения, деятельность, потребности и способности) — и все эти элементы должны быть взяты нами в их позитивном значении. Следовательно, **культура — это позитивный социум**.

Соединяя теперь наше понимание личности с нашим пониманием культуры, сформулируем, что есть **система культуры личности**: это — система (единство состава и структуры) позитивных социальных образований личности (субъекта исторического процесса).

Возвращаясь к нашим схемам, теперь мы можем достаточно точно обозначить, где здесь располагаются искусственные социальные образования (культура общества) и насколько они **изоморфны** культуре в личности. При этом мы обнаружим в культуре те же три блока, которые существуют и в культуре личности, а именно — **информационные, операциональные и мотивационные** образования:

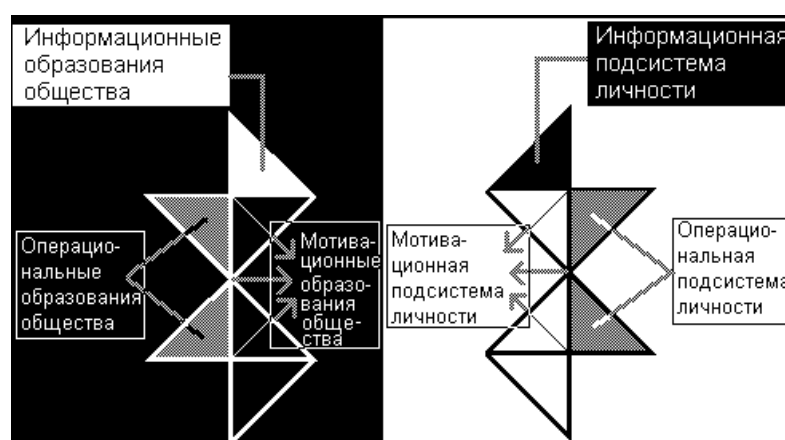

Рис. 115.

Спецификация информационной, операциональной и мотивационной культуры личности осуществляется за счет конкретизации типов, видов, форм, сфер культуры. Мы всегда выделяем конкретность: экономические знания — экономическое образование как педагогический процесс, эстетическое воспитание (как часть эстетического развития) и т.п. Однако такая спецификация является уже предельно конкретной, мы же должны последовательно подойти к выделению типов культуры.

Три типа культуры и девять ее видов

1. **Мировоззренческая культура**, имеющая идеологический характер (знания, умения и установки в системе мировоззрения), позволяет охарактеризовать человека как социально зрелого ГРАЖДАНИНА.

2. **Общая культура**. Это — общечеловеческая культура, которая существует вне зависимости от профессиональной или идеологической дифференциации общества. Она имеет

значение базисов, так как только на ее основе и формируется профессиональная и идеологическая культуры. В соответствии с составом уже известных нам составляющих цивилизации мы можем выделить естественнонаучную (природа), гуманитарную (человек), техническую культуры общества (технос). По поводу обществоведческой (социум) культуры заметим: в науках (не путать с культурой) выделяется раздел общественных (иногда социальных) наук, что можно отнести как раз к *мировоззренческой культуре*.

Наличие у человека общей культуры позволяет характеризовать его как всесторонне развитого ИНТЕЛЛИГЕНТА.

3. **Профессиональная культура** (профессиональные знания, умения и установки) характеризует личность как СПЕЦИАЛИСТА.

Это можно показать в виде матрицы “девятка культур”:

ТИПЫ	БЛОКИ		
	знания	умения	установки
Мировоззренческая культура	1	2	3
Общая культура	4	5	6
Профессиональная культура	7	8	9

Рис. 116.

Итак, на предыдущих схемах мы подвели к звезде деятельности знания, умения и установки личности (культура личности), с другой стороны, — искусственные социальные образования (культура общества). Теперь мы должны типологически модифицировать ее *по трем типам культуры* (как в обществе, так и в личности). Это можно показать на схеме звезды деятельности в объемном виде:

Рис. 117.

Итоговой (полной) можно назвать такую готовность личности к деятельности, которая составляет указанные девять блоков. При внимательном анализе можно обнаружить их определенную иерархию. Во-первых, по типам культур первичной является общая культура: на ее основе образуются и мировоззренческая, и профессиональная. Объем общей культуры (то есть всего, что накопило человечество за свою историю) никогда не работает в обществе полностью, а проявляется через актуальное ядро, поэтому иногда говорят о соотношении **актуальной и потенциальной** культуры.

Если раскрыть состав профессиональной культуры, то мы обнаружим в нем восемь культур, связанных с существованием восьми родов деятельности (внутренняя типология профессиональной культуры). При всем том, что каждый тип культуры обеспечивается и знаниями, и умениями, и установками, соотношение между составляющими в каждом типе культуры разное. Так, общая культура в большей степени содержит в себе знания, мировоззренческая культура — установки, профессиональная культура — умения и навыки. В принципе мировоззренческие и профессиональные знания есть модифицированные общекультурные (в первом случае эти знания содержат установки, во втором — они являются знаниями, обращенными на практику). Проникновение мировоззренческих установок в два других типа тоже вероятно: это — общекультурные установки и профессиональные установки. Наконец,

профессиональные навыки обеспечивают собой в модифицированном виде операциональность и общей, и мировоззренческой культур. Здесь явно просматривается векторная, направляющая, роль мировоззренческих установок. Мы постараемся показать, что соотношение актуального и потенциального ядра у культуры как раз и регулируется мировоззренческими установками в динамике.

Остается зафиксировать **внутреннюю типологию** трех типов культур.

1. ОБЩАЯ КУЛЬТУРА

- 1.1. Естественно-научная культура.
- 1.2. Гуманитарная культура.
- 1.3. Техническая культура

2. МИРОВОЗЗРЕНЧЕСКАЯ КУЛЬТУРА

- 2.1. Философская культура.
- 2.2. Политическая культура
- 2.3. Правовая культура
- 2.4. Нравственная культура
- 2.5. Эстетическая культура

3. ПРОФЕССИОНАЛЬНАЯ КУЛЬТУРА:

- 3.1. Экономическая культура.
- 3.2. Экологическая культура.
- 3.3. Физическая культура.
- 3.4. Медицинская культура.
- 3.5. Управленческая культура.
- 3.6. Педагогическая культура.
- 3.7. Научная (исследовательская) культура.
- 3.8. Художественная (эстетическая) культура.

Итак, в развернутой типологии мы получаем единицы (развернутые типы) культуры, каждая из которых содержит в себе по три блока (знания, умения, установки), что в совокупности порождает задачи полноценной педагогической деятельности.

Р.И. Никифоров выделяет такую **последовательность связи деятельностей по отношению к практике**:

НАУКА
 (ИСКУССТВО) —>
 ПЕДАГОГИКА —>
 ПРОЕКТИРОВАНИЕ —>
 ПРАКТИКА
 (ПРОИЗВОДСТВО —>
 ПОТРЕБЛЕНИЕ —>
 (ЭКСПЛУАТАЦИЯ)

На все эти связанные деятельности оказывает влияние управление (и обмен). Этот взгляд демонстрирует ту реальность, которая существует в организованных общественных формах. Здесь фиксируется, поскольку автор — социолог, обеспечение практики поначалу теоретической моделью, затем — готовностью субъекта, а позже — опредмеченной моделью.

Выдвинутый ГИСИ закон взаимоопрокидывания деятельностей друг на друга значительно шире трактует проблему: любая деятельность должна быть окружена семью другими. Ответ на вопрос: как конкретно иерархически должны связываться деятельности? — дает лишь реальная ситуация. Внедряясь в конкретные структуры, можно рассматривать сложившуюся связку деятельностей например.

Культура личности, повторим еще раз, не мертвый капитал, она необходима только для деятельности. Во всесторонней деятельности личность раскрывает весь свой человеческий потенциал. Поначалу люди воспринимают это как некую лишнюю добавку, как нагрузку: еще что-то заставляют делать! Поэтому от необходимой формы надо переходить к самостоятельной.

4.2.6. Функции управленческой деятельности в ее сфере

Перейдем теперь к вопросам управленческой деятельности, которая специализируется в обществе на **актуализации готовности личности к деятельности**. Если педагогика транслировала культуру общества в культуру личности, то управление в любой деятельности имеет дело с ранее подготовленной личностью, способной выступать в качестве субъекта деятельности. И нас будут интересовать специфические функции управленческой деятельности и самостоятельности.

Начнем, как принято, с определений. Понятие “управление” дает нам достаточно широкий спектр типов управления. Однако в рамках нашей системы (абиотические системы, биотические системы, социальные системы) мы можем выделить, соответственно, три типа управления: управление в технике, управление в биосистемах и социальное управление. Говоря об управленческой деятельности, мы имеем в виду именно социальное управление, *управление в социуме*. Но приведем наиболее общее определение управления, касающееся всех трех типов: “Управление есть сигнально-информационное взаимодействие одной материальной системы с другой, приводящее к изменению состояния одной в соответствии с программой другой”. Здесь существенно, что акцентируется именно информационный аспект (не вещество и не энергия). Второй аспект состоит в наличии программы как информационно-сигнального накопителя, посредством которого одна система действует на другую. В технике эти программы — алгоритмы действия. В биосистемах это — генетические программы. В социальных системах это — социокультурные программы.

Если перейти к схемам, то в известном нам “модуле деятельности” в качестве объекта управления в обществе выступает другая система деятельности:

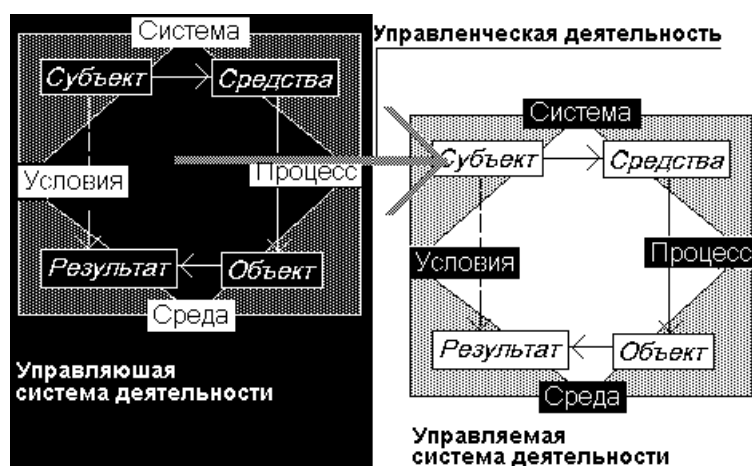

Рис. 118.

«Социальное управление — это сигнально-информационная деятельность по актуализации готовности субъекта любой деятельности с целью оптимизации последней». Целью социального управления является актуализация готовности субъекта управляемой деятельности, приведение в деятельностное состояние его знаний, умений и установок. Опосредованной целью является оптимизация любой деятельности, на которую направлено (как на объект) данное управление.

Сосредоточимся на содержательном исследовании управленческой деятельности, а именно: на **функциях управления**. Если не учитывать дробных и многочисленных управленческих операций, а говорить именно о фундаментальных, всеобщих *функциях* (которые обнаруживаются

при анализе любых проявлений управленческой деятельности и в любой момент истории), то их насчитывается пять.

1. **Планирование** — это функция управления, состоящая в выработке программы деятельности субъекта и объекта управления.

2. **Организация** — это функция управления, состоящая в выработке системы деятельности управления и исполнения.

3. **Руководство** — это функция управления, состоящая в принятии управленческих решений с целью направления деятельности субъекта и объекта управления в русло реализации программы.

4. **Контроль** — это функция управления, состоящая в осуществлении обратной связи субъекта управления с объектом.

5. **Регулирование** — это функция управления, состоящая во внесении корректив во все функции субъекта и объекта управления. Данная функция работает при всевозможных отклонениях от цели, при расхождении реальных условий и идеальных программ: это — корректировка, поправка, корреляция.

Мы уже можем ответить на вопрос о месте управленческой деятельности в принятой нами системе. Если наука сосредоточена на обобщении и обращении информации, а педагогика — на трансляции, то специфика управления состоит в обращенности на практику, причем обращенность опирается как на науку (исходное знание и социокультурные программы) и ее результаты, так и на педагогику и ее результаты (готовность).

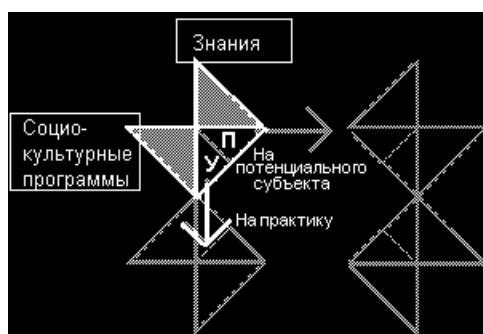

Рис. 119.

В управленческой деятельности, во всех ее функциях, мы наблюдаем определенную связь таких понятий, как **цель, задача, план, программа**, которые в совокупности группируются вокруг основного понятия “результат” (той деятельности, на которую как на объект направлено управление). Независимо от рода деятельности можно говорить о результате как единстве количества и качества: результат предстает как мера. В более узком смысле результат выступает в процессе деятельности по его производству как норма.

Характерно, что процесс существования нашего результата есть последовательный **процесс становления, бытия и деградации результата**. Это приоткрывает очень полезный практически ракурс бытия результата.

Если воспользоваться упоминавшейся системой Р.И. Никифорова, следует сказать: первичное становление результата (возникновение) есть качество в минимальном количестве, т.е. обращенное научное знание (фаза I). Далее это обращенное знание воплощается в проектную модель, где качество выступает уже в большем количестве, как модельное опредмечивание (фаза II). Наконец, в процессах производства в любой деятельности результат, имеющий вид документации, модели и т.п., соединяется с управляемым процессом деятельности, управление выступает как программа, план, задание и как управленческие руководящие воздействия с обратной связью — и качество воплощается в конце этого производственного цикла в требуемое количество, в меру (фаза III).

Далее этот результат уже потребляется и эксплуатируется, то есть выходит за рамки данной деятельности по его производству. Здесь он выступает как компонент иной деятельности, и в этом — суть его потребления. В процессе эксплуатации постепенное накопление ошибок,

износ, моральное и физическое старение этого результата приводят к деградации, т.е. он утрачивает свои полезные свойства, в результате чего исчезает. Исчезает его качество, в котором мы имели определенную потребность в этом результате, продукте (фаза IV). Практически в качестве содержится знание об объекте, о его мере, о способе достижения этой меры. В этом единстве производства и потребления как процессов мы наблюдаем фазы количественно-качественного движения результата в фазах:

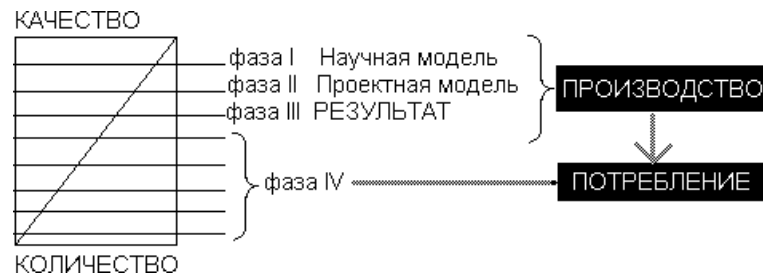

Рис. 120.

Если говорить о самом процессе производства, т.е. о деятельности (на которую направлено управление), то нужно отметить: получение окончательного результата происходит в процессе осуществления ряда операций, имеющих свои промежуточные результаты (промежуточные нормы). Причем **норма** есть определенность количественно-качественных показателей (промежуточных результатов) в определенное время:

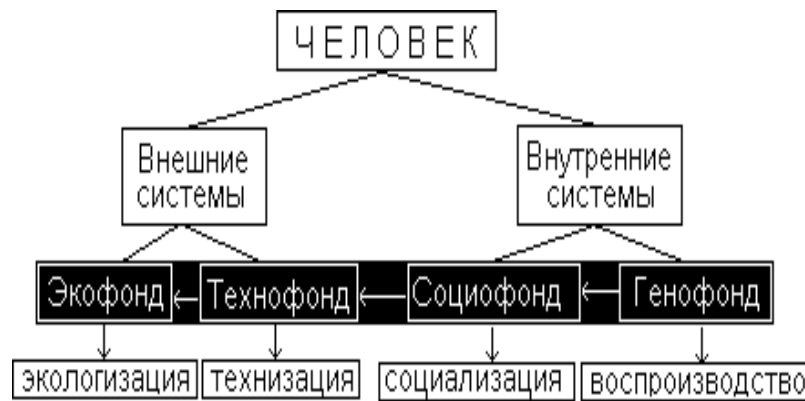

Рис. 121.

Промежуточные результаты есть собственные фазы количества — качества только в процессе производства, в процессе деятельности. Именно они нас интересуют, ибо управленческая деятельность привязана к ним.

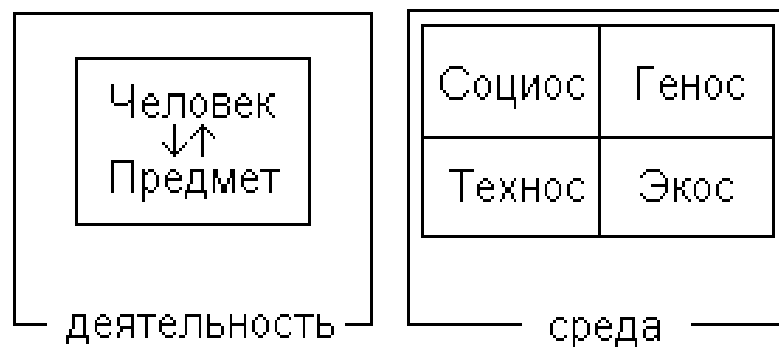

Рис. 122.

Естественно, для демонстрационной ясности можно соединить фазы «количество — качество» с нормативным результатом:

Рис. 123.

В **продукте** — в положительном результате — можно выделить как материальный носитель, *материальный продукт*, так и *идеальный продукт*. Важно подробно на этом остановиться: проектирование как модельное опредмечивание содержит в себе возможности для того и другого, т.е. проектируется не только будущая вещественность продукта, но и идеальный продукт и способы его потребления. Как мы знаем, именно идеальный продукт связан с удовлетворением духовных потребностей через их материализацию. Долгое время на этот аспект не обращали внимания, например в дизайне внимание концентрировалось на форме и ее грамотном функционально-композиционном решении.

Мы уже достаточно обращались к вопросу специфики управленческой деятельности при выведении системы деятельности. Рассмотрим теперь наши модели с позиции функций управленческой деятельности.

Операции планирования связаны в первую очередь с разработкой модели результата. Из приведенного ясно, что модель результата не может быть просто моделью его материального носителя. В контексте треугольника нормативности заметим: первично выработка управленческих решений должна опираться на детерминацию, т.е. на накопленное знание объективных законов, детерминант, которые нельзя обойти, а можно только учитывать. Как мы выяснили, объективные законы оставляют достаточно возможностей для их ценностной ориентации, что выражается в системе общественных идеалов и целей (а за этим стоит система общественных, социальных отношений). Именно от идеалов общества и привносится в управленческое решение, в модель результата, та его часть, которую мы назвали идеальным продуктом. Здесь достаточно простое соотношение: в продукте его содержательная сторона и есть его идеальное, формальная сторона — его материальность. В процессе потребления произойдет распределение продукта, т.е. потребление либо удовлетворит действительные потребности человека (связанные с его всесторонним развитием), либо будет развита его частичная потребность (что приведет к новому развитию частичности человека, к деформации его истинных потребностей). В дизайне выделен специальный социологический принцип, перекладывающийся на определенную совокупность критериев. Говоря о любой другой деятельности, мы можем достаточно расширительно трактовать данный принцип как присутствующий в операции планирования в любой управленческой системе. Как бы ни казались отдаленными друг от друга социологические исследования и вполне определенный план и проект, они являются звеньями одной цепи. Эта очевидность ускользает из нашей практики управления только в силу сугубо технократической ориентации управления на совершенствование не своих целей, а своих процедур.

Стратегический уровень планирования есть выработка дерева целей данной системы деятельности.

Цели, как мы показали ранее, являются производными от определенных проблем, соотношенных с идеалами и возможностями. **Цели** есть векторно сориентированные социокультурные программы.

Директивы перекладывают эту развернутую всеобщую цель на возможности общества в данный исторический момент.

Программа есть теория, обращенная в метод и переложенная на язык управления, на социокультурное программирование. Укажем ее место на схеме:

Рис. 124.

Основное содержание программы — это способ достижения целей (метод, превращенный в способ, идеалы, обращенные в цели, т.е. конкретизация). В процессе деятельности управленческой системы именно программа производит управленческие установки, именно по отношению к программе, а не к планам происходит корректировка (регулирование). Способы достижения целей в виде программы есть в то же время конкретизация социальных отношений, их действующая форма.

Мы упомянули *дерево целей* в программе. Это — специфический «программный» термин, за которым стоит простая иерархическая структура, о которой речь — чуть ниже. Дерево целей, совокупность целей не есть полная программа — необходим еще способ достижения каждой цели.

Итак, программа — это верхний уровень стратегического планирования. Для того, чтобы стать планом, программа должна быть развернута во времени и «опрокинута» на наличную систему деятельности с ее возможностями. Как правило, серьезные государственные программы или программы крупных фирм не столько учитывают уже имеющуюся систему, сколько сами закладывают под цели наиболее эффективную *целереализующую систему*.

Мы останавливались на проблематике программирования и проектирования вкратце, чтобы указать на их место в системе управления. Но можно подойти к этому и подробнее.

Программно-целевой подход

В науке об управлении сравнительно недавно сформировался фундамент, состоящий из определенной системы взглядов, который теперь принято обозначать как “программно-целевой метод”, или “подход”. Идеи этого метода сложились в таких трех направлениях, как кибернетика, теория организации и техническая теория управления.

Программно-целевой метод как система взглядов позволяет получить *рекомендации* для управления и *планы* для практики. Он демонстрирует, как надо распорядиться теми рычагами управления, которые есть в наличии, для того, чтобы обеспечить выполнение программных установок, чтобы превратить их в перечень мероприятий и создать механизмы хозяйственного управления, обеспечивающие из реализацию (Н.Н. Моисеев).

Принятие программного подхода ставит задачу *создания системы управления процессами их реализации*. Любой сбой в исполнении программы тормозит достижение целей. В этом состоит ограничение в использовании программно-целевых методов, они требуют концентрации власти и развитой исполнительной дисциплины.

Существование программно-целевого метода

Программно-целевой метод эффективен, когда нужно **связывать цели с механизмами реализации**.

Он отличается как от *адаптивных методов*, применяемых в условиях ранней рыночной экономики, так и от идей *математических методов оптимизации целевых функций*. Главное в этом методе не оптимизация отдельных показателей, а увязывание их в единое целое. Целевые функции, ясное понимание целей, которые надо достичь, стоят здесь во главе угла. Не секрет, что за поисками оптимизации отдельных функций и совершенствованием операций планирования часто теряются цели.

Не очень точная характеристика “целевой” появилась в программно-целевом методе не случайно. Она подчеркивает отличие той *технологии планирования*, которая специфична для данного метода. При освоении новых сфер деятельности традиционное планирование “от достигнутого” становится тормозом развития системы.

Процесс выбора целей системы требует, во-первых, ее тщательного изучения, во-вторых, выработки и сравнения нескольких стратегических альтернатив развития системы. Результатом этой работы становится определенное решение, которое представляет собой совокупное мнение, выработанное группой ответственных лиц. Его принято обозначать как “цель”. Отбирая из нескольких целей наиболее приемлемую, оптимальную, мы получаем доктрину.

Доктрина отличается тем, что ей обязаны неукоснительно следовать все подсистемы данной системы. Следовательно, доктрина приобретает все признаки закона для развития системы.

Промежуточным звеном между целью и доктриной можно назвать **директивы**, имеющие признаки и того и другого.

При переходе на уровень задания системы целей мы получаем программу. Затем программа превращается в долгосрочные и более локальные планы. Одновременно с программой разрабатываются меры по ее реализации, включая реализацию планов.

Несколько слов об этапах реализации программно-целевого метода

Первый этап применения метода — создание группы, которая выделяет и выбирает цели системы. Ее функции: прогнозы, экспертные оценки и машинная имитация реальных процессов.

Прежде, чем дело дойдет до определения доктрины, управляющий должен представить себе весь ход событий в альтернативных вариантах. Имитационная система разрабатывает определенный сценарий и затем настраивается на него. Всегда существует сумма контролируемых факторов, которые поддаются прогнозу, и неконтролируемых факторов, по поводу которых могут существовать гипотезы. В этом и состоит особенность второго этапа.

Третий этап — построение математических моделей прогнозов и применение их в сочетании с экспериментами для проверки гипотез.

Четвертый этап — процесс отработки доктрины.

Все последующие этапы подчинены задачам достижения основной цели, принятой за доктрину. На этом пути характер задач меняется. Можно сказать, что тут мы только вступаем в собственно программирование. Доктрина превращается в **дерево целей**, процедуры выработки этого дерева целей (функций, целевых функций системы) достаточно отработаны.

Построение дерева целей может быть остановлено на нужном уровне, в зависимости от того, для какой организации создается программа. **На стратегическом уровне** это — крупная детализация, **на тактическом** — степень детализации целей более подробная, а на уровне **оперативного управления** это — очень подробная развертка, где верхние ярусы целей систему, как правило, не интересуют. Можно говорить и о совокупности подпрограмм, составляющих программное целое, а также о степени детализации в их разработке.

Сразу следует отметить, что в социальном программировании не может существовать одной программы. У общественного механизма всегда много целей. Даже в рамках города вопрос приходится ставить о совокупности программ. Одна неизбежно тянет за собой сумму прочих. Это связано с тем, что целей у социальной системы много, а **источник ресурса один**, например бюджет города. Отсюда возникает следующий важный этап: увязка между собой совокупности целей, согласование ресурсов. В программно-целевом методе это обозначается операцией **“наложения планов на мощности”**. В процессе планирования уточняются задания, согласуются директивные сроки, детализируются этапы выполнения задания для различных подсистем и для их территориального распределения.

После принятия планов происходит детализация их по периодам (год, квартал и т.д.), затем планы приобретают характер закона деятельности всех подсистем.

Последний этап программно-целевого метода — **отработка механизма реализации программы на самом нижнем, внедренческом, уровне**. Это — особая совокупность механизмов, направленная на побуждение людей к максимальной отдаче.

Этап реализации программы. Это — управленческий процесс, требующий очень гибкой, предельно **мобильной структуры управления**. Для разработки и управления программой необходима специальная “межведомственная” организация. Кроме того, возникает необходимость в создании **службы программы, имеющей** надведомственный характер.

Возглавлять такую службу должен один человек, которого назовем руководителем программы. Руководитель программы должен иметь специальные права для ее внедрения. Чаще всего руководителям программ приходится искать специальные организационные формы для соединения усилий различных ведомств.

В теории организации существует понятие “**матричной структуры управления**”. Это сочетание отраслевого принципа управления (управление по вертикали) с межотраслевым (управление по горизонтали).

В штаб входят: аппарат руководителя, рабочая группа при нем, орган системного анализа программы, система автоматизации.

Аппарат несет функции оперативного отдела штаба, осуществляет связь с организациями, готовит информацию руководителю.

Рабочая группа — это ядро штаба, состоящее из представителей ведомств, участвующих в реализации программы, и ведущих специалистов. Это — орган, способный всесторонне обсуждать состояние дел и выдвигать альтернативы. **Это — мозговой центр программы.** Такая группа должна быть снабжена средствами обработки и визуализации информации, позволяющими вести анализ альтернатив в режиме диалога. Она определяет как стратегию программы, так и оперативно увязывает межведомственные противоречия. В программном внедрении не должно быть ни заказчика, ни исполнителей. Между наукой и управлением в данном случае не должно быть дистанции.

Для подготовки и анализа вариантов решения вводится **орган системного анализа программы** (в крупных программах это бывали даже институты — ИСА).

* * *

Программно-целевой подход выражается не только в качественном определении целей и проблем (**проблемно-целевой ромб**). Необходимо ввести и количественные показатели. По традиционной схеме цели и задачи всех подразделений инфраструктуры переводятся в их планы, определяется необходимый свод затрат (**бюджет программы**).

4.2.7. Функции научной деятельности в ее сфере

Перейдем теперь к функциям научной и художественной деятельности. Если их функциональные особенности объединить, можно выделить самый существенный признак — **моделирование**. В совокупности научная и художественная деятельности изоморфны единой деятельности мозга по отражению действительности. Их отличие состоит в том, что они имеют в качестве результата разные абстрактные носители, в которых и содержатся модели. В человеке все его функции интегрированы, целостны: отражая, человек одновременно и развивается, и самоуправляется. Материальные продукты он производит вместе с тем и духовно. Во взаимодействии “человек — предмет” есть два момента: движение от человека к предмету (преобразовательная деятельность) и движение от предмета к человеку (отражательная деятельность). Отражательная деятельность поляризуется в соответствии с двойной способностью человека отражать мир на научную (или научно-познавательную) и художественную. За этим стоит не только специализация двух полушарий, но и специализация деятельностей в обществе. То, что едино в самом человеке, в обществе осуществляется раздельно.

Научная деятельность — это деятельность по познанию законов и свойств реального мира, по построению научной картины мира, по производству знаний или построению теоретических моделей мира.

Художественная деятельность — это деятельность по созданию произведений искусства, художественных ценностей, по построению образных моделей мира.

Но нам уже известно, что отдельной научной деятельности мы в профессиях не обнаружим. Если говорят о человеке как об ученом, то обязательно указывают, чем он занимается, его сферу. Как всякая родовая деятельность и научная, и художественная есть константная, устойчивая в истории, но проявляющаяся в форме модификаций. Здесь хорошо виден всеобщий закон изменчивости и устойчивости: изменчивость (модификации) есть условие постоянства, константности. Каждая из деятельностей имеет множество видов, образующихся на основе ограниченности своих зон, сфер, исторически конкретного деления на эти зоны. Так, в научной деятельности мы имеем четыре вида, в соответствии со спецификой предмета.

1. Естествознание (науки о природе).
2. Технознание (науки о техносфере).
3. Обществознание (науки об обществе, о социуме).
4. Человековедение (комплекс наук о человеке).

Подобное деление принято на наших схемах, именно эти четыре вида мы называли на всем протяжении нашего изложения:

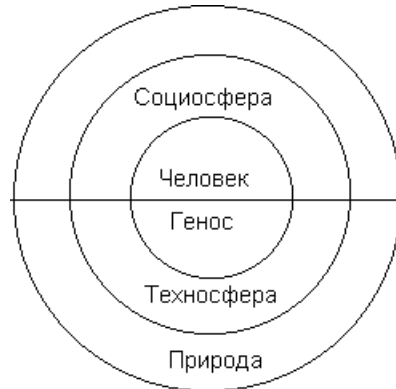

Рис. 125.

Разумеется, они не существуют как отдельные, более того, оказываются зыбкими и границы исследований (изучать человека вне общества или технику вне общества нельзя), однако это — самостоятельные области знания. Как известно, существует и ряд **интегративных наук**, как находящихся на стыке указанных сфер, так и относящихся ко всем сразу. **Вышей из таких наук является философия.**

Прежде чем подробнее остановиться на **функциях философского знания**, надо указать на определенную опасность (имеющую место в практике) абсолютизации тех или иных сфер знания. В последнее время много говорят о необходимости человековедения, однако пока эта сфера как бы и не существовала в науке. Поэтому можно выделить такие подходы:

Рис. 126.

Каждому из этих подходов к проблеме свойственна ограниченность, на которую приходится наталкиваться исследователям. Тогда в интересах практики возникают **парные подходы**:

- 1) природно-социальный подход;
- 2) социотехнический подход;
- 3) природно-технический подход;
- 4) природно-гуманитарный подход;
- 5) социогуманитарный подход;
- 6) человеко-технический подход.

В пределе их объединяют в **цивилизационный подход**, в котором происходит поэтапное объединение проблематики: природо — техно — социо — гумано. Но и здесь неразработанность проблематики человека приводит к сложностям. А между тем на вопрос: что является целью развития цивилизации? — существует только один ответ: человек. Однако человека в науке мы пока не обнаруживаем, особенно в подходах к решению проблем при помощи науки. Стоя на позициях деятельностного подхода, мы как раз и исходим из самого человека, движемся по пути создания человековедения.

Функции философии

У философии есть три функции внешнего типа: **мировоззренческая, идеологическая и методологическая.**

Философия является теоретической **основой мировоззрения**, т.е. *системы знаний о мире в целом.*

Но на современном этапе очень существенно отметить, что философия выполняет также и функцию **отношения** к этому миру, т.е. является *основой той или иной идеологии.*

Мировоззренческая и идеологическая функции различаются, но в некоторых случаях они совпадают.

Философия строит свое здание на материале тех же четырех видов научного знания, однако она обращается к эмпирическому и теоретическому материалу конкретных наук для построения целостной картины мира. В связи с этим сама философия выступает как **общая методология науки**, как система осмысленных **методов** познания мира и развития научного знания. Философия методологически рассматривает частные науки, исследует частнонаучные методы для углубления своего же метода. Союз философии и естествознания давно стал нормой и традицией, и этого пока нельзя сказать об отношении ее к техническим наукам, к социальным и к гуманитарным областям знания.

Нельзя сказать также, что в мировой философской мысли эти проблемы не фиксировались, но опыт создания всеобъемлющих систем, как, например, у Аристотеля или Гегеля, встречался не часто. Проблему **интегрирующей способности философского знания** считают устаревшей, однако иного способа интеграции на уровне мировоззрения у человечества нет. Существуют попытки в ряде новых научных комплексов по иному подойти вообще к проблеме знания, категорий и выделению инвариантов, но они не подменяют философской проблематики.

Философия в данном качестве осмысливается нами не случайно: во все времена к ней относились как к «**науке наук**», как к **науке вообще**. Всякое знание так или иначе исходит из знания философского, в конце концов обобщается той или иной философией. Возникнув из философии, науки снова «сойдутся» в ней же, рано или поздно наука восстановит свое утраченное единство.

И не только все науки должны слиться в единую науку, но и все искусства — в свое новое единство, а их разрозненность — восстановиться в новом синкретизме. Но движение к этому имеет диалектическую природу: дифференциация — интеграция, разведение — схождение воедино.

В контексте такого понимания науки выясняется, что **как деятельность** (научная деятельность) **наука выполняет две функции**, и мы о них говорили: **наука есть мировоззрение, и наука есть методология по отношению к практике.** Таковы же и функции философии по отношению к конкретному знанию (здесь сходство уровней, как в управлении: стратегия, тактика, оперативность):

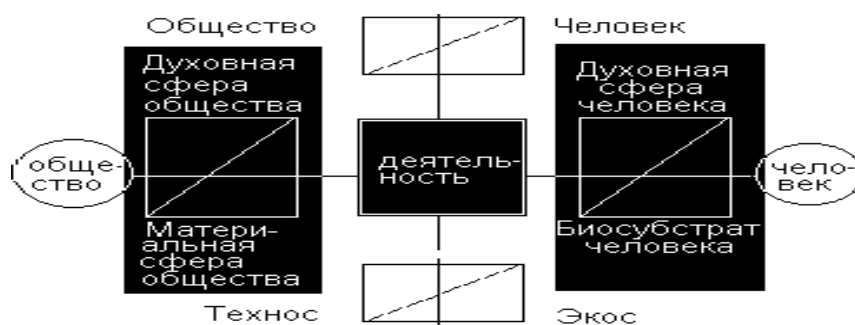

Рис. 127.

Мы постоянно использовали при построении схем два типа знаний: теоретические модели мира и социокультурные программы. Здесь очевидна связь с двумя функциями науки вообще и философии в частности:

— **мировоззрение** фиксируется в форме нейтральных (**внеценностных**) теоретических моделей;

— обращенность знания на деятельность, алгоритмы деятельности возникают как знание (в том числе и **знание как обобщенный опыт**);

— обращенное в метод (и тоже нейтральное, о чем мы уже говорили при освещении культуры).

Нейтральность в данном случае берется во внимание *по использованию в целях*, так как в действительности ценностью обладает все положительное, то есть истинное знание. *Истинное знание обладает значимостью*, неистинное — ею не обладает.

Когда же мы говорим о ценностях, **об аксиологическом аспекте знания**, мы уже имеем в виду определенность идеологии, идеологическую функцию философии. Любое знание должно быть соотнесено с философским — и только так мы можем говорить о его ценности. Физическая картина мира, например, абсолютно нейтральна и не зависит от нашего отношения к ней. Но, как только она определенным образом **тракуется** — диалектически или метафизически, материалистически или идеалистически, — вокруг нее начинается борьба идеологий, открытых социальных отношений. Наука нейтральна в своей сущности, но ученый не может быть нейтральным и безучастным наблюдателем. Ученый еще и гражданин, и проявляется это рано или поздно, как в случае с А. Эйнштейном и атомной бомбой.

Мы уже акцентировали внимание на **обращенности знания на деятельность**. Чтобы подчеркнуть нейтральность методологического аспекта, приведем простой пример с компьютером: алгоритмы могут лучше или хуже соответствовать целям деятельности, но в них самих мы идеологии не обнаружим. Методология измеряется целесообразностью, однако сами цели производны от общественных отношений, имеющих идеологическую окраску. Как и ученый, методолог сталкивается с этим.

Очевидно, существует прямая связь между выделенными **тремя функциями научного знания** и тремя функциями педагогики. Это сходство настолько лежит на поверхности, что пройти мимо него может лишь слепой. А между тем наша Академия педнаук применяет формулу ЗУН: знания + умения + навыки. Мы уже знаем, что умения и навыки — модусы, различные по выраженности проявления операциональной сферы психики человека. Поэтому, если свести формулу ЗУН к ее грамотному виду, из функций педагогики мы имеем только две: знания + умения. Здесь не фигурирует процесс воспитания, формирования установок, *создания мотивационной подсистемы психики обучаемого*. А следовательно, никак не обеспечивается идеологическая функция — ее просто нет, раз нет установок и целенаправленно формируемого процесса воспитания. Чисто теоретические разногласия оборачиваются практической беспомощностью нашей педагогики: мы явно наблюдаем повсеместную деградацию идеологических установок, идеалов, ценностей. Разумеется, в первую очередь они были выхолощены именно в управлении, но их нет и в педагогике. Сейчас эта тенденция приобретает угрожающий характер: идет ориентация на умелого и образованного специалиста. Свято место пусто не бывает: если педагогическая деятельность не формирует никакой идеологии, она будет сформирована иными системами. Например, церковью — и это еще не худший вариант. Установки якобы неуловимы. А между тем установки человека измеряются: его словами и делами, его пропозициями (за что я) и контрпозициями (против чего я). Проблема формирования установок — это прерогатива политики, но проблема осмысления того, кто и как формирует реальные установки, есть проблема мировоззренческая, философская.

Предварительно мы ввели понятие “общественные идеалы” и соответствующее понятие “идеалы личности”. Не находя пока более точного термина, будем иметь в виду, что идеалы являются тем «магнитом», который ориентирует «стрелку компаса» целей через общественный механизм, через социальные отношения. Точно так же и мотивы личности как субъекта деятельности и самодетельности ориентируются системой его личностных идеалов через потребности. Совпадения общественных идеалов и идеалов личности нет. В истории эти две вещи существуют некоторое время не только раздельно, но и противопоставленно. Здесь срабатывает закон дифференциации — интеграции: чтобы достигнуть такого уровня сложности общества, при котором каждая личность проявляет себя всесторонним образом, общество проходит через ряд усложняющихся фаз разделения труда, частичного применения всесторонних способностей человека. Подобный ход истории объективен, и сдерживать его можно лишь путем ухода от всесторонности — за счет искусственных псевдосистем, за счет преследования целей

социальных групп вопреки всеобщему интересу. Здесь, кстати, полемичны положения, высказанные академиком Амосовым: западная система, действительно, достигает определенной стабильности интересов трудящихся, работодателей и правительства, но при этом такая стабильность приводит не к развитию человека, а к благосостоянию, к консервации сущности человеческой природы, которая не может проявиться при наличии самых гуманных форм сдерживания частной собственности.

* * *

Вернемся к способам группировки наук.

Существует **разведение наук на фундаментальные и прикладные**. Нетрудно увидеть, что **комплекс фундаментальных наук группируется в наши четыре типа**, а прикладные можно воспринимать как **форму их обращенности на практику**, ведь принципы методологии детально разрабатываются именно в прикладных науках, исходят из них. Выделяют также разряд **интегративных наук**, таких, как математика, кибернетика и т.д. Они не являются чем-то отдельным, ибо их методы органически входят в фундаментальные и в прикладные науки, специализируются: прикладная математика, биокибернетика и т.д. Роль, которую они выполняют, можно назвать вспомогательно-интегративной, аспектной. Некоторых исследователей вводит в заблуждение первоначальная “болезнь всеобщности” этих наук в момент их становления. Чуть ли не любая из интегративных наук претендовала на место философии в создании целостной картины мира. Тотальные претензии свойственны не только таким наукам, но и новым интегративным деятельности: в свое время как кибернетика, так и дизайн заявляли об этом. Но постепенно устанавливается реальная мера, определяются реальные возможности таких интеграторов. Если в работах Винера легко и просто решалось множество общественных проблем, а в “Тотальной архитектуре” Гропиуса — проблемы среды и социума, то по прошествии двадцати лет кибернетики и дизайнеры начали говорить о кризисе как в кибернетических методах, так и в дизайне. Поэтому погоня за новомодными «науками наук» (как сейчас за синергетикой) психологически объяснима, но объективно является не более чем модой. Есть очень интересный разряд методологически ориентированных наук, примыкающих к науковедению, которые не берут на себя мессианских ролей, но делают крайне важное для науки дело: речь идет о классиологии и системогенетике. Объединяя и сопоставляя методы многих частных наук и эмпирического знания, такие движения вплотную примыкают к философии, способствуют углублению ее метода.

Мы не углубляемся в **морфологию научного знания**, не разворачиваем здесь всю систему наук лишь потому, что говорим о всеобщих функциях научной деятельности. Для разговора об онаучивании всех родов деятельности выделенные нами ярусы научного знания вполне достаточны. Онаучивание деятельности прямо связано с прикладными науками по поводу той или иной деятельности: прикладные — имеют базу в фундаментальных, фундаментальные — интегрируются при помощи интегративных наук и философии как высшего мировоззренческого яруса. Это — первый уровень связи науки с деятельностью.

Второй уровень связи — система деятельности, в ее восьми компонентах, и научное обеспечение внутреннего типа. То же самое мы можем обнаружить и в научной деятельности: ее три **функции внешнего типа** (мировоззренческая, идеологическая и методологическая) и ее специфические **внутренние функции**, о которых сейчас и пойдет речь.

В составе науки мы обнаруживаем теории, аксиомы, постулаты, методы, принципы. Но познавательная всеобщая функция науки исторически реализуется ею через ряд этапов становления этой всеобщей функции.

1. Описание.
2. Объяснение.
3. Классификация.
4. Систематизация.
5. Прогнозирование.

Мы неоднократно упоминали, что **наука являет собой опережающее отражение действительности**, именно с этим связана ее прогностическая функция. Теории сами по себе не могли бы служить мировоззрением и не приносили бы пользу практике, если бы в них не

фиксируются связи многих причин, устойчивые и повторяющиеся закономерности, детерминистическая всеобщая связь явлений. Практике не на что было бы опираться, если бы в качестве модели наука не предоставляла ей свойства объекта, которые практика может изменять.

При этом закономерно возникает вопрос: как практика обходилась без науки большую часть истории человечества? За счет *эмпирического уровня знания*, за счет того знания, которое синкретично существовало в виде группового и индивидуального опыта. Единичное, зафиксированное многократно, приобретало постепенно форму особенного — и уже в первых цивилизациях мы обнаруживаем глубоко развитую логику. Здесь важно подчеркнуть, что становление научной деятельности как самостоятельной и отдельной связано с общественными потребностями: не только с промышленной революцией, но и с возрастающей необходимостью онаучивания социального управления.

Проиллюстрируем связь названных пяти функций с уровнями “всеобщее — единичное”:

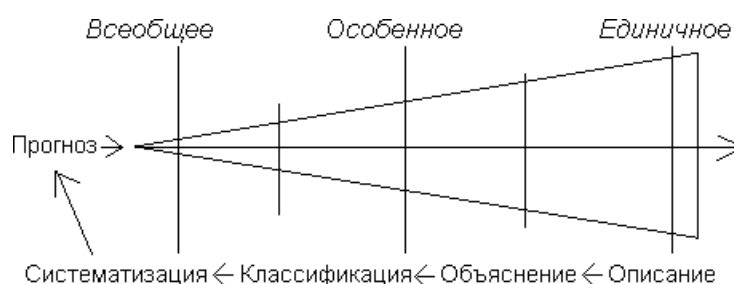

Рис. 128.

Поскольку предельной формой всякой систематизации является отношение противоположностей, постольку всякая теория имеет дело со специфическим противоречием, с отношением противоположностей во взаимодействии. Обнаруживая характер не только сторон, но и движения противоположностей, наука способна давать прогноз. Иногда прогноз может быть дан и без знания всего механизма взаимосвязанных противоположностей, но такой прогноз неустойчив. Мы можем сказать, что солнце всходит и заходит с большой мерой достоверности, но однажды оно погаснет, и, если мы не приблизимся к тому времени к пониманию специфики космических процессов, этот прогноз нас приведет к гибели.

Науку всегда связывают с ее **специфическими операциями упорядочения множеств**: типологизацией, систематизацией, классификацией. Эти понятия употребляются в разных науках по-разному. Пожалуй, только там, где вопросы систематизации имеют принципиальное значение, есть относительная ясность так называемых **таксономических единиц** и учение о систематизации (систематика в биологии). Приведем некоторые иллюстрируемые в литературе примеры.

1. Типология (типологизация) — вид классификации по существенным признакам.

Тип — отпечаток, форма, образец (с греческого). Форма, вид чего либо. В таксономии — ранг.

Отнесение к типу происходит по существенным качественным признакам. Типологизация — процедура объединения в типы по признакам существенного сходства и различия предметов.

Типология — метод науки, основа которого — расчленение систем объектов и их группировки с помощью обобщенной модели или типа, использующихся в целях сравнительного изучения существенных признаков, связей, функций, отношений, уровней организации объекта. Основные логические формы, используемые типологией, — тип, класс, систематика (взаимоотношения и родственные связи таксонов), таксономия (таксоны как группы: популяции, виды, роды, семейства).

Таксономия (“таксис” — “расположение, строй, порядок”, “номос” — “закон”) — теория классификации и систематизации сложных, сложноорганизованных областей деятельности, имеющих обычно иерархическое строение.

Систематика — учение о системе. Таксономия является разделом систематики, учением о системе таксономических категорий, обозначающих соподчиненные группы объектов — таксоны.

2. Классификация.

Класс — разряд, группа. Одна из высших таксономических категорий (рангов) в систематике. Первично производится объединение в подклассы, из них формируются классы. Классификация является способом для установления связей: группа таксонов — связи таксонов.

Класс есть совокупность предметов, выделенных по некоторому свойству, признаку, класс мыслится как целое. Предметы выступают как элементы данного класса. Классы группируют в типы. В операциях классификации также устанавливаются сходство и различие.

Наиболее существенное отличие классификации от типологизации — установление иерархичности (выявление уровней однопорядковых элементов и соотношения уровней).

Двигаясь от типологии, получаем следующую последовательность: типы — роды — классы, далее идут виды (в родах) — группы — семейства — отряды и более мелкие членения, характеризующие качественные и количественные параметры исследуемых объектов. Мы говорим об этом специально, потому что постоянно употребляем понятие “родовые деятельности”, т.е. даем определенный *разряд, уровень* анализа. Часто полемика в теории деятельности исходит из различий именно в уровнях обобщенности (так, М.С. Каган выделяет типы, а не роды деятельностей, другие пишут о классах).

3. Систематизация.

Основные процедуры систематизации: сведение к системе путем координации и субординации (найденных в классификации элементов и уровней, а также первичных связей в классах и типах).

Систематика устанавливает взаимоотношения и родственные связи таксонов.

Иногда под систематизацией понимают выделение объектов по признакам, удобным для той или иной цели, причем по признакам искусственным, у исследуемого предмета не существующим (например, библиотечные каталоги группируют все на буквы алфавита).

Нам важно в нашем рабочем (в данном тексте) понимании систематизации отталкиваться от нашего понимания системы как единства состава (набора компонентов системы) и структуры (закона связей, делающего систему целым, единством). Система есть структурированный состав. Следует подчеркнуть, что классификационные связи, выявленные в операциях классификации, есть связи иерархические, и не более. Структуризация (которую можно рассматривать как отдельную вспомогательную операцию) дает возможность устанавливать именно значимые связи, находить совокупность устойчивых связей объекта, обеспечивающих его целостность и тождественность самому себе, т.е. сохранение основных свойств при различных внешних и внутренних изменениях. Установление структуры (например, экономическая структура, кастовая структура общества) есть установление связей целого. Систематизация же есть установление связи групп в системе целого.

Здесь сопутствующим понятием является понятие морфологии. Морфология (наука о форме) исследует именно строение формы, изменчивость (модификации) формы. Она имеет отношение к нашему понятию “состав компонентов системы”, но не тождественна ему. Соотношение между ними проясняется в терминах “изменчивость — устойчивость”: морфология связана с изменчивостью формы, структуризация же устанавливает на основе состава связи устойчивого типа, делающие систему целым. Морфологические построения могут браться по множеству оснований (например, это проиллюстрировано в “Морфологии искусств” Кагана), выделение же компонентов подразумевает их последующую связь в целостность системы. Общность морфологических признаков чаще всего связывается понятиями “род — вид” (например, заяц-русак, как соотношение рода и вида). Поскольку морфология связана с изменчивостью, в задачу морфологических построений входит часто и генезис формы (примером чего является жанр в искусствах, соединяющий родо-видовое движение с изменчивостью). Здесь выделение родов идет по общности признаков (в систематике род выступает как надвидовая таксономическая единица, ранг), иногда роды объединяются в семейства. Вид же является в морфологии основной структурно-классификационной единицей, связывающей общность морфологических признаков. Таковы, например, в литературоведении род — вид — жанр,

морфологическая цепь. И, повторим еще раз, общий тип изменения объектов: модификация тоже примыкает к морфологии. В лучших своих проявлениях морфологический анализ фиксирует модификацию целого в цикле той или иной системы. Именно такой морфологический анализ и следует считать единственно грамотным, потому что он связывает генезис и модификационные единицы в единство, демонстрирует как неразрывность единство исторического и логического.

Все приведенные определения взяты нами с сокращениями из словарей. Ясно видно, что разные науки пользуются этими таксономическими единицами по своему усмотрению. Поэтому налицо ряд противоречий: то роды объединяют в семейства, то семейства ставят как производные от групп. То же самое происходит с такими терминами, как вид, род, тип, класс. Чтобы выработать свою рабочую позицию в этом вопросе, подойдем с другого конца, от **состава теории**. В упрощенном виде в состав теории входят следующие компоненты:

- 1) предметология (учение о предмете);
- 2) состав предмета;
- 3) структура предмета;
- 4) таксоны;
- 5) система предмета.

Поэтому последовательность операций упорядочения принимается следующая: типологизация —> классификация —> систематизация.

Если же говорить о применявшемся нами **составе метатеории**, то она содержит:

- 1) предметологию (учение о предмете данной теории);
- 2) методологию (учение о методе данной теории);
- 3) номологию (учение о системе законов данной теории);
- 4) терминологию (учение о категориальном аппарате, о терминах);
- 5) системологию (учение о системе предмета данной теории);
- 6) историологию (учение об истории изучения данного вопроса, в системологии — учение о динамике предмета в системе; о модусах);
- 7) праксеологию (учение о практических, прикладных аспектах теории);
- 8) аксиологию (иногда выделяют этот раздел — ценностный аспект данной теории, он имеет существенное значение как векторность);
- 9) семиологию (учение о семитическом аппарате данной теории, в том числе — графологию как учение о графических семиотических образованиях данной теории). Этот анализ специфики научной деятельности имеет для нас методическое значение. Как общий раздел теории деятельности (приводящий нас к человековедению), так и частные теории родовых деятельностей должны строиться нами на основе единого принципа формирования теорий, единого понимания терминов.

4.2.8. Функция художественной деятельности в ее сфере

Художественная деятельность является одной из самых узловых, самых интересных проявлений деятельности вообще. Но мы недаром приступаем к ее освещению именно в конце раздела: уровень ее сложности таков, что лишь в обращении на все остальные семь родовых деятельностей можно прояснить ее специфику. Повторим: художественной является деятельность по образному моделированию действительности, по созданию (результат) произведений искусства. В этом своем качестве она является деятельностью по фиксации и трансляции (сохранение), а также по углублению и расширению (изменение, развитие) мироощущения общества. Это не единственная, но наиболее существенная ее функция.

Первоначально следует четко определить специфику художественной деятельности в русле представленной ранее эстетической деятельности. Мы говорили о возможностях обращения художественной деятельности на все остальные (эстетические аспекты и производства и экологии, и медицины и физкультуры, и управления и педагогики).

Существует определенная связь художественной и научной деятельностей. Но эту связь часто упрощают, сводя ее к процессу научного творчества и соответствующим критериям «красоты теории» и т.п., то есть к связи скорее формальной, чем содержательной. Вопрос на деле и проще и сложнее: если основываться на понимании единства отражательной деятельности (о чем мы говорили в разделе типологии деятельности), то можно увидеть, что исторически обе они исходят из универсального синкретизма и к нему же движутся через ряд дифференцирующих этапов. А это значит, что должен быть единый корень и в их функциях. Поскольку в отражении обнаруживается единство познания и оценки, постольку можно говорить о преобладании в научной деятельности функции познания, а в художественной (и шире — в эстетической) деятельности — о единстве познания и оценки. В связи с этим трудно разделить мировоззрение и мироощущение, но в научной деятельности мы четко выделяли ее мировоззренческую функцию. Следовательно, как основную в художественной деятельности мы берем функцию мироощущения, не лишая ее при этом и познавательных возможностей. Иногда это делают по принципу разведения рационального и чувственного или рационального — эмоционального, что менее точно. Но это не вносит ясности: в художественном рациональное присутствует повсеместно, а некоторые моменты истории вообще говорят о рационализме искусства.

Эстетическое отношение и его специфика

Можно пойти по пути, предложенному эстетиком Н.И. Крюковским [116]: рассмотреть *эстетическое отношение* (не деятельность) как наиболее универсальное, целостное, широкое. Воспользуемся его схемой с некоторыми нашими изменениями:

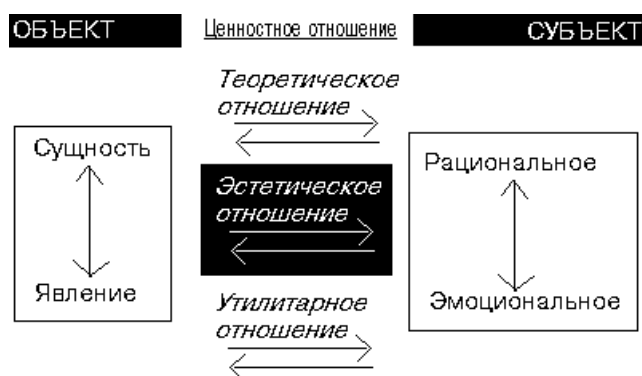

Рис. 129.

Первый тип отношения — односторонний: человек взят во внимание только как рациональное существо, он относится к действительности со стороны ее сущности — это теоретическое отношение. Третий тип отношения — утилитарный: человек выступает только как чувственное существо и относится исключительно к явленческой стороне действительности. Как видим, оба отношения являются односторонними: в них человек не выступает как целостность, — они достаточно условны. И лишь во втором, срединном, типе отношения человек выступает как целостность рационально-чувственного и действительность может рассматриваться с точки зрения единства сущности и явления: это — эстетическое отношение. Значит, эстетическое выступает как наиболее универсальное, целостное, синкретичное.

Такое понимание демонстрирует нам всеобщность и целостность эстетического отношения, но не приводит к ясности в вопросе о специфике эстетической деятельности. Отношение есть форма, посредством которой реализуется содержание, т.е. деятельность. Эстетическое отношение в данном случае является вообще единственным, потому что два других — выделены условно, как преобладание того или иного уровня связи человека с действительностью. Оставаясь на этих позициях, следовало бы говорить о научно-художественном и утилитарно-художественном уровнях отношения:

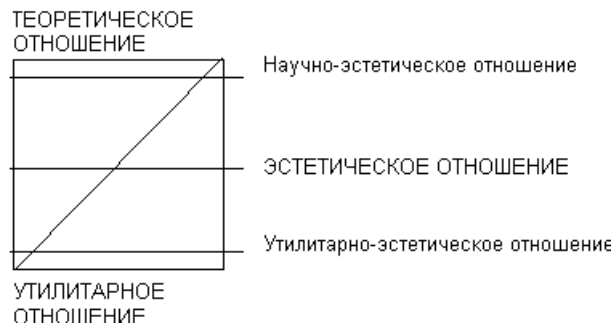

Рис. 130.

Именно так поступает Л.Н. Безмоздин [14], говоря о специфике дизайна: он рассматривает его как “растяжку” утилитарно-художественного. В данном моменте — вся сложность: теоретическое и эстетическое отношение приводит нас к отражательной деятельности, но ведь есть же и преобразовательная — по изменению и сохранению — деятельность, в которой эстетическое проявляется также в форме *эстетического аспекта* любой деятельности по преобразованию предмета.

Противоречие снимается, если в понимании художественной деятельности осознать ее специфику: это и отражение и преобразование, отражение в форме преобразования. Как специальная деятельность, художественная деятельность имеет свой материал — как эстетическая, она проявляется на субстрате всех преобразовательных деятельностей. В последнем случае мы говорим о художественно-утилитарном проявлении эстетической деятельности.

В художественной деятельности есть все признаки родовой деятельности, своя качественная специфика. Если подробно изучить систему устойчивых видов художественной деятельности, то можно обнаружить, что такова же и система «опрокинутых» видов художественно-утилитарной деятельности. Здесь срабатывает закон изоморфизма.

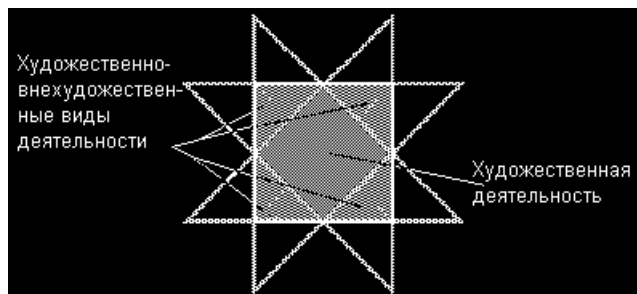

Рис. 131.

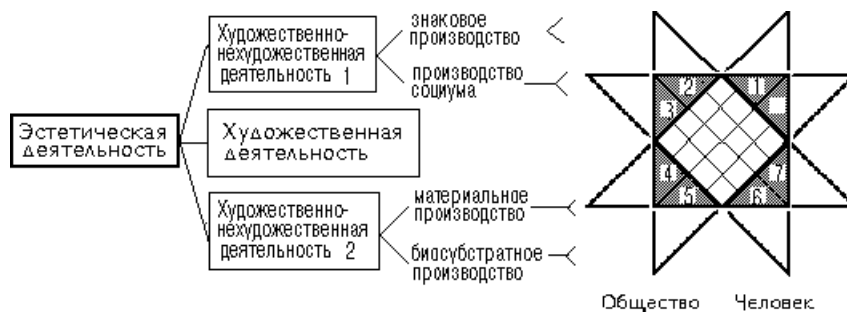

Рис. 132.

Значение и смысл

Чаще всего теоретики приводят в качестве оснований для отличия художественной и научной деятельности (с позиции отражения) их разведение по признакам отнесения к паре “ЗНАЧЕНИЕ — СМЫСЛ”. Эти взгляды восходят к психологической теории А.Н. Леонтьева [132]. Значение понимается как социальное, рациональное, деперсонализированное, репрезентативное, “равнодушное значение”, по Леонтьеву. Смысл авторизован и тем направлен к субъекту, а не ко всем вместе (максимум — к группе аналогичных субъектов), он имеет такое выделение признаков объекта, которое значимые моменты персонализирует. Иначе говоря, здесь объект обогащается чувственно.

Аналогично Б.М. Кедрову [109] видит это и М.Е. Марков [147]. Последний уточняет: “...объекты для меня, для субъекта, имеют не одно, а по крайней мере два значения. Первое из них — объективное значение (объективно существующее в природе или в обществе, существующее для всех, для всего общества)... Второе — субъективное значение, существующее для меня... Это второе значение А.Н. Леонтьев называет “личностным смыслом” объекта, смыслом, определяющим мое (индивида) эмоциональное отношение к нему”.

Мы в данном вопросе будем использовать более упорядоченное, с нашей точки зрения, соотношение *объективной значимости и субъективного отношения к этому*. Оно рассматривалось в главе о культуре. Здесь оно понадобилось нам для выведения *эстетической значимости* (как функции) в предъявленном ряду отношений.

Итак, соотношение предмета и целостного человека носит тот объективный характер, который позволяет нам говорить, что предмет либо значим, либо не имеет значения для человека *объективно*: ценность или неценность — ценностное отношение. Так рождается объективная положительная значимость или объективная отрицательная значимость. В приведенном выше разведении это — “значение”. Теперь к этому объективному (“+” или “—”) возможно субъективное отношение: *оно оценочное*. Субъект принимает или не принимает объективные ценности, что, по А.Н. Леонтьеву, и есть субъективный личностный смысл. Но при таком подходе мы остаемся в рамках *вообще всякого аксиологического соотношения*.

В чем же специфика эстетической значимости? В том, что здесь основой выступает мера, взаимоотношение предмета (П) и меры предмета (Мп) и — меры человека (Мч). Эстетическая значимость объективна и выражается в этом случае как функция:

$$\text{Эстетическое значение} = F [(П \overset{+}{\leftrightarrow} М п) \overset{+}{\leftrightarrow} М ч]$$

Субъективное отношение (к имеющемуся объективному) фиксируется понятием *субъективного эстетического вкуса*: это — смысл. Вот почему прямое разведение значения и смысла, предпринятое Марковым, на самом деле не вскрывает специфики как *эстетического* отношения, так и *художественного* в частности.

В работах Н.И. Крюковского есть объяснение динамики объективного и субъективного эстетического через эстетические категории. Мы воспользуемся лишь одним, сущностным его выводом. Процессуальное, функциональное исследование эстетической деятельности возможно только при понимании пограничного характера эстетической деятельности: она осуществляется на стыке объективного (совокупного общественного) и субъективного, личностного, как двойная значимость одновременно. Это касается всех деятельностей вообще, но в данном случае мы имеем дело с целостностью человека, с его мерой (в любой из модификаций), а также с личной мерой субъекта, снова-таки целостной. Призма двух мер (родовая и индивидуальная), направленная на меру предмета и через нее — на сам предмет, раскрывается как дифференцируемая структура эстетической деятельности.

В работах Л.А. Зеленова [81-84; 154] это раскрывается через три подструктуры: первичную эстетическую субъективацию, эстетическую объективацию, вторичную эстетическую субъективацию (художественную). Кратко охарактеризуем их.

1. Первичная эстетическая субъективация. Нечто объективно существующее идеально присваивается (субъективируется). Но наряду с отражением действительности в этом есть

еще и проект, цель, план, замысел. Это — познание и оценка плюс идеальный продукт этой деятельности — замысел, план. Идея нуждается в реализации, поэтому здесь содержатся, в идеальной же форме, и способы, операции, средства, этапы осуществления акта воплощения замысла.

2. Эстетическая объективация. Замысел — программа, реализуемая в материальных эстетических средствах. Говоря об “эстетическом”, мы подразумеваем возможность получения материального продукта не только в форме произведения искусства, но и любого материального эстетического продукта. Эстетическое произведение есть объективированный (воплощенный в объекте) эстетический замысел.

3. Вторичная эстетическая субъективация (художественная субъективация). Это — восприятие и оценка эстетического произведения как специфического явления, которое отсутствовало в эстетическом объекте на этапе первичной эстетической субъективации. Прежде всего речь идет о произведениях искусства, но в целом — о любом эстетическом произведении. Продукт эстетического производства, эстетической объективации становится продуктом эстетического потребления. Здесь мы располагаем особым объектом — искусством, особым субъектом — художественно воспитанным (развитым) человеком, особым продуктом — художественной оценкой, поэтому говорим о художественной субъективации. Воспринимающий произведение посредством кода искусства реконструирует первичный замысел, образ, идеал, идею произведения. Продукт имеет именно оценочный характер (художественные эмоции, суждения, действия).

Такое разведение широко понимаемой эстетической деятельности представлено структурно — по генетическому основанию. Следовательно, мы получаем и три самостоятельные функции художественной деятельности, эстетической деятельности. Если воспользоваться понятием “эстетического поля человеческой деятельности” (А.Н. Илиади), то можно разделить эстетические произведения по функциональным зонам этого поля: эстетические продукты труда, быта, поведения, искусства, природы. В чем специфика искусства при такой постановке вопроса?

Здесь несколько аспектов.

1. Искусство — универсальная модель жизнедеятельности общества.
2. Искусство — универсальное средство сохранения на личностном уровне жизнедеятельности общества. Искусство интегрально сохраняет в своих моделях информацию обо всех этапах развития общества, связывая поколений, народов и эпох.
3. Искусство — универсальный человеческий язык. Оно моделирует все стороны жизни людей. Оно интернационально, понятно всем народам (хотя и весьма специфически эволюционирует, имея свою “эволюцию видения”).
4. Искусство — универсальный компенсатор ограниченности индивидуального жизненного опыта человека. Оно выступает специфическим средством расширения внутреннего поля жизнедеятельности личности, средством формирования внутренней всесторонности личности.
5. Искусство способно осуществлять в обществе все функции, оно есть универсальное функциональное явление.
6. Искусство является метатворчеством по отношению к универсальным формам эстетического творчества. Оно является всеобщим эквивалентом эстетического поля человеческой деятельности.

Типология и морфология эстетического поля

Мы уже обращали внимание на существование двух наиболее общих видов эстетической деятельности: художественной и художественно-утилитарной, а также говорили об их изоморфизме. Самым значимым моментом здесь является способность искусства и вообще эстетической деятельности быть универсальным полем проявления творческих возможностей, способностей человека. Через художественное, через эстетическое развитие личности возможно все, что невозможно через другие, ограниченные в своей развивающей специфике, деятельности. Прежде всего возможны: возбуждение мотивации, уверенности в своем творческом потенциале, построение программы собственного творческого саморазвития. Если идти от малейших

проявлений эстетической потребности в форме элементарного интереса, влечения, желания (будь то в области потребления или производства художественной или художественно-утилитарной деятельности) в данной сфере, можно наиболее простым способом расширять и дополнять его знаниями и умениями, расширяя также и поле. Эта деятельность наиболее личностна, но вместе с тем она всегда социальна.

Несколько слов необходимо сказать о морфологии (внутреннем строении) системы искусств. Начать здесь следует с таблицы Д.И. Менделеева как самого удачного морфологического построения в науке. Если проследить путь ее создания, то обнаружится, что первично вопрос ставился о некоем непрерывном ряде элементов, располагаемых по возрастанию атомного веса. Эта несложная типологическая операция позволила выделить в таком ряду группы рядоположенных элементов, обладающих качественной общностью:

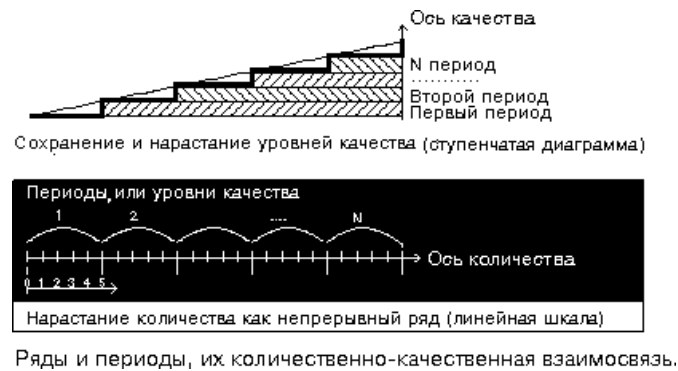

Рис. 133.

При расположении их в морфологическую матрицу между элементами установилось не только горизонтальное, но и вертикальное координационное соответствие:

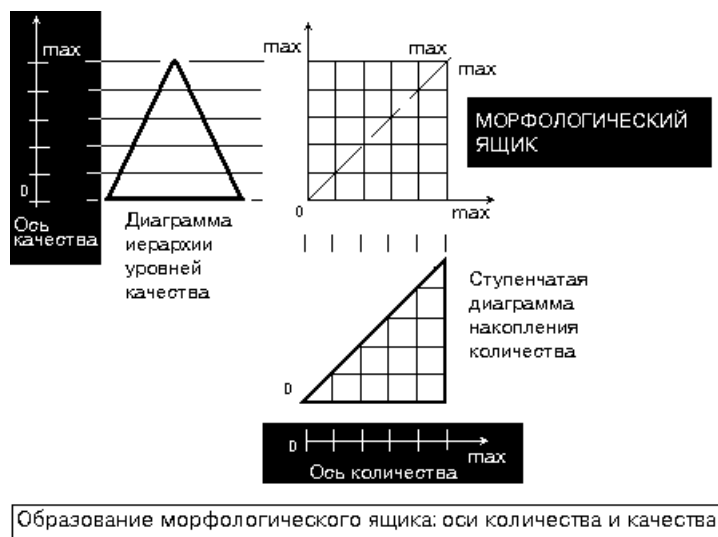

Рис. 134.

В результате был найден и основополагающий принцип, **закон периодической системы**, позволивший прогнозировать еще не открытые элементы. Не вдаваясь в подробности, можно отметить, что элементы являются составляющими уже состоявшейся, устойчивой системы. С искусством — вопрос сложнее: эта система находится в развитии. Однако основной принцип **образования видов** в искусстве тоже матричный. Мы построим его по аналогии с системой Менделеева.

Вертикальная координация видов искусства по отношению к хронотопу (“хроно” — “время”, “топос” — “пространство”) выглядит так:

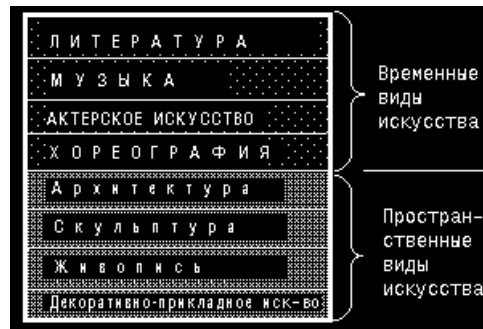

Рис. 135.

Горизонтально скоординированные элементы обладают определенным общим качеством. В принципе, здесь речь идет о первичном качественном разведении рода на виды. Видовая иерархия уже подчиняется некоторому субординационному признаку: расположение в последовательности идет по основанию возрастания качественных признаков. Следовательно, в вертикальной иерархии простых (неразвернутых) видов должен быть некий принцип, по которому качество вида отделится от иного, объединится общим качеством рода, соотнесется (ранжирование) с качеством иного вида.

Так, в общности видов искусства существуют два класса: моноискусства и полиискусства. Класс моноискусств является определяющим (принцип элементарности), т.к. полиискусства представляют собой сложные комбинации простых составляющих (бинарные, тройные и более сложные соединения моноискусств). Но вопрос выделения ведущего признака для выделения иерархии видов моноискусств не так прост.

В монографии М.С. Кагана по данной проблеме [94] приводится многочисленный набор оснований, и надо сказать, что ни одно из них в отдельности удовлетворительных результатов не дает. В итоге Каган приходит к сложной системе оснований (четыре), при помощи которых и создает свою морфологию. Но вот что характерно: единого основания для первичной качественной вертикальной координации и субординации ему найти так и не удастся. Таблицы Менделеева для искусств не получается. А между тем получить ее можно, если исходить из принципа специфики художественной деятельности как рода. Возможно, сложности не уменьшатся, но при такой постановке вопроса матричность возникает.

Вернемся к нашей вспомогательной схеме, при помощи которой мы демонстрировали специфику искусства как индивидуально-родового, направленного на человека. Модификации имеют основания одновременно в человеке и в обществе (как изоморфной системе); образование любого элементарного вида координируется, как минимум, двумя системами, обладающими в нашей интерпретации изоморфизмом, то есть единым первоначальным принципом. Искусство (по Н.И. Крюковскому) является каналом связи человека и общества, причем информация в этом канале движется в обе стороны, что превосходно описывается первичной и вторичной эстетической субъективацией и объективацией (по Зеленову). На нашей кольцевой схеме ясно видно, что всякое взаимодействие человека с действительностью носит общественный характер, проходит через слой "общество".

Не вникая в детали, представим матрицу видов искусства на вспомогательной схеме:

Рис. 136.

Полученный принцип матричности позволяет применять любой тип классификационных оснований: можно классифицировать по основанию биопсихического субстрата человека, по рациональному — чувственному (как это делает Крюковский), по материалу (как это делает Зеленов), по ориентации на социальные — индивидуальные виды и т.д. Это — вопрос дальнейшего исследования, нам же хочется достаточно четко выделить **четыре группы искусств, имеющих собственную качественную специфику**. Для этого применим на схеме систему “растяжки” противоречий, лежащих в основе той или иной стороны. В принципе, это постоянно фиксировалось нами на данной схеме, но не было выражено таким образом:

Рис. 137.

Стоит отметить, что каждый блок обладает свойством изоморфизма общему, но вместе с тем качественной спецификой. Вместе с тем, если применить к любому из этих блоков тот же, классификационный, принцип, мы и внутри него обнаружим четыре блока второго уровня. Вопрос — в том, какой уровень расчленения даст нам систему видов, которые мы можем назвать элементарными.

Как верно отмечает Н.И. Крюковский, система видов искусства должна быть обязательно связана с ярусами, ступенями отражения, специфически проявленными в человеке как ощущение, восприятие, представление, понятие (теория отражения). Иначе говоря, в результате основным координирующим признаком выступает пара “рациональное — чувственное”. Но и сами наши чувства иерархичны:

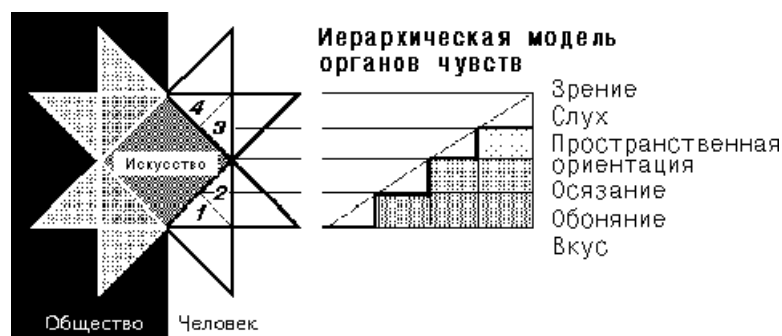

Рис. 138.

Принцип восходящих, качественно усложняющихся ступеней отражения, где каждая последующая содержит в снятом виде предшествующую, интересен еще и в другом плане. Разнообразие видов искусства связывается в такое динамическое целое, которое позволяет решить две задачи:

- а) удовлетворить любой субъективный вкус (показатель уровня развития личности);
- б) совершать движение в “количестве — качестве”, накапливать количество (форма в искусстве), скачкообразно менять качество (содержание произведений искусства).

Если дополнить матрицу вектором истории, в результате чего она станет трехмерной, можно изобразить процесс развития видов искусства (дифференциация и интеграция, смена способов мироощущения как скачки качества и т.д.), но это не входит в нашу задачу. Резюмируя

изложенное, мы хотели бы подвести читателя к такой мысли: морфология должна рассматриваться в связи с динамикой бытия того или иного предмета исследования. Это касается не только искусства, но и интересующего нас вопроса системной связи родов деятельности. Выделяя определенную качественную специфику родов деятельности и раскрывая их функции в сложном общественном организме, мы должны помнить, что это — целостный организм.

Существование родов деятельности нельзя воспринимать как некую рядоположенность. Имея их перед глазами на любой статической схеме, мы не можем ничего сказать ни о взаимосвязи их, ни об исторически конкретном доминировании того или иного рода или связанной совокупности родов. Диалектика обязательно приводит к принципу развития, поэтому любую поляризацию, любые классификационные построения следует завершать еще и динамическим разделом, синтезом восстановленной целостности в динамике. Так, система видов Линнея нашла свое динамическое завершение в эволюционной теории Дарвина.

Отдавая должное заслугам Философского Клуба ГИСИ в решении проблемы состава и структуры системы деятельностей в обществе, в раскрытии специфики всестороннего развития личности и многого другого, чего нам пришлось коснуться в данном изложении, важно сделать шаг вперед — к динамике родов деятельности.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

ШАГ К ДИНАМИКЕ ДЕЯТЕЛЬНОСТЕЙ

Генезис деятельностей в социозволюции

Основополагающим моментом в рассмотрении динамики следует признать единство процессов дифференциации и интеграции деятельностей при сохранении константности родовых деятельностей на всем протяжении истории человечества. Не следует понимать дело так, что до определенного этапа шла дифференциация видов и подвидов, профессий и т.д., а после началась интеграция. Перед нами — сложный ряд закономерностей, приводящий к внешне запутанной неравномерности, а на деле — к многоуровневому сложению тенденций. Оставаясь в рамках родовых деятельностей, мы можем говорить о становлении и взаимосвязи их в социозволюции, для этого нам не требуется детального анализа профессий.

Прежде всего встает вопрос о доминировании.

Традиционное подразделение на две сферы (так называемая “социально-экономическая жизнь общества”) построена на понимании постоянного доминирования экономической деятельности на всем протяжении истории. Только сейчас мы начинаем говорить о перемене акцентов, о неких *приоритетах социального развития*. Но фактически экономика доминирует и будет доминировать, пока не совершится долгожданный “прыжок из царства необходимости в царство свободы”. Следовательно, любые построения мы должны начинать с этой пары:

Рис. 139.

Можно сказать сразу, что экономическое доминирование имеет два полюса, две крайности. Первоначально это было доминированием совокупного (группа: род, племя, государство и т.п.) социального — становлением как борьбы за выживание, связанной с мироощущением трагического. Затем наступил этап гомеостатического равновесия интересов общества и личности, что отражено в категории прекрасного. В фазе деградации наблюдается вторая крайность — усиление роли личного, индивидуального начала, заинтересованности в развитии “малой экономики” при нормальном существовании большой. Этап деградации характеризуется разрушением общественных связей и движением к смене качества системы, усилением сложности и значимости подсистем, причем все более мелких (и конечная единица общества — человек, самая мелкая из них).

Первая крайность (доминирование общественного) выливается в различные формы централизованной экономики, сопровождающееся жестким подчинением интересов личности обществу.

Вторая крайность (доминирование личности), проявляющаяся на этапе деградации, сопровождается децентрализацией экономики, а в идеологическом плане — усилением индивидуализма.

Отмеченная закономерность точно отражается в циклах.

* * *

В социоэволюции возникает другая картина: процесс идет от использования человека в качестве ведущего звена производства (поначалу он — и субъект, и средство деятельности) к перекладыванию функций производства на животных, а затем — на машины, что приводит к постепенному высвобождению *свободного времени человека*, которое Маркс назвал “пространством для развития личности”. Поток революционных преобразований в данной сфере (промышленная революция, научно-техническая революция, технологическая и информационная революции) наблюдается в самое последнее время, т.е. на ничтожно малом отрезке социоэволюции в целом. Это подтверждает наш ведущий тезис о тенденции нарастания уровня сложности системы к моменту “завершения” социоэволюции в ее сегодняшнем виде.

Анализируя данный процесс с позиции теории деятельности, мы можем задать ряд важных вопросов. Они звучат так: без чего невозможно никакое производство? каковы обеспечивающие деятельности? как они сгруппированы вокруг производства? С какой бы стороны мы ни начали, все равно придем к взаимосвязи восьмерки деятельностей, поэтому требуется дополнительный производный критерий — для определенности доминирования. Уже сама наша “восьмерка” демонстрирует единство изменения и сохранения. Как распределены эти стороны в цикле? Первичное, социально-интегрирующее, замешано на всех изменяющихся деятельностях: чем ближе к деградации системы в цикле, тем больше нарастает сохранение. Система стремится сохранить свое качество. По отношению к циклу ОЭФ это справедливо — примером здесь служит институализация экологической деятельности, сохранной. Прогресс при устойчивости и изменчивости одновременно возможен только при усложнении системы через эволюцию подсистем и появление новых модификаций качества: это — прогресс социоэволюции при условии ОЭФ как фаз.

Социоэволюция демонстрирует нам, что система общества адаптируется путем увеличения степени собственной сложности. Следовательно, она избежала деградирующей фазы, самоликвидации за счет постоянного самоизменения, самомодифицируемости. То, что в животном мире на уровне особи является обязательным, — рождение и смерть, — для социосистемы есть снятое в ней основание как существования, так и усложнения. Биоэволюция привела лишь к устойчивости видов, экологическому равновесию. Равновесие не прогрессирует — оно гомеостатично. Социосистема, снимая гомеостатику живого, дополнительно имеет возможность самоизменения. Но (как условие) под этим должен быть базис выживаемости людей. Вот почему двумя первично ведущими деятельностями в обществе выступают производство и управление. Сам характер первоначального этапа производства требует прежде всего физической готовности к нему, поэтому на третьем месте поначалу выступает физкультурная деятельность. Готовность содержит меньше знания, больше навыка — именно физическая активность главенствует.

В отражении первоначального синкретизма преобладает эстетическая деятельность (образные модели мира). Наука как таковая выходит на поверхность и институционализируется довольно поздно, ближе к эпохе промышленной революции.

Итак, перед нами — интересное явление первоначального выделения и ведущей роли именно ИЗМЕНЯЮЩИХ, ПРЕОБРАЗУЮЩИХ, деятельностей; лишь затем, шаг за шагом, по этапам социоэволюции, наблюдается обретение самостоятельности дополнительными, сохраняющимися, деятельностями. Так, если институт управления выделяется почти сразу, то до институтов педагогики дело доходит не скоро (это не значит, что не было педагогической деятельности, речь — *об институте*). Олимпийские игры как своеобразный институт физической культуры возникают значительно раньше, чем медицинские академии, чем гильдии врачей: нужны были воины. Художественное освоение мира настолько тесно связано с религией, что теряет свой абсолютный приоритет в отражении мира только в XX веке, а три века до этого длился процесс ее секуляризации.

Генный канал передачи информации у животных обеспечивает ее запись в теле, но не больше, познания не возникает. Животное адаптируется к среде. Общественная сущность человека неотделима от предметного производства и нового канала накопления информации (социокультурные программы в овеществленном виде). Материальное производство создает для этого предпосылки. Самыми значимыми стали: соединение речи с материальным

производством, появление знаковой формы фиксации информации. Материальное производство при этом процессе потребовало углубления проникновения в сущность. Реализация отдельной функции управления стала возможной при относительном разделении труда. Умственный труд еще не само познание, а именно специализация на управлении.

С образованием первичного классового расслоения между непосредственным производством и непосредственным же потреблением продукта производства вклинивается новое: распределение и обмен, тесно связанные с функциями управления. Кооперация, разделение труда порождают обмен его продуктами. Обмен обусловлен “общественным договором” по поводу меры труда в продуктах, и эта мера, поначалу известная всем, остается потом прерогативой управления. Целеполагание постепенно вырастает в специализированную функцию, и под нее выдвигается специализирующийся субъект — живой мозг, самый приспособленный и сильный. Уже на данной стадии можно заметить противоречивое взаимодействие: опыт сохраняется также специальным мозгом хранителя (шаманы, первичные религиозные представления), управление производственным процессом возлагается на другого человека. Развитые первобытные, родовые отношения показывают, что “шаман” (условно назовем его так) освобожден от производственного процесса, но он обязан его обслуживать. Вот здесь обнаруживается, что в его функции входит всяческое сохранение: сохранение педагогической и медицинской деятельности (церковь удерживала их в своих стенах до наших дней). Колебания “матриархат — патриархат” привели также к разделению первичного и вторичного, мужского и женского труда в производстве. Здесь, как в организме, лучшие куски при распределении достаются мозгу, управляющей системе (питание мозга — абсолютный приоритет организма).

Взаимоотношения родов начинают носить не только характер связи, но и конкуренции, отграничения. Выделяется сопутствующая функция сохранения среды обитания рода (воины из бывших охотников, одновременно исполняющие обе функции, опасность — ополчение). Стоит обратить внимание на выделение части совокупного труда именно на сохранение (знания, опыта, границ среды), что приводит к возрастанию производительности относительно интенсивного типа. Отсюда — один шаг до рабовладения.

Первично пленные трудятся совместно, ассимилируются с родом-завоевателем. Но следить за ними тем сложнее, чем их больше. Те же воины-охранители приобретают жандармскую функцию. Элементы права — суд вождя кроме суда священного — невольно долго сохраняются в своей первоначальной форме. Конкурирующая деятельность мужчин-воинов для наилучшего исполнения военно-жандармских функций приводит к первичной специализации их в физкультурном развитии (как части их достаточно синкретичной деятельности, но при доминировании этой). Такая деятельность сохраняется долго, более того, современный спорт имеет в ней свои корни: как специализированная, важная, физкультурная деятельность будет во все века процветать именно в армии и в охранительных органах. Вождь долго выступает и как первый воин; отсюда — культ охоты, походов, фехтования и выездов, который продержится до XX века у аристократии как “пустая”, традиционная функция свободных бездельников (псевдоморфизм).

Первичный тип государственности связан со становлением иерархического типа управления. Перед нами — раб как живое средство труда и надсмотрщик (рабовладелец) над ним, часть прибавочного продукта идет не только на содержание самого рабовладельца, но и на верховного рабовладельца плюс жрецов с их аппаратом. Религиозная власть приобретает тем большее значение, чем больше необходимость в мирное время удерживать сознание масс в узде. Дихотомия религиозной — светской власти вначале не обострена: фараон выступает как представитель богов на земле и как первый воин одновременно. Но уже во времена Атона фараону приходится вести борьбу за власть с кликой сильных жрецов. Это едва ли не первая из известных в истории попыток светской власти отделиться от власти священной.

Рабовладельческая формация демонстрирует возможность трех способов власти: тирании, демократии и их смеси (Египет — тирания, Греция — демократия, Рим — эклектика тирании и демократии, парадоксальное “снятие двух форм власти” в имперской форме). Отделенность государств способствует появлению этносов — единству территории, языка, культуры, способов производства. Здесь начинает складываться единство анатомических (генный фонд), физиологических (образ жизни), психологических (единство культуры) признаков этноса. Когда

из рабов начинают брать самого смышленного и делают из него надсмотрщика, система приобретает законченный паразитический характер. Разделяются государственные функции стратегии, тактики и оперативности. В качестве зародыша следующих форм развития действует малочисленная прослойка свободных ремесленников (в Греции это — свободные граждане, частично использующие труд раба, но не пользующиеся уважением в силу того, что трудятся).

Важным моментом рабовладельческого общества является использование раба в качестве универсального средства производства. Такая, кастовая, цивилизация имеет очень значительный потенциал устойчивости, что демонстрирует Восток. Рабов легко специализировать, из них можно создавать иерархии, законченные “конвейеры”. Рабский труд на американском юге показывает, каких сложных образований смешанного типа может достигать подобная система. Как организм возникает путем специализации клеток по функциям, так и первичные цивилизации в качестве клеточки используют человека. Уже здесь обнаруживается, что синтез информации в управлении происходит в интересах больших социальных групп, позже — классов. В способе синтеза скрыт ключ власти. Данный момент обнаруживает себя как повторное явление и позже.

Если принять первобытнообщинный способ производства за протоспособ, то станет очевидно: лишь с рабовладения мы можем начать отсчет цивилизационной истории как таковой. Следовательно, в масштабах социоэволюции рабовладение является фазой становления, фазой трагического. Обнаруживаются ли аналогии, повторяемость черт этой фазы, в истории стран и формаций после? Да, это лежит на поверхности. Прежде всего заметна сильная роль объединяющей государственной власти — мы увидим это у короля Карла I, и в буржуазных революциях, и в сталинизме. Явление достаточно инвариантно относительно способа производства и форм собственности. Концентрация власти, вызванная необходимостью сплочения (в сталинизме — созданная искусственно, но имеющая основания естественные), приводит к быстрому присвоению управленческо-идеологической функции в руках клики. Здесь выходит наружу не рассмотренный ранее парадокс: власть и владение средствами производства — это не одно и то же. Всенародная собственность на средства производства, оказывается, способна породить диктатуру тиранического типа.

В чем основание данного парадокса? В ряду таких динамических переменных, как установки, а если глубже, — в соотношении деятельности и самодеятельности. Реального марксистского мировоззрения не возникло, хотя на основе его догматизации возник сильнейший первоначальный мотив подчинения себя общему, общественной необходимости. На нем удобно спекулировать, если насаждать марксизм через чувства, через догму, подменяя мировоззрение ценностями. Это чревато отбрасыванием системы, по сути, прогрессивной далеко назад, даже не в капитализм, без научно-технического прогресса не развивающийся, а в феодализм и рабство (Кампучия, Одилов). Устойчивые признаки такого явления — сосредоточение бесконтрольной власти, уничтожение демократии и демократов, подмена науки и искусства псевдосистемами. Специфика сегодняшнего этапа — в такого рода аномалиях: уничтожение демократии под лозунгами демократии, мифическая обратная связь в системе, которая стала уже кастово-иерархической. Трансляция догм через педагогику наиболее ярко продемонстрирована в маоистском Китае. При фактической гиперконцентрации власти и следующей за ней гиперконцентрации производства процветают бутафорские системы типа наших советов.

Средневековье показало разрастание карательного органа именно духовной власти, чего не было в рабовладении, — инквизиции. Некоторое послабление при росте сложности системы в феодализме привело к перемене доминирования: роль чисто военно-полицейского аппарата осталась прежней, а роль аппарата духовного порабощения личности явно усилилась и к концу феодализма стала едва ли не больше.

Чего же достиг капитализм в вопросе о власти? Возникло понимание, что главное не средства производства и собственность на них. Держать власть можно за счет духовного порабощения утонченного типа, например за счет подмены устойчивого мировоззрения дробным или подмены культуры, искусства их потребительской разновидностью — маскультом. Все это — невидимый, неявный механизм психологической войны, промывания мозгов, отупления чувств. Отсюда — провозглашение “общества потребления”. На мировоззренческом уровне субъект лишается цели, объективно обоснованной, у него искусственно формируются сильные

идеалы индивидуализма в рамках государства (Америка — превыше всего, Германия — превыше всего и т.п.), национальности, расы. Гражданственность человека — это лишь вектор, направленный на цель. Любой широчайший культурный кругозор человека можно мировоззренчески ориентировать. Поэтому потребности и мотивы, реализуемые в поведении и деятельности под эгидой общества потребления, ведут к максимальному замыканию системы при интенсивности производительности труда.

Здесь нельзя обойтись без рассмотрения роли научно-технического прогресса (НТП). НТП — это прогресс в создании качественно нового технического и технологического обеспечения всех функций человека. Это не только технический прогресс, но и смыкание, интеграция науки и техники, их сращивание в практике, в материальном производстве. Однако такое сращивание идеологически нейтрально. Хотя при этом и решаются две задачи: все более глубокое и расширяющееся овладение природой и раскрепощение человека, — обратить эти последствия можно как угодно (до определенных пределов). По сути, НТП последовательно проходил через ряд этапов: через мануфактурное производство (подключение элементов науки и техники) при сохранении производственного доминирования именно человеческого; через промышленную революцию — передачу человеческих производственных функций технике; через НТР середины XX века, где модель технологии на базе познания стала играть все большую роль (перемещение усилий в науку). Сознательное применение естествознания вместо старых рутинных приемов, постепенная передача машинам умственных функций, не требующих творчества, оставляют человеку все больше возможностей для работы по творческим программам и свободного времени для раскрытия его сущности. Но при капитализме человек не может стать целью общественного развития: потребление в “обществе потребления” существует само для себя.

Почему стало возможным отклонение от провозглашенного пути у нас? Истинный социализм решает две взаимосвязанные задачи: экономическую и социальную. Если вместо баланса, пропорциональной гомеостатичности, в целях перевес отдается лишь одной экономической, как при сталинизме, то срабатывает маятник:

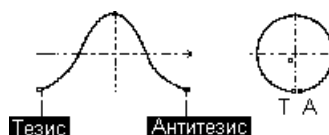

Рис. 140.

Стоит остановиться несколько подробнее на проблематике НТП в связи с таким простым распределением, парой, как “вещество — информация”. Прогресс науки приводит к появлению машин, использующих малые энергии для все большего объема информации. Традиционные машины используют большие энергии с очень малой информативностью:

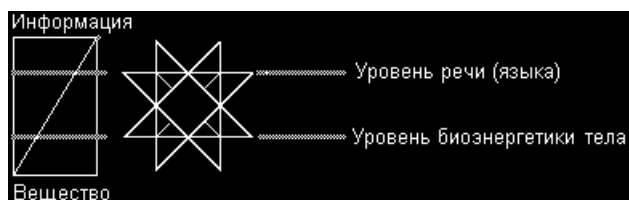

Рис. 141.

Вещество и информация взаимоотрицают и взаимоподразумевают друг друга — это пара. Нам важно, что в комплексе технических систем будущего (продукт НТП) образуется целостный организм, система с распределением данных уровней. Ее существенная характеристика — изоморфность человеку. В то же время генетически это — обратные системы: человек от геноза (воспроизводства) вырастает в систему, производящую информацию (антропогенез и социогенез), техника движется к самовоспроизводству через самостановление логических машин.

Осмысляя перспективы самоуправления, нельзя обойти вопрос о его технической оснащённости как условии. Мгновенный всеобщий обмен информацией, суммирование мнений всех, суммирование целей есть условие подлинного самоуправления. Ускорение социальных процессов приводит к этой необходимости. Уже существующие системы национальных и межнациональных информационных машинных комплексов являются прототипами этого будущего состояния.

Мы проследили тенденцию самодвижения производственной деятельности (от раба — к самозамкнутой техносистеме), управленческой деятельности (от государственной тирании — к технически мгновенному самоуправлению) лишь в некоторых их проявлениях, кажущихся нам существенными. В импульсе (универсально, внеисторически) можно наблюдать эти тенденции следующим образом:

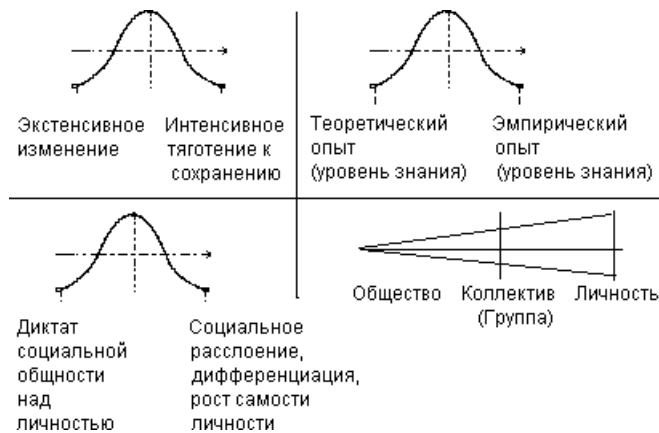

Рис. 142.

Интересную гипотезу, приводящую нас к совокупной цикличности, выдвигают такие исследователи, как Ю.С. Маслов, В.М. Петров, Ю.М. Лотман и Б.А. Успенский. Правомерно введя двойную (внешнюю, по отношению к среде социума, и внутреннюю) обусловленность причин динамики изучаемого явления (мы пока исследовали внутреннюю — самодвижение в цикле), они пришли к мысли о том, что внешние факторы могут налагаться на процессы социально-экономической сферы. Периодичность процессов является всеобщим условием изменения и развития системы. Более того, само развитие, как явствует из спиральности и крайних тенденций, есть движение от изменяющих (экстенсивных, интегративных) форм движения к сохраняющим (интенсивным, дифференцирующим) и последующему скачку качества системы (социальная форма движения материи). Разумеется, экономическая деятельность детерминирует процессы в ОЭФ, но и социальная сфера имеет тенденцию к нарастающему влиянию, о чем мы неоднократно говорили. С ростом достижений НТР это влияние усиливается экспоненциально. В.М. Петров связывает влияние социальной сферы с функциональной асимметрией мозга. В конспективном виде (и с использованием шестерки основных категорий эстетики) это выглядит так:

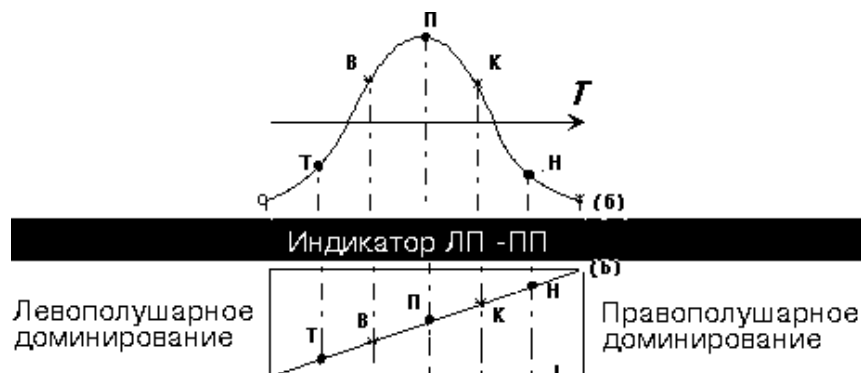

Рис. 143.

На основе исторического анализа В.М. Петров построил систему атрибутивности (отнесения) явлений по доминированию полушарно-активного проявления в социальных артефактах. Период колебаний он связывает с 50-летним циклом, т.е. ровно с половиной столетнего. Пятидесятилетний цикл связан со сменой поколений, но не так просто, как предположил данный автор. Однако сейчас важнее одно его принципиальное положение: *прогресс общества берется им во внимание с позиции информационных процессов. Это прямо совпадает с нашим положением о нарастании роли информации, о превосходстве информационного производства над вещественно-предметным в социоэволюции.* Проанализированная им цикличность (50 или 100 лет) имеет вторичный характер и проявляется по мере общего прогресса общества.

Цикл социоэволюции есть вообще импульс, имеющий самый сильный закон в ряду уровней. Но закономерность перехода от левополушарной (от животных) к правополушарной (чисто социальной) активности присуща и всему процессу социоэволюции: разве не говорит об этом исключительно интенсивный прогресс науки в наше время, ведь наука как раз и связана с правополушарной активностью? Это налагает ряд новых связей на социальное управление: оно не может больше сводиться к единовластию, примитивной иерархии левополушарной активности. Рецидивы возможны лишь в период первого витка цикла ОЭФ.

* * *

Несколько слов — о причинах дискретности социального времени. Если посмотреть на это просто, можно увидеть, что начало всякой деятельности связано с проектированием будущего, затем оно реализуется — и постепенно продукт деятельности удаляется в прошлое, устаревают. Так же и с импульсом общественно-экономической формации, культуры, цивилизации, государства: появление нового качества связано с надеждами на будущее, жизнью в психологическом будущем времени, со своеобразным проектом образа жизни (декларируется он или нет). Бытие демонстрирует гомеостатическая фаза, бытие и есть настоящее. Далее данное государство, данный способ производства и культура, данная формация начинают сохранять себя, пытаются стабилизировать свои структуры, не меняя найденного качества.

Естественен вопрос: возможен ли социализм? Социализм есть общество, приблизившееся к научному самоуправлению, т.е. к такой самопознанности и к такой самоуправляемости, при которых изменение социальных отношений, усложнение собственной структуры и т.п. становятся его естественными проявлениями жизни. Сами колебания дискретного времени сокращаются (затухание маятника) при росте интенсивности процессов. При этом во времени сокращаются отрезки активности социального и индивидуального доминирования, броски из будущего в прошлое. Стабилизация происходит на настоящем, уравнивающим общественное и индивидуальное, — здесь они совпадают. А совпадение общественного и индивидуального — это самодеятельность, это образование общества всесторонне развитых людей. Условие мгновенной связи всех тоже из этого ряда: нужны технические средства мгновенного взаимодействия. Стоит задуматься: внешнее управление через отдельную общественную функцию, через отдельную деятельность — это довольно длительный цикл движения от личности... к личности! То же — с отражением: онаучивание всех деятельностных проявлений сокращается во времени и становится практически мгновенным через управление.

Попробуем посмотреть теперь на связь деятельностей по отношению к материальному производству. Здесь каждая деятельность выступает как цель и как средство, с точки зрения результата:

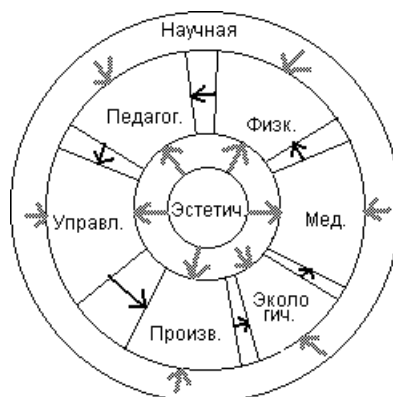

Рис. 144.

Они замыкаются на материальном производстве не потому, что оно есть цель, а потому, что целью материального производства является создание материальных предпосылок для всестороннего развития личности в обществе. Оно создает как среду, так и средства для этого.

Если внимательно взглянуть на данную схему, то можно понять: это и есть наша круговая схема типологического попарного разведения деятельности. В парности их также заложены генетические отдельные связи: медицинская деятельность есть условие для полноценной физкультурной; педагогика есть условие управленческой деятельности; экология есть условие производственной деятельности (становящееся соотношение); научная деятельность (как это ни странно) есть условие эстетической деятельности, но скорее характерна связанность этих деятельностей, так как по отношению к ним доминирование в цикле и причинно-следственная связь не одно и то же. Можно сказать, что деятельности онаучиваются или эстетизируются попеременно. Отражательная деятельность при этом не является генетически включенной, она постоянна во времени как “видение”, ориентирование (миро-воззрение, миро-ощущение) социального организма. Больше всего она связана с управлением и педагогикой, т.е. так:

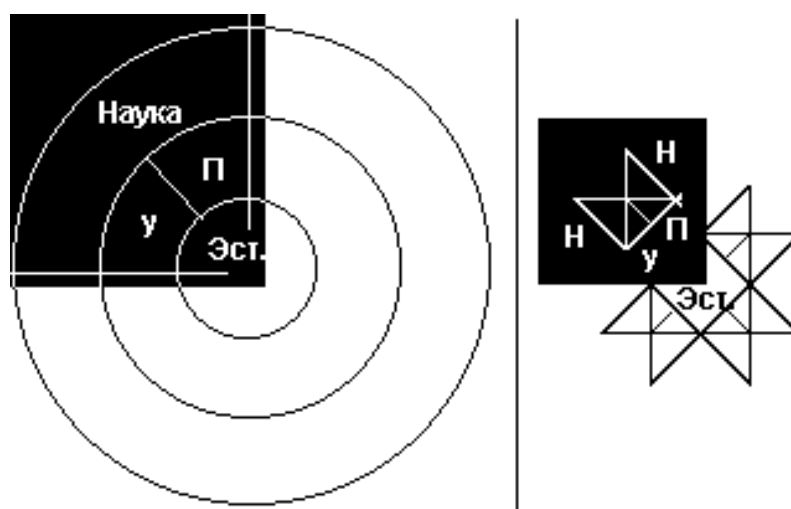

Рис. 145.

Появление экологической деятельности уведит человечество от его антропоцентризма, создает новое качество гомеостатического типа между обществом и средой обитания. В нашем времени зачатки экологической деятельности примерно то же, что появление у высших животных предпосылок для человеческой природы. Мы уже неоднократно замечали, что, как только в эволюциях образуются полностью парные системы, возникает устойчивость, а с ней — новое качество. Новое качество — для новой изменчивости. Что это будет, приходится пока гадать. Но замыкание деятельностей как родовых — попарно, так и ее типов — в новую связь очевидно.

Данный способ связей деятельностей в кольцо приводит к интересным результатам и к позиции импульсности. Импульс исчерпывается их полной связью и интеграцией дифференцированного, общественное и разделенное снимается в личном и интегрированном. Общественная целесообразность не противостоит природному (законо- и геносообразности), проще говоря, в целесообразности непротиворечиво и максимально экономно снимаются два типа детерминизма. Истинная целесообразность при этом связана с дальнейшим познанием природы, в силу этого “конец истории” есть только условие дальнейшего движения. Это значит, что из точки, из начального этапа “царства свободы”, идет начало новой спирали развития, и она снова пройдет путь к собственному снятию — в новом качестве иного человечества. Видимо, это и есть тот способ оптимизации, который связывает данное количественное объединение людей на данной планете в оптимальную устойчивую систему. Как ранее они связывались родом, государством, еврообществом и т.п., так они теперь будут связаны общностью общечеловеческой:

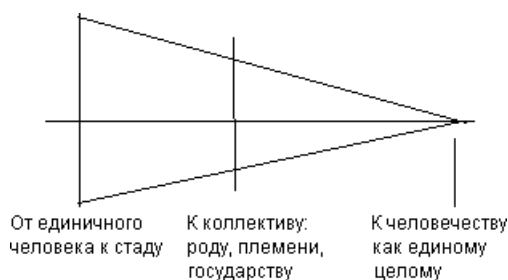

Рис. 146.

Здесь условием всечеловеческой общности становится общность экономики и экологии, общность отражения, а далее — общность разных модификаций управления и педагогики, физкультуры и медицины. Что различно сейчас: управление — как отражение способа производства и культуры, способа связи людей.

Есть еще одна закономерность: сохраняющиеся деятельности, в отличие от изменяющих, осуществляются обществом дискретно. Это почти не нуждается в доказательствах. Выравнивание процессов гомеостатики приводит к их непрерывному воздействию. *Непрерывными* стремятся стать педагогика, медицина, научное обеспечение, экология. И если раньше эти деятельности возникали как вторичные, компенсационные, то теперь на них уже можно выделять достаточно (для непрерывности) общественных усилий и средств. Процесс только начался — это тенденция. Последовательность такова: непрерывная медицина, затем — педагогика, затем — наука, затем — экология. Как в истории, так и в их становлении в непрерывности.

* * *

В заключение предложим примерный план будущего исследования. по теме
“Динамика деятельностного универсума в истории”.

ГЛАВА 3.

3.1. Распределение типов деятельности по историческому циклу.

3.1.1. Циклическая методология истории. История как совокупность циклов.

3.1.2. Уровни циклов истории. Прогностические горизонты.

3.1.3. Пятиуровневая прогностика. Социальная генетика.

3.1.3. Типология деятельности и ее доминанты в разных исторических циклах.

3.2. Исторический одномоментный срез деятельностного универсума.

3.2.1. Мониторинговая аналитика и ее индикаторы.

3.2.2. Прямые и косвенные деятельностные индикаторы и маркеры типов деятельности.

3.2.3. Картина реальности в ее связанности.

3.3. Прогноз развития деятельностного универсума в текущем цикле.

3.3.1. Эволюционирование наиболее важных типов деятельности и возможные экстраполяции.

3.3.2. Закономерные кризисы в разных родах деятельности и их предупреждение.

3.3.3. Сценарии ближайшего будущего с позиций теории деятельности и прогностическая перспектива.

ПОСЛЕСЛОВИЕ

Эта работа не была завершена. Тема становления деятельностей, в отличие от мощной развертки деятельностных идей ФК ГИСИ, была освещена нами эскизно, с мыслью о дальнейшем развитии. Но больше к ней вернуться не удалось, хотя остались многочисленные черновые наработки, не вошедшие в текст данной книги.

За прошедшее время изменилось многое, сейчас я написал бы все несколько иначе. Но и в незавершенной работе есть масса обобщений, делающих ее достаточно актуальной. Она может выступать как своеобразный *справочник* по разработкам ГИСИ 1972-1986 годов. Теперь этот клуб тоже ушел вперед и занимается разработкой проблем человековедения. Однако в самом клубе ГИСИ нет подобной, обобщающей, работы: ведь многие сведения, приведенные здесь, почерпнуты мной из конспективных материалов симпозиумов, из выступлений, а не только из публикаций. Насколько мне известно, клуб готовил к изданию материалы обобщающего характера, но пока они не появились. Поначалу у меня было желание сделать более подробные ссылки в тексте, но потом от этой мысли я отказался. Все, что написано здесь, имеет два источника: коллективный автор — Философский клуб ГИСИ “Универсум” (НФК, ОАЧ) под бессменным руководством профессора, д.ф.н. Л.А. Зеленова, и я, автор, допускающий некоторые вольности в изложении строго научной темы.

Такие идеи, как “звезда деятельности”, “тор деятельности”, а также раздел **динамики деятельности**, больше нигде не встречаются — это мои идеи. Теория цикличности, классиологические и морфологические идеи развиты мною в последующих работах, в том числе в ряде опубликованных. Знакомство с системогенетикой и ее законами значительно обогатило мой аппарат исследования, вот почему мне сегодня легче написать заново работу по этой теме, чем переписать или продолжить явленную читателям. Но в качестве этапа, концентрирующего поиски определенного времени, эта публикация, считаю, все равно интересна и нужна. Вряд ли вообще в ближайшем будущем наука обратится с подобной позиции к данной проблематике. Теперешний этап многое вычеркнул из истории самих методов исследования. Но это вовсе не значит, что плохи методы: просто каждому времени — свои.

Что наиболее важно в данной работе? Обоснование структурно-типологического подхода к деятельности (это в основном — заслуга ФК ГИСИ, к их схеме я добавил две деятельности); попытка упорядочить его по-своему, упаковать и графически интегрировать, а также связать его с динамикой (это — моя, авторская, работа). В иной компоновке материала возникли и иные смыслы, которые первоисточники, возможно, и не содержали. Получился достаточно объемный конгломерат идей, вычленив из которых свое и чужое сложно. Да и нет необходимости.

Эта книга могла бы существовать самостоятельно. Но сегодня она уже стала составной частью серии “Формула истории”, а это уже совсем другой способ ее существования, в рамках большого целого, в его контексте.

Приведем полный состав книг этой серии, составляющей семитомник.

Все он изданы одновременно издательством Костромского государственного университета им. Н.А. Некрасова в 2000 году (формат А5).

Впоследствии книги были переизданы с дополнениями и изменениями в формате А4.

1. Звезда деятельности (Введение в общую теорию деятельности).
2. Числовые инварианты в менталитете.
3. Понимание времени. Культура и циклы.
4. Эволюция ментального хронотопа.
5. Формула истории.
6. Экзистенциальная системогенетика.
7. Эволюция искусства (системогенетический очерк).

ИСТОЧНИКИ:

Сборники Философского Клуба ГИСИ:

1. Проблема нормативности в эстетике и этике. (Тезисы сообщений к VI межзональному научному симпозиуму) — Горький: Горьковский областной совет НТО, 1979. — 64 с.
2. Человек и предметный мир / Тезисы докладов к VIII Межзональному научному симпозиуму. — Горький: Горьковский областной совет НТО, Комитет по дизайну, 1980. — 138 с.
3. Научно-техническая революция и развитие коммунистических начал при социализме / Тезисы докладов к IX Межзональному симпозиуму. — Горький: Горьковский областной совет НТО, 1981. — 214 с.
4. Методология и теория деятельности Тезисы докладов к X Межзональному научному симпозиуму. — Горький: Горьковский областной совет НТО, 1982. — 200 с.
5. Социальные отношения и социальные институты / Тезисы докладов к XI межзональному научному симпозиуму. — Горький: Горьковский областной совет НТО, 1983. — 186 с.
6. Теория потребностей и способностей / Тезисы докладов к XII Межзональному научному симпозиуму. — Горький: Горьковский областной совет НТО, 1984. — 133 с.
7. Система культуры личности и ее значение для научно-технического прогресса / Тезисы докладов к XIII Межзональному научному симпозиуму. — Горький: Горьковский областной совет НТО, 1985. — 182 с.
8. Научно-технический прогресс и проблемы социального управления в свете решения XXVII съезда КПСС / Тезисы докладов к XIV Межзональному симпозиуму. — Горький: Горьковский областной совет НТО, 1986. — 156 с.
9. Научно-технический прогресс и закономерности развития советского общества / Тезисы докладов к XV Межзональному симпозиуму. — Горький: Горьковский областной совет НТО, 1987. — 232 с.
10. Научно-технический прогресс и всестороннее развитие личности, коллектива, региона / Тезисы докладов к XVI Межзональному симпозиуму. — Горький: Горьковский ОС НТО, 1988. — 221 с.
11. Человек в системе НТП / Тезисы докладов к XVII Межзональному симпозиуму. — Горький: Горьковский ОС СНИО СССР, 1989. — 240 с.
12. Человек — мера всех вещей / Тезисы докладов к XVIII Межзональному симпозиуму. — Горький: Горьковская областная организация СНИО СССР, 1990. — 243 с.
13. Система частных наук о человеке / Тезисы докладов к XX Академическому Межзональному симпозиуму. — Нижний Новгород: Нижегородская областная организация СНИО СССР, 1992. — 194 с.
14. Проблема человека в системе основных типов мироосвоения / Тезисы докладов к XXI академическому симпозиуму. — Нижний Новгород: Общероссийская академия человековедения, 1993. — 184 с.
15. Человек в системе сфер общественной жизни / Тезисы докладов к XXII академическому симпозиуму. — Нижний Новгород: Петровская академия наук и искусств, Нижегородская архитектурно-строительная академия, Общероссийская академия человековедения, Нижегородская организация общества “Знание” России, 1994 г. — 217 с.
16. Методология социального проектирования / Тезисы докладов к XXIII академическому симпозиуму. — Нижний Новгород: Общероссийская академия человековедения, 1995. — 286 с.
17. Христианство в истории человечества. Тезисы докладов Третьей Международной ярмарки идей, XXVIII академического симпозиума. — Н.Новгород, Общероссийская академия человековедения, 2000. — 335 с.
18. Законы развития человеческого общества: Материалы V Международной ярмарки идей: 30 академический симпозиум. — Н. Новгород: Изд. Гладкова О.В., 2002. — 410 с.

См. также:

Банк концепций и программ. — Нижний Новгород: Общероссийская академия человековедения, 1992. — 37 с.

Антропология. Общая теория человека. Тезисы сообщений к XIX межзональному симпозиуму. — Горький: СНИО, 1991. — 172 с.

Мир человека. / Отв. ред. Зеленов Л.А., науч. ред. Кутырев В.А. Вып. 1. — Нижний Новгород: НАСА, 1993. — 144 с.

Зеленов Л.А. Основы технической эстетики. — Горький: ГИСИ, 1977. — 98 с.

Зеленов Л.А. Пищик А.М. Справочник по разработкам ГФК “Универсум”. Вып. 1 “Социум”. — Горький, ФК ГИСИ, 1989. — 24 с.

Зеленов Л.А. Социология города: Учебное пособие. — Нижний Новгород: Изд-во НАСА, 1995. — 47 с.

Пищик А.М. К. Маркс и Ф. Энгельс об экономической деятельности при коммунизме, коммунистическом способе распределения, обмена и потребления материальных благ. — Горький: ФК ГИСИ, 1981. — 21 с.

Дахин А.В. Формационное самоопределение универсума. Часть 1. Природный мир. — Нижний Новгород: Изд-во НАСИ, 1992. — 107 с.

Дахин А.В., Щуров В.А. Апокалипсис технического объекта: Учебное пособие. — Нижний Новгород: Изд-во ННГУ, 1992. — 95 с.

Дахин А.В., Щуров В.А. Гуманитарные основы инженерной деятельности: Учебное пособие. — Нижний Новгород: Изд-во ННГУ, 1993. — 72 с.

Кутырёв В.А. Естественное и искусственное: борьба миров. — Н. Новгород.: Изд-во “Нижний Новгород”, 1994. — 199 с.

Норенков С.В. Введение в архитектуру: архитектурная и техническая эстетика проектной деятельности: Учебное пособие — Нижний Новгород: Изд-во ННГУ, 1991. — 99 с.

Норенков С.В. Архитектура предметного мира. — Нижний Новгород: Изд-во ННГУ, 1991. — 160 с.

Норенков С.В. Визуальная архитектура мироздания. — Нижний Новгород: Изд-во ННГУ, 1997. — 126 с.

Норенков С.В. Культурософия концептуального проектирования: архитектурный анализ и научные исследования: Учебное пособие. — Нижний Новгород: Изд-во НАСУ, 1997. — 119 с.

Федотов Е.В. Основы социально-психологической культуры: Учебное пособие. — Нижний Новгород: Изд-во ННГУ, 1993. — 104 с.

Храменков Н.Н. Философский анализ экологической сферы общества. — Нижний Новгород: Изд-во НАСА, 1995. — 134 с.

Б И Б Л И О Г Р А Ф И Я

1. Александров Н.Н. Концепция системогенезиса общества: цивилизация и культура сквозь призму искусства. Диссертация на соискание ученой степени кандидата философских наук. — Нижний Новгород, 1995. — 233 с.
2. Альтшуллер Г.С. Творчество как точная наука. Теория решения изобретательских задач. — М.: Сов. радио, 1979. — 174 с.
3. Амонашвили Ш.А. Основания педагогики сотрудничества // В кн.: “Новое педагогическое мышление”. — М.: Педагогика, 1989. — 280 с.
4. Антропология. Общая теория человека / Под ред. Л.А. Зеленова. — Нижний Новгород: НАСИ, 1991. — 172 с.
5. Афанасьев В.Г. Общество, системность, познание и управление. — М.: Изд-во полит. лит-ры, 1981. — 432 с.
6. Афасижев М.Н. Искусство как предмет комплексного исследования (Методологические и научные аспекты системного исследования). — М.: Знание, 1983. — 64 с. (Новое в жизни, науке, технике. Серия “Эстетика”; № 6)
7. Балашов Е.П. Эволюционный синтез систем. — М.: Радио и связь, 1985. — 328 с.
8. Балашов Ю.В., Казютинский В.В. Антропный принцип в космологии: естественнонаучные и мировоззренческие аспекты // Логика, методология и философия науки. Материалы к VIII Международному конгрессу по логике, методологии и философии науки. Вып. 2. — М.: АН СССР, 1987. С. 89-123.
9. Барг М.А. Эпохи и идеи. Становление историзма. — М.: Мысль, 1987. — 348 с.
10. Барулин В.С. Социальная философия. — М.: Изд-во МГУ, 1993. Ч. I — 336 с.; Ч. II — 238 с.
11. Басин Е.Я. Семантическая философия искусства. Критический анализ. — М.: Мысль, 1973. — 216 с.
12. Басин Е.Я. Психология художественного творчества (Личностный подход). — М.: Знание, 1985. — 64 с. (Новое в жизни, науке, технике. Серия “Эстетика”; № 5)
13. Бахтин М.М. Творчество Франсуа Рабле и народная культура средневековья и Ренессанса. — 2-е изд. — М.: Художественная литература, 1990. — 543 с.
14. Безмоздин Л.Н. Художественно-конструктивная деятельность человека. — Ташкент: Изд-во “ФАН”, 1975. — 244 с.
15. Бенедиктов Н.А., Пушкин С.Н., Шапошников Л.Е., Шаталин Е.Н. Философия истории в России — XIX век. — Нижний Новгород, 1994. — 222 с.
16. Л. фон Берталанфи. Общая теория систем — критический обзор // Исследования по общей теории систем. — М.: Прогресс, 1969. С. 23-82.
17. Бестужев-Лада И.В. Поисковое социальное прогнозирование: перспективные проблемы общества. Опыт систематизации. — М.: Наука, 1984. — 272 с.
18. Бехтерев В.М. Объективная психология. — М.: Наука, 1991. — 480 с. (Памятники психологической мысли)
19. Богданов А.А. Тектология. Всеобщая организационная наука. — Кн. 1, 2. — М.: Экономика, 1989. (Кн. 1. — 304 с., кн. 2 — 304 с.)
20. Богомоллов А.С. Становление античной диалектики. — М.: Мысль, 1982. — 263 с.
21. Борев Ю.Б. Основные эстетические категории. — М.: Высшая школа, 1960. — 447 с.
22. Борев Ю.Б. Эстетика. Издание 2-е. — М.: Политиздат, 1975. — 399 с.
23. Боулдинг К. Общая теория систем — скелет науки // Исследования по общей теории систем. — М.: Прогресс, 1969. С. 106-142.

24. Боумен У. Графическое представление информации. Пер с англ. — М.: Мир, 1971. — 226 с.
25. Бреховских С.М. Основы функциональной системологии материальных объектов. — М.: Наука, 1986. — 192 с.
26. Бурлина Е.Я. Культура и жанр. Методологические проблемы жанрообразования и жанрового синтеза. — Саратов: Изд-во СГУ, 1987. — 168 с.
27. Введение в культурологию. Учебное пособие для вузов / Руководитель автор. колл. и отв. ред. Е.В. Попов — М.: ВЛАДОС, 1996. — 336 с.
28. Вебер М. Избранное. Образ общества / Пер с нем. — М.: Юрист, 1994. — 704 с. (Лики культуры)
29. Вернадский В.И. Избранные труды по истории науки. — М.: Наука, 1981. — 360 с.
30. Вернадский В.И. Философские мысли натуралиста. — М.: Наука, 1988. — 520 с.
31. Вёльфлин Г. Основные понятия истории искусств. Проблема эволюции стиля в новом искусстве. — С.-Пб.: МИФРИЛ, 1994. — 398 с. (Классика искусствознания)
32. Вёльфлин Г. Классическое искусство. Введение в изучение итальянского Возрождения / Перевод с нем. А.А. Константиновой и В.М. Неvejeиной. — С.-Пб.: Алетейя, 1997. — 398 с. (Классика искусствознания)
33. Волновые процессы в общественном развитии / Под ред. В.В. Василькова, И.П. Яковлева, И.Н. Барыгина и др. — Новосибирск: Изд-во НГУ, 1992. — 229 с.
34. Волошинов А.В. Пифагор: союз истины, добра и красоты. — М.: Просвещение, 1993. — 224 с.
35. Выготский Л.С. Психология искусства. Изд. 3-е. — М.: Искусство, 1986. — 573 с.
36. Галинская И.Л. Загадки известных книг. — М.: Наука, 1986. — 128 с.
37. Гальперин П.Я. Введение в психологию. — М.: МГУ, 1976. — 150 с.
38. Гастев А.К. Трудовые установки. — М.: “Экономика”, 1973. — 343 с.
39. Гегель Г. Энциклопедия философских наук. В 2-х тт. — М.: “Мысль”, 1975. Т 2. — 695 с.
40. Гегель Г. Философия духа // Энциклопедия философских наук / Отв. ред. Е.П. Ситковский. — М.: Мысль, 1977. Т. 3. — 471 с.
41. Гегель Г. Лекции по философии истории. — С.-Пб.: Наука, 1993. — 480 с.
42. Геодакян В.А. О структуре эволюционирующих систем // Проблемы кибернетики. Вып. 2. — М., 1972.
43. Геодакян В.А. Половой диморфизм и “отцовский эффект” // Журнал общей биологии, 1981. N 5. Т. 42.
44. Гердер И.-Г. Идеи к философии истории человечества. — М.: Наука, 1977. — 704 с. (Памятники исторической мысли)
45. Гёте И.-В. Избранные произведения в 2-х томах. Пер. с нем. — М.: Правда, 1985. Т.1 — 704 с., т.2 — 704 с.
46. Гинзбург М.Я. Ритм в архитектуре. — М.: Академия, 1923. — 120 с.
47. Гирко Л.В. Культура как “образ мира” в философии немецкого просвещения // Новые идеи в философии (культура и религия). М., 1991. С. 35-47;
48. Глазычев В.Л. О дизайне. — М.: Искусство, 1970. — 192 с.
49. Глазычев В.Л. Язык и метод художественного проектирования. ДИ СССР, 1972. № 10.
50. Глазьев С.Ю. Теория долгосрочного технико-экономического развития. — М.: ВлаДар, 1993. — 310 с.
51. Гончаренко Н.В. Гений в искусстве и науке. — М.: Искусство, 1991. — 432 с.
52. Гражданников Е.Д. Экстраполяционная прогностика. — Новосибирск: Наука, 1988. — 144 с.
53. Гражданников Е.Д., Холюшкин Ю.П. Системная классификация социологических и археологических понятий. — Новосибирск: Наука, Сиб. отд., 1990. — 183 с.

54. Григорьева Т.П. Дао и логос (встреча культур). — М.: Наука. Главная редакция восточной литературы, 1992. — 424 с.
55. Громов Е.С. Художественное творчество. Опыт эстетической характеристики некоторых проблем. — М.: Политиздат, 1970. — 263 с. (Над чем работают, о чем спорят философы)
56. Гроф С. За пределами мозга. — М.: Изд-во Трансперсонального Института, 1993. — 498 с.
57. Губман Б.Л. Смысл истории. Очерки современных западных концепций. — М.: Наука, 1991. — 192 с.
58. Гумилев Л.Н. Этногенез и биосфера Земли. 3-е изд., стереотипное. — Л.: Гидрометеоиздат, 1990. — 528 с.
59. Давидюк Г.П. Введение в прикладную социологию. — Минск, “Вышэйшая школа”, 1975. — 200 с.
60. Давыдов Ю.Н. Эстетика и социология // Декоративное искусство, 1967. NN 5, 6. С. 8-10 — N 5; с. 8-11 — N 6.
61. Данилевский Н.Я. Россия и Европа / Сост., послесловие и комментарии Вайгачева С.А. — М.: Книга, 1991. — 574 с.
62. Даниэль С.М. Искусство видеть. О творческих способностях восприятия, о языке линий и красок и о воспитании зрителя. — Л.: Искусство, 1990. — 223 с.
63. Дарвин Ч. Происхождение видов путем естественного отбора, или сохранение благоприятных рас в борьбе за жизнь. — Л.: Наука, 1991. — 539 с. (Серия “Классики науки”)
64. Декарт Р. Сочинения в 2-х тт. / Пер. с лат. и франц. Сост., ред., вст. статья В.В. Соколова. Т. I — М.: Мысль, 1989. — 654 с. Т. II — М.: Мысль, 1994. — 633 с. (Философское наследие)
65. Диалектическое противоречие. Сборник. — М.: Политиздат, 1979. — 343 с. (Над чем работают, о чем спорят философы)
66. Дмитриева Н.А. Краткая история искусств. Вып. II. Северное Возрождение. Страны Западной Европы XVII и XVIII веков; Россия XVIII века. — 2-е изд., доп. — М.: Искусство, 1989. — 318 с., илл.
67. Дмитриева Н.А. Краткая история искусств. Вып. III. Страны Зап. Европы XIX в.; Россия XIX в. — М.: Искусство, 1993. — 361 с., илл.
68. Доскин В.А. Лаврентьева Н.А. Ритмы жизни. 2-е изд, перераб. и доп. — М.: Медицина, 1991. — 176 с.
69. Древние цивилизации / Сост. С.С. Аверинцев, В.П. Алексеев, В.Г. Ардзинба и др. Под общей редакцией Г.М. Бонград-Левина. — М.: Мысль, 1989. — 479 с., илл.
70. Дружинин В.В., Конторов Д.С. Вопросы военной системотехники. — М.: Воениздат, 1976. — 224 с.
71. Дружинин В.В., Конторов Д.С. Проблемы системологии. — М.: Советское радио, 1976. — 296 с.
72. Дубинин Н.П. Биологические и социальные факторы в развитии человека // Вопросы философии, 1977. N 2. С. 46-57.
73. Дубов И.Г. Феномен менталитета: психологический анализ // Вопросы психологии, 1993. № 5. С. 20-29.
74. Дубровский Д.Г. Категория идеального и ее соотношение с понятиями индивидуального и общественного сознания // Вопросы философии, 1988. № 1. С. 15-27.
75. Дюркгейм Э. О разделении общественного труда. Метод социологии / Пер. с фр. и послесловие А.Б. Гофмана. — М.: Наука, 1990. — 575 с. (Социологическое наследие)
76. Дюркгейм Э. Социология. Ее предмет, метод, предназначение / Пер. с фр., составление, послесловие и примечания А.Б. Гофмана. — М.: Канон, 1995. — 352 с. — (История социологии в памятниках)
77. Елисеев Э.Н., Сачков Ю.В., Белов Н.В. Потоки идей и закономерности развития естествознания. — Л.: Наука, 1982. — 300 с.
78. Жмудь Л.Я. Пифагор и его школа. — Л.: Наука. 1990. — 192 с.

79. Зеленев Л.А. Процесс эстетического отражения. — М.: Искусство, 1969. — 168 с.
80. Зеленев Л.А. Методологические проблемы эстетики. — Горький: ГИСИ, 1971. — 80 с.
81. Зеленев Л.А. Основы эстетики. Курс лекций. — Горький: ГИСИ, 1974. — 185 с.
82. Зеленев Л.А. Метатеория и теория деятельности. Рукопись. — Горький: Архив ФК ГИСИ (НФК), 1979. — 215 с.
83. Зеленев Л.А., Куликов Г.И. Методологические проблемы эстетики. — М.: Высшая школа, 1982. — 176 с.
84. Зеленев Л.А. Методология человековедения. — Нижний Новгород: НШЭУ— НФК “Универсум”, 1991. — 76 с.
85. Зеленев Л.А., Дахин А.В., Ананьев Ю.В., Кутырев В.А. Культурология. Учебное пособие. — Нижний Новгород: Изд-во ННГУ, 1993. — 93 с.
86. Зырянова Т.В. Очерк истории герменевтики. — Тольятти: Акцент, 1996. — 76 с.
87. Зись А.Я. Виды искусства. — М.: Знание, 1979. 128 с. (Нар. ун-т. Фак. литературы и искусства)
88. Иванов К. О природе и сущности дизайна // Техническая эстетика, 1965. № 3.
89. Ильенков Э.В. Философия и культура. — М.: Политиздат, 1991. — 464 с. (Серия “Мыслители XX века”)
90. Искусство и научно-технический прогресс. Сборник // Сост. Л.И. Новикова, В.С. Соколов. — М.: Искусство, 1973. — 464 с.
91. История античной диалектики. — М.: Мысль, 1972. — 335 с.
92. История философии в кратком изложении / Пер. с чеш. И.И. Богута. М.: Мысль, 1991. — 590 с.
93. Каган М.С. Опыт системного анализа человеческой деятельности. “Философские науки”, 1970. № 5.
94. Каган М.С. Морфология искусства. Историко-теоретическое исследование внутреннего строения мира искусств. Части I, II, III. — Л.: Искусство, 1972. — 440 с.
95. Казаринова В.И. Товароведу о красоте и композиции. — М.: Экономика, 1973. — 151 с.
96. Казначеев В.П., Михайлова Л.П. Биоинформационная функция естественных электромагнитных полей. — Новосибирск: Наука, 1985. — 181 с.
97. Казначеев В.П., Казначеев С.П. Адаптация и конституция человека. — М.: Наука, 1986. — 120 с.
98. Казначеев В.П. Интеллектуальные ресурсы развития научно-технического прогресса. — М.: ВНИИПИ, 1988. С. 9-12.
99. Казначеев В.П. Великое Объединение наук // Наука и религия, 1990. N 8. С. 6-7.
100. Казначеев В.П., Спирин Е.А. Космопланетарный феномен человека. Проблемы комплексного изучения. — Новосибирск: Наука, 1991. — 304 с.
101. Кант И. Критика чистого разума / Пер. с нем. Н.Лосского. — М.: Мысль, 1994. — 951 с. (Философское наследие, том 118)
102. Кант И. Критика способности и суждения / Пер. с нем. — М.: Искусство, 1994. — 367 с. (История эстетики в памятниках и документах)
103. Кантор К.М. Красота и польза. Социологические вопросы материально-художественной культуры — М.: Искусство, 1990. — 280 с.
104. Кантор К.М. Тысячеглазый Аргус. — М.: Советский художник, 1990. — 200 с.
105. Каплун А.И. Стиль и архитектура. — М.: Стройиздат, 1985. — 232 с.
106. Кара-Мурза С.Г. Наука и кризис цивилизации // Вопросы философии, 1990. № 9. С. 3-16.
107. Квейд Э. Анализ сложных систем. — М.: Советское радио, 1969. — 127 с.
108. Кедров Б.М. Предмет и взаимосвязь естественных наук. — М.: Изд-во АН СССР, 1962.
109. Кедров Б.М. О творчестве в науке и технике. — М.: Молодая гвардия, 1987. — 192 с. (Эврика)

110. Клир Дж. Системология. Алгоритмизация решения системных задач. — М.: Радио и связь, 1990. — 539 с.
111. Кобзев А.И. Учение о символах и числах в китайской философии. — М.: Восточная литература, 1994. — 432 с.
112. Коган Л.Н. Культурная деятельность. Опыт социологического исследования. — М.: Наука, 1981. — 239 с.
113. Коменский Я.А., Локк Д., Руссо Ж.-Ж., Песталоцци И.Г. Педагогическое наследие. — М.: Педагогика, 1989. — 416 с.
114. Кондратьев Н.Д. Проблемы экономической динамики. — М.: Экономика, 1989. — 528 с.
115. Краткий словарь по логике / Под ред. Д.П.Горского. — М.: Просвещение, 1991. — 208 с.
116. Крюковский Н.И. Кибернетика и законы красоты. — Минск: Изд-во БГУ, 1977. — 256 с.
117. Кудрин Б.И. Введение в технику. — Томск: Изд-во Томского ун-та, 1993. — 552 с.
118. Кудрявцев В.Н. Механизм социальной деформации // Вопросы философии, 1989. № 11. С. 3-13.
120. Кузнецов В.Г. Герменевтика и гуманитарное познание. — М.: Изд-во МГУ, 1991. — 192 с.
121. Кузьмин В.П. Принцип системности в теории и методологии К. Маркса. — М.: Политиздат, 1976. — 247 с.
122. Кузьмина Н.В. Методы исследования педагогической деятельности. — Л.: Изд-во ЛГУ, 1970. — 114 с.
123. Кукушкина Е.И. Логунова Л.Б. Мироззрение, познание, практика. — М.: Политиздат, 1989. — 303 с. (Над чем работают, о чем спорят философы)
124. Кулик В.Т. Алгоритмизация объектов управления. — Киев: Наукова думка, 1968. — 363 с.
125. Культурология. Учебное пособие для студентов негуманитарных спец./ Под ред. Агеносова В.В. и др. — М.: Об-во "Знание" Российской Федерации, 1993. — 160 с.
126. Кун Т. Структура научных революций. 2-е изд. — М.: Прогресс, 1972. — 190 с.
127. Леви-Строс К. Первобытное мышление / Пер., вступ. статья и прим. А.Б. Островского. — М.: Республика, 1994. — 384 с. — (Мыслители XX века)
128. Левитин К.Е. Горящий светильник. — М.: Знание, 1983. — 208.
129. Лейбсон В.И. Три уровня эстетического восприятия // Восприятие художественного текста. — Таллин, 1979. — С. 7-10.
130. Ленин В.И. Философские тетради. — М.: Политиздат, 1978. — 752 с.
131. Леонтьев А.А. Основы психолингвистики. — М.: Смысл, 1989. — 287 с.
132. Леонтьев А.Н. Проблемы развития психики. 4-е изд. — М.: Изд-во Московского университета, 1981. — 584 с.
133. Лисицын Ю.П., Жилиева В.П. Союз медицины и искусства. — М.: Медицина, 1985. — 192 с.
134. Лихачев Д.С. Поэтика древнерусской литературы. Изд. 3-е. — М.: Наука, 1979. — 360 с.
135. Логика и проблемы обучения / Под ред. Б.В. Бирюкова и В.Г. Фарбера. — М.: Педагогика, 1977. — 216 с.
136. Лосев А.Ф. Дерзание духа. — М.: Изд-во политической литературы, 1988. — 366 с.
137. Лосев А.Ф. Философия. Мифология. Культура. — М.: Политиздат, 1991. — 525 с. (Мыслители XX века)
138. Лосев А.Ф., Тахо-Годи А.А. Платон, Аристотель. — М.: Молодая гвардия, 1993. — 383 с.
139. Лосев А.Ф. Миф. Число. Сущность / Сост. А.А.Тахо-Годи. — М.: Мысль, 1993. — 959 с.

140. Лотман Ю., Николаенко Н. “Золотое сечение” и проблемы внутримозгового диалога // ДИ СССР, 1983. № 9. С. 31-34.
141. Лукьянов А.Е. Истоки Дао. — М.: ИНСАН РМФК, 1992. — 208 с.
142. Лукшин И.П. Искусство как социальный институт. Критика буржуазных концепций. — М.: Знание, 1984. — 64 с. (Новое в жизни, науке, технике. Серия “Эстетика”; № 12)
143. Мамардашвили М.К. Как я понимаю философию. 2-е изд., изм. и доп. / Сост. и общ ред. Ю.П. Сенокосова. — М.: Изд. группа “Прогресс”, “Культура”, 1992. — 416 с.
144. Мамардашвили М.К. Сознание и цивилизация // Природа, 1988. №11. С. 57-85.
145. Мамардашвили М.К. Сознание как философская проблема // Вопросы философии, 1990, № 10. С. 3-18.
146. Маркарян Э.С. Теория культуры и современная наука. Логико-методологический анализ. — М.: Мысль, 1983. — 284 с.
147. Марков М.Е. Искусство как процесс. Основы функциональной теории искусства. — М.: Искусство, 1970. — 240 с.
148. Маркс К., Энгельс Ф. Об искусстве. в 2-х тт. / Сост. М. Лифшиц. Изд. 3-е. - М.: Искусство, 1976. Т. 1 — 575 с.; т. 2 — 719 с.
149. Мейен С.В. Таксономия и мерономия // Вопросы методологии в геологических науках. — Киев: Наукова думка, 1977. С. 25-33.
150. Месарович М., Мако Д., Такахара И. Теория иерархических многоуровневых систем. — М.: Мир, 1973. — 344 с.
151. Мизун Ю.Г., Мизун П.Г. Космос и здоровье. — М.: Знание, 1984. — 144 с.
152. Миклин А.М., Подольский В.А. Категория развития в марксистской диалектике. — М.: Мысль, 1980. — 166 с.
153. Миллер Дж. А. Магическое число семь плюс минус два. О некоторых пределах нашей способности перерабатывать информацию // Инженерная психология. — М., 1964.
154. Мир человека. Сборник / Отв. ред. Зеленов Л.А., науч. ред. Кутырев В.А. Вып 1. — Нижний Новгород: НАСА, 1993. — 144 с.
155. Моисеев Н.Н. Алгоритмы развития. — М.: Наука, 1987. — 304 с.
156. Моисеев Н.Н. Человек и ноосфера. — М.: Молодая гвардия, 1990. — 351 с., илл.
157. Молевич Е.Ф. Круговорот и необратимость в мировом движении. — Саратов: Изд-во СГУ, 1976. — 108 с.
158. Моль А. Социодинамика культуры. — М.: Мир, 1973. — 358 с.
159. Неменский Б.М. Мудрость красоты. О проблемах эстетического воспитания. Изд. 2-е. — М.: Просвещение, 1987. — 255 с.
160. Норенков С.В. Архитектоническое искусство. — Нижний Новгород: Волго-Вятское кн. изд-во, 1991. — 199 с.
161. Ойзерман Т.И. Существуют ли универсалии в сфере культуры? // Вопросы философии, 1989. № 2. С. 51-62.
162. Педагогический словарь. В 2-х тт. — М.: Изд-во Академии пед. наук РСФСР, 1960. — Т. I — 774 с., т. II — 766 с.
163. Переверзев Л. О раздвоении единого, неравных парах и условиях диалога // Знание — сила, 1984. № 1. С. 30-32.
164. Петров В.М. Прогнозирование художественной культуры: вопросы методологии и методики. — М.: Наука, 1991. — 152 с.
165. Печчеи А. Человеческие качества / Пер. с англ. О.В. Захаровой. Общ ред и послесл. ак. Д.М. Гвишиани. — М.: Прогресс, 1980. — 304 с.
166. Платон. Собрание сочинений в 4-х тт. — М.: Мысль, 1990-1994. Т. 1 (1990) — 860 с., т. 2 (1993) — 528 с., т. 3 (1994) — 654 с., т. 4 (1994) — 830 с.
167. Пономарев Я.А. Психология творчества. — М.: Наука, 1976. — 304 с.
168. Поппер К. Открытое общество и его враги / Пер. с англ. под общ. ред. В.Н. Садовского. — М.: Международный фонд “Культурная инициатива”, 1992. — 525 с.

169. Пригожин И. От существующего к возникающему. Время и сложность в физических науках / Пер. с англ., под ред. Ю.Л. Климонтовича. — М.: Наука, 1985. — 327 с.
170. Пригожин И. Новый синтез науки и культуры // Курьер, 1988. Июнь. С. 9-13.
171. Пригожин И., Стенгерс И. Время. Хаос. Квант. К решению парадокса времени / Пер. с англ. Ю.А. Данилова. — М.: Изд. группа Прогресс, 1994. — 272 с.
172. Психология. Словарь / Под общ. ред. А.В. Петровского, М.Г. Ярошевского. — М.: Политиздат, 1990. — 494 с.
173. Ражников В.Г. Диалоги о музыкальной педагогике. — М.: Музыка, 1989. — 141 с.
174. Ракитов А.И. Цивилизация, культура, технология и рынок // Вопросы философии, 1992. № 5. С. 3-15.
175. Ракитов А.И. Историческое познание. — М.: Политическая литература, 1982. — 303 с.
176. Ребане Я.К. Информация и социальная память: к проблеме социальной детерминации познания // Вопросы философии, 1982. № 8. С. 41-47.
177. Режабек Е.Я. Становление понятия организации. — Ростов-на-Дону: Изд-во Ростовского ун-та, 1991. — 131 с.
178. Розенблюм Е.А. Художник в дизайне. Опыт работы Центральной учеб.-эксперимент. студии худож. проектирования на Сенеже / Предисл. Л. Жадовой. — М.: Искусство, 1974. — 176 с., илл.
179. Романов В.Н. Историческое развитие культуры. Проблемы типологии. — М.: Наука; Главная редакция восточной литературы, 1991. — 192 с.
180. Россия и Запад: взаимодействие культур (материалы “круглого стола”) // Вопросы философии, 1992. № 6. С. 3-49.
181. Русские философы (конца XIX — середины XX вв.). — М.: Книжная палата, 1993. — 368 с.
182. Садовский В.Н. Основания общей теории систем. — М.: Наука, 1974. — 279 с.
183. Сахал Д. Технический прогресс: концепции, модели, оценки. — М.: Финансы и статистика, 1985. — 366.
184. Н.И. Смолина. Традиции симметрии в архитектуре. — М.: Стройиздат, 1990. — 344 с.
185. Современная западная социология. Словарь / Сост. Давыдов Ю.С., Ковалева М.С., Филиппов А.Ф. — М.: Политиздат, 1990. — 432.
186. Современная западная философия. Словарь / Сост. Малахов В.С., Филатов В.П. — М.: Политиздат, 1991. — 414 с.
187. Советский энциклопедический словарь / Науч.-ред. совет: А.М. Прохоров, М.С. Гиляров, Е.М. Жуков и др. — М.: Советская энциклопедия, 1980. — 1600 с.
188. Содружество наук и тайны творчества. Сборник статей / Под ред. Б.С.Мейлаха. — М.: Искусство, 1968. — 450 с.
189. Сорокин П.А. Человек. Цивилизация. Общество / Отв. ред. сост. и предисл. А.Ю.Согомонов. Пер. с англ. — М.: Политиздат, 1992. — 543 с.
190. Сорокин П.А. Главные тенденции нашего времени / Пер. с англ., сост. и предисл. Т.С. Васильева. — М.: Наука, 1997. — 351 с.
191. Сороко Э.М. Концепция уровней, отношение, структура (К методологии социологического исследования). — Минск: Наука и техника, 1978. — 160 с.
192. Сороко Э.М. Структурная гармония систем. — Минск: Наука и техника, 1985. — 144 с.
193. Спенсер Г. Синтетическая философия. — Киев: “Ника-Центр”, 1997. — 512 с. — (Серия “Познание”; Вып. 2).
194. Столович Л.Н. Природа эстетической ценности. — М.: Политиздат, 1972. — 271 с. (Над чем работают, о чем спорят философы)
195. Столяров В.И. Диалектика как логика и методология науки. — М.: Политиздат, 1975. — 247 с. (Над чем работают, о чем спорят философы)

196. Субетто А.И. Метаклассификация, ее закономерности, метрики и их использование в квалиметрии. — Л., 1983. — Ч. I. — Деп. во ВНИИС Госстроя СССР, 14.09.83, рег. № 4474. — 248 с.
197. Субетто А.И. Системогенетические закономерности формирования качества сложных объектов (системогенетика в теории качества объектов строительства) — Л.: 1983. Деп. во ВНИИС Госстроя СССР, 25.08.84, рег. № 5309. — 199 с.
198. Тайлор Э.Б. Первобытная культура / Пер. с англ. 2-е изд. — М.: Издательство политической литературы, 1989. — 573 с.
199. Теория познания. В 4 тт. Т. 3. Познание как исторический процесс / РАН. Ин-т философии / Под ред. В.А. Лекторского, Т.И. Ойзермана. — М.: Мысль, 1993. — 397 с.
200. Теория функциональных систем в физиологии и психологии / Под ред. Б.Ф. Ломова и др. — М.: Наука, 1978. — 370 с.
201. Тойнби А.Дж. Постижение истории / Пер. с англ. Сост. Огурцов А.П.; вступ. статья Уколовой В.И.; закл. статья Рашковского Е.Б. — М.: Прогресс, 1991. — 736 с.
202. Уайтхед А. Способы мышления (Значимость. Выражение. Понимание) // В кн.: Избранные работы по философии. Пер. с англ. / Сост. И.Т. Касавин. — М.: Прогресс, 1990. — С.337-388.
203. Уемов А.И. Системный подход и общая теория систем. — М.: Мысль, 1978. — 272 с.
204. Урманцев Ю.В. Опыт аксиоматического построения общей теории систем. Системные исследования. — М.: Наука, 1972. С. 128-152.
205. Ушинский К.Д. Избранные педагогические произведения / Сост. Н.А. Сундуков. — М.: Просвещение, 1968. — 560 с.
206. Федоров М. Общественные свойства вещей // Техническая эстетика, 1969. № 10.
207. Философский словарь / Под ред. И.Т. Фролова. 4-е изд. — М.: Политиздат, 1980. — 444 с.
208. Философский энциклопедический словарь / Редкол.: С.С. Аверинцев, Э.А. Араб-Оглы, Л.Ф. Ильичев и др. 2-е изд. — М.: Сов. энциклопедия, 1989. — 815 с.
209. Флейшман Б.С. Основы системологии. — М.: Радио и связь, 1982. — 368 с.
210. Фостер Р. Обновление производства. Атакующие выигрывают. — М.: Прогресс, 1987. — 272 с.
211. Фрезер Д.Д. Золотая ветвь. Исследование магии и религии / Пер. с англ. 2-е изд. — М.: Издательство политической литературы, 1986. — 703 с.
212. Фрейд З. “Я” и “Оно”. Труды разных лет. — Тбилиси: Издательство “Мерани”, 1991. Книга 1 — 400 с.; книга 2— 430 с.
213. Фролов И.Т. Прогресс науки и будущее человечества. — М.: Политиздат, 1975. — 223 с. (Над чем работают, о чем спорят философы)
214. Фурман А.Е., Ливанова Г.С. Круговороты и прогресс в развитии материальных систем. — М.: Из-во МГУ, 1978. — 206 с.
215. Хабермас Ю. Понятие индивидуальности // Вопросы философии, 1989. № 2. С. 35-40.
216. Хайдеггер М. Время и бытие. Статьи и выступления / Пер. с нем. — М.: Республика, 1993. — 447 с. (серия “Мыслители XX века”)
217. Чижевский А.Л. Земное эхо солнечных бурь. — М.: Мысль, 1973. — 351 с.
218. П. Тейяр де Шарден. Феномен человека. — М.: Наука, 1987. — 240 с.
219. Шингаров Г.Х. Эмоции и чувства как формы отражения действительности. — М.: Наука, 1971. — 224 с.
220. Шкуратов В.А. Историческая психология на перекрестках человекознания (глазами психолога) // Одиссей. Человек в истории. — М., 1991. С. 103-114.
221. Шпенглер О. Закат Европы. Т.1. Очерки морфологии мировой истории. — М.: Мысль, 1993. — 663 с.
222. Щедровицкий Г.П. Смысл и значение // Проблемы семантики. — М., 1974. — С. 76-III.

223. Яглом И.М. Современная культура и компьютеры. — М.: Знание, 1990. — 48 с. (Новое в жизни, науке, технике. Серия “Математика, кибернетика”. N 11.)
224. Якиманская И.С. Развивающее обучение. — М.: Педагогика, 1979. — 144 с.
225. Яковец Ю.В. Закономерности научно-технического прогресса и их планомерное использование. — М.: Экономика, 1984. — 340 с.
226. Яковец Ю.В. Предвидение будущего: парадигма цикличности. — М.: АП и Ц, 1992. — 110 с.
227. Яковец Ю.В. Социогенетика: содержание, закономерности, перспективы. — М.: ИЭРАН, 1992. — 58 с.
228. Яковлев А. Социальные альтернативы века // Свободная мысль, 1993. № 17-18. С. 3-15.
229. Янч Э. Прогнозирование научно-технического прогресса. — М.: Прогресс, 1974. — 586 с.
230. Ярошенко Б.М., Ярошенко Н.Н. Диалектика развития изобразительного искусства. — Куйбышев: Изд-во КГУ, 1986. — 80 с.
231. Ясперс К. Смысл и назначение истории / Пер. с нем. — М.: Политиздат, 1991. — 527 с. (Серия “Мыслители XX века”)

УДК 140.8
ББК 87.3
А 00

ISBN 5-7591-0244-3

Александров Н.Н. Звезда деятельности. (Введение в общую теорию деятельности). Издание второе, стереотипное. — М.: Изд-во Академии Тринитаризма. — 167 с.

